

АПРЕЛЬ | 2019

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«РУССКИЙ ПЕЛАМ»

*Тайна
неоконченного
романа
Пушкина*

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

С МИФАМИ ПО ЖИЗНИ

КАЖЕТСЯ, НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ СВОЕЙ ИСТОРИИ Россия вынуждена иметь дело с тем, что теперь называется «русофобскими мифами». Сочиняемыми по большей части на Западе. Так, еще тепло встреченные Иваном Грозным английские путешественники, возвратившись домой, стали рассказывать про Московию страшные гадости. Эта «добрая традиция» сохранялась у европейских путешественников не одну сотню лет.

Затем, уже когда Российская империя стала активным участником европейской политики, ее непременно рисовали неуклюжим медведем или «лапотным» угрюмым и диким мужиком. Живописуя соответствующие «подробности». Советское время принесло свои мифы, а уж холодная война стала временем подлинного «креатива» по части мифотворчества. Сколько бредней про нашу страну понаписали – и не сосчитать.

Характерной чертой всех этих мифов является то, что, поначалу громко заявляя о себе миру, они через какое-то время бесславно лопались – но в информационной тишине и, уж конечно, без извинений.

Сейчас времена вроде бы изменились, но законы русофобского мифотворчества по-прежнему стабильны. Сколько было шума по поводу «русского допинга» и разоблачений сбежавшего в Америку бывшего начальника Московской антидопинговой лаборатории Родченко? Сколько было поломано спортивных карьер в российском спорте? Говорили аж об исключении России из олимпийского движения.

И? Как-то сейчас тихо все случилось. Большая часть спортсменов оправданы (по-тихому), большая часть обвинений остались недоказанными и сняты. Извинения будут? Нет.

Или вот теперь рухнул миф о том, что «русские помогли избраться президенту Трампу». 22 месяца расследований американского спецпрокурора выдали на-гора «мышь»: сговора Трампа с Кремлем не было (какая сенсация!), просто кто-то что-то писал в соцсетях. Но Россия все равно, конечно, по жизни виновата. И так сотни лет. Мы привыкли.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Верховный комиссар
и potyomkin's villages

ИНТЕРВЬЮ

10 Россия – страна артистов

ИСТОРИЯ

18 Пушкин. Замысел последнего романа

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

24 Из жизни Морица
Христиановича

НАСЛЕДИЕ

30 Неубитая

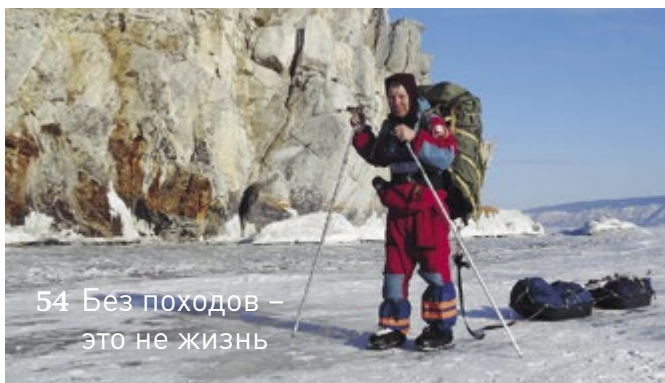

36 Провокатор

48 Русская душа
Ефима Честнякова

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

54 Без походов –
это не жизнь

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

60 Коршуновские горки

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

68 Булыжники Красной

РЕПОРТАЖ

76 И снова
на манеже!

ТРАДИЦИИ

82 Хранители

90 Щелоковская Масленица

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Максим ГУСЕВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

предоставлено автором

ВЕРХОВНЫЙ КОМИССАР И RUTOMKIN'S VILLAGES

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ГОД НАЗАД ПОПУЛЯРНЫЙ РОССИЙСКИЙ ТЕЛЕВЕДУЩИЙ И ДЕПУТАТ ГОСДУМЫ ПЕТР ТОЛСТОЙ, ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ В ТО ВРЕМЯ РОССИЙСКУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕЕ ОБСЕ, В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗАЛ О НАМЕРЕНИИ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ОБСЕ ЛАМБЕРТО ЗАНЬЕРА ПОСЕТИТЬ ЛАТВИЮ. КОМИССАР ОБЕЩАЛ РАЗОБРАТЬСЯ С ПОЛОЖЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЭТОЙ СТРАНЕ. РЕЧЬ ШЛА О ПРОБЛЕМАХ НЕГРАЖДАН, ГОНЕНИЯХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИКВИДАЦИИ РУССКИХ ШКОЛ. И ВОТ ВИЗИТ СОСТОЯЛСЯ. ПРАВДА, ЗА МИНУВШИЙ ГОД МНОГОЕ В БАЛТИЙСКОЙ СТРАНЕ ИЗМЕНИЛОСЬ, И, УВЫ, НЕ В ЛУЧШУЮ СТОРОНУ...

КАК ПОКАЗЫВАЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ЕВРОПЕЙСКИЙ ЧИНОВНИК ВЫСОКОГО РАНГА ОБЫЧНО ОГРАНИЧИВАЕТСЯ ЛИШЬ ОБЩЕНИЕМ С ОФИЦИАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ. ПОЭТОМУ РУССКАЯ ОБЩИНА ЛАТВИИ И ГРАЖДАНСКИЕ АКТИВИСТЫ, УЗНАВ О НАМЕРЕНИЯХ ВЕРХОВ-

ного комиссара, заранее наладили постоянный контакт с его бюро и регулярно высылали г-ну Заньеру репортажи и отчеты о происходящих в стране событиях. Ведь несмотря на массовые акции протеста, организованные Штабом защиты русских школ и «Русским союзом

Латвии», депутаты Сейма приняли дискриминационные поправки к Закону об образовании, лишаящие национальные меньшинства права выбора языка обучения в общеобразовательных школах, в том числе в частных. Новая школьная реформа, насильно навязанная экс-министром образования Латвии Карлисом Ша-дурским, по мнению правозащитников, приведет к полной ликвидации русского образования в Латвии. А ведь русские гимназии в этой стране существовали на протяжении двух веков, их не закрывали даже во время немецкой оккупации...

Рижский карикатурист Сергей Тюленев творчески отреагировал на отношение властей к правам нацменьшинств...

предоставлено автором

В РЕЖИМЕ СЕКРЕТНОСТИ

В начале года Ламберто Заньер нанес короткий ознакомительный визит в соседнюю Эстонию, где в последнее время власти тоже не раз высказывали намерение перевести русские гимназии только на государственный язык обучения – по латвийскому проекту. А в марте он приехал в Ригу. Визит его носил полуофициальный характер, поэтому в СМИ о нем рассказывалось крайне скудно. Как сообщалось в официальной информации на сайте ОБСЕ, комиссар провел встречи в Риге и Даугавпилсе – с премьер-министром, чиновниками, депутатами парламента, представителями организаций нацменьшинств и общественными организациями, а также с учителями и родителями школьников.

Журналу «Русский мир.ru» удалось пообщаться с несколькими участниками закрытых встреч с комиссаром. Одним из них был представитель Штаба защиты русских школ, сопредседатель Латвийского комитета по правам человека Александр Кузьмин. По просьбе «Русского союза Латвии» он передал верховному комиссару ОБСЕ переведенную на английский язык резолюцию Вселатвийского родительского собрания от 31 марта 2018 года, отражающую мнение

ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛЛИН/ТАСС

родителей о необходимости обеспечения полноценного школьного образования для их русскоязычных детей на родном языке от первого до последнего класса средней школы. На этом собрании, в котором принимало участие около тысячи родителей учащихся русских школ, школьников, студентов и представителей русской общности из разных городов и регионов Латвии, был единогласно принят документ, выражающий негативное мнение о дискриминационном характере принимаемых властями Латвии поправок к Закону об образовании.

«Наша встреча с г-ном Заньером длилась примерно сорок минут, –

Верховный комиссар ОБСЕ Ламберто Заньер во время двухдневного визита в Латвию выслушал мнения как чиновников – сторонников школьной реформы, так и тех, кого она напрямую касается

рассказал Александр Кузьмин. – Мы беседовали в присутствии его помощников. Я изложил ситуацию в стране с положением нацменьшинств. Рассказал о начавшемся в Латвии активном выдавливании русского языка из дошкольного обучения. Основное внимание, конечно, уделил насаждаемой сейчас в русских школах реформе и трудностям, с которыми ежедневно сталкиваются дети и их родители, вынужденные осваивать сложные предметы на неродном языке. По поводу школ мы вообще говорили довольно подробно, я указал на отказ наших властей прислушиваться к международным рекомендациям в сфере образования. Обратил внимание комиссара на притеснения, которым подвергались защитники русских школ и участники Родительского собрания, созданного по инициативе «Русского союза Латвии». Рассказал и об использовании в нашей стране уголовного законодательства против оппозиции. И о нежелании применять его против русофобов... К сожалению, я не могу вам рассказать, что в ответ мне сообщил верховный комиссар ОБСЕ, поскольку он просил пока этого не делать. Я ответил на его вопросы, а их было немало. У меня сложилось впечатление, что комиссар был прекрасно информирован о ситуации с правами нацменьшинств в Латвии, поэтому будем надеяться, что выводы будут сделаны объективные».

По словам правозащитника, он напомнил верховному комиссару об Обращении русскоязычных жителей Латвии к мировой общественности, под которым на акциях протеста было собрано около 4 тысяч подписей, о чем ОБСЕ было проинформировано в прошлом году. А также о проблемах неграждан Латвии, об ограничении прав на использование языков нацменьшинств в электронных СМИ и о скандальной инициативе национальных сил по сносу рижского Памятника освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков. Соответствующая петиция на местном портале уже собрала 10 тысяч подписей, что достаточно для ее передачи на рассмотрение в парламент страны.

В прошлом году по Латвии прошли массовые акции протеста, участники которых выступали против ликвидации образования на русском языке

**РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ИЛИ ОБМАН?**

Помимо представителя Штаба защиты русских школ иностранный гость пообщался с руководителем Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР) Игорем Пименовым и депутатом Юрмальской думы, правозащитницей Елизаветой Кривцовой. Как написала Кривцова на своей странице в «Фейсбуке», «пока понятно, что комиссар недоволен. Он написал уже несколько писем и президенту, и министрам с озабоченностью по поводу школьной реформы. А наши притворяются, что ничего не заметили. Пишут в ответ, что народ Латвии и русские родители с благодарностью приняли реформу». Судя по всему, в таком же благостном свете постарался представить усилия властей по интеграции национальных меньшинств и министр иностранных дел Эдгар Ринкевич. Комиссара заверили, что латвийское правительство намерено продолжать реформу образования в стране, поскольку ее цель – «предоставить равные возможности всем выпускникам школ без какой-либо дискриминации». Правда, непонятно, о каких равных возможностях идет речь, если русские учителя в русских школах будут учить русских детей на чужом для них языке, который они пока только начинают осваивать. Показатели успеваемости учащихся билингвальных школ после этих нововведений стали значительно хуже, чем в латышских школах. А что будет после полного перевода всего образования на латышский язык?

Депутат Сейма Латвии Игорь Пименов подтвердил в интервью местным журналистам, что комиссар осудил перевод школ на латышский язык без фактического согласования с родителями школьников. Игорь Пименов обратил внимание верховного комиссара на то, что правительство сводит разговор к тому, как перевести школы на латышский, и уходит от ответа на вопрос – зачем? Попутно депутат предупредил комиссара ОБСЕ, что при посещении школ в Риге и Даугавпилсе ему обязательно постараются понравиться. На что комиссар ответил, что он знает о *potyomkin's villages* (потемкинских деревнях)...

На встрече с верховным комиссаром ОБСЕ интересы русскоязычных детей Латвии представляли Елена Матякубова (слева) и Елена Лазарева (справа)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

**В ЗАЩИТУ НЕГРАЖДАН
ЗАМОЛВИЛИ СЛОВО**

Г-ну Заньеру все же пришлось услышать серьезные аргументы против перевода школ нацменьшинств на латышский язык, опровергающие официальную благостную картину. На встрече с лидерами национально-культурных обществ в Министерстве культуры комиссар настоял на закрытом формате беседы – без участия министерских чиновников. Представитель ОБСЕ задал три вопроса, по которым он и попросил высказать свое мнение членов Консультативного комитета по вопросам нацменьшинств при Министерстве культуры: во-первых, проблема неграждан в Латвии, во-вторых, реформа образования в школах и, в-третьих, как комитет может повлиять на принятие решений, важных для общества. Об этом журналу «Русский мир.ru» рассказала член правления от Союза белорусов Латвии, экс-депутат Сейма Елена Лазарева.

«В Консультативном комитете я работаю с 2014 года, и мы уже не в первый раз участвуем в подобно-го рода встречах. На этот раз были представители семи национально-культурных организаций – от белорусов, русских, украинцев, цыган, немцев, литовцев, ливанцев, – сообщила Елена Лазарева. – Да, вы правильно расслышали – ливанцев. В Латвии проживает около 150 ливанцев, и их организацию

в нашем комитете представляет бывший депутат парламента Латвии Абу Мери, который в прошлом году с трибуны Сейма горячо отстаивал принятие школьных поправок – для укрепления единого государственного языка... Но я скажу, что мне удалось озвучить на этой встрече. Первое, по негражданам. Сказала, что на этом вопросе давно надо поставить точку. На сегодняшний день нет ни одного позитивного обоснования, оправдывающего существование института безгражданства, значит, его нужно решать, комплексно и не откладывая. Надо отметить, что верховный комиссар этот вопрос поднимал практически на всех своих встречах с официальными лицами Латвии. Он позитивно оценил вторую попытку президента Вейониса передать на новое рассмотрение в парламент поправки к закону о гражданстве, предусматривающие автоматическое предоставление гражданства всем новорожденным детям неграждан. Первая его попытка была отклонена в прошлом году прежним составом Сейма, но теперь президент Латвии решил обратиться к новому составу парламента. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации летом прошлого года в своем докладе указывал на то, что Латвии следует усилить меры по сокращению числа «людей без национальности», упростив доступ к натурализации. Кроме того, по мнению ООН,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А КАРАВАН ИДЕТ...

Судя по всему, представителям нацменьшинств удалось достучаться до комиссара ОБСЕ, поскольку он обмолвился, что не может называть латвийский опыт успешным. Комиссар подчеркнул, что реформу образования нужно проводить таким образом, чтобы она «носила консультативный характер и учитывала мнение всех групп, включая представителей самих меньшинств».

Визит верховного комиссара в Даугавпилс – город, в котором русский язык почти для 80 процентов населения является родным, – вообще не освещался СМИ. По информации местных активистов, главная встреча с Заньером состоялась в городской Думе, куда местные чиновники пригласили руководителей разных национально-культурных центров. Все эти организации роднило то, что они финансируются из городского бюджета. Самая большая община города была представлена лишь Центром русской культуры. Все они рассыпались в комплиментах в адрес городской управы за толерантную политику по отношению к национальным меньшинствам, но, когда речь зашла о школах, представители белорусского и украинского обществ все же выразили озабоченность в связи с необходимостью сохранять образование на родном языке.

По общему мнению тех, кому удалось пообщаться с европейским чиновником, комиссар Заньер прибыл в Латвию, уже обладая достаточно полной и объективной информацией о реальной ситуации с правами нацменьшинств. И, скорее всего, он нашел подтверждение имеющимся у него фактам, но особых надежд на его визит русские Латвии уже не возлагают. Даже если комиссар через несколько месяцев опубликует очередные рекомендации ОБСЕ в поддержку нацменьшинств, Латвия давно научилась их безнаказанно игнорировать, ссылаясь на то, что эти замечания носят исключительно рекомендательный характер. Следовательно – для исполнения совсем не обязательный. А караван, как мы видим, идет...

следует найти способы упразднить особую правовую категорию «неграждане». Летом 2019 года Латвия должна отчитаться о выполнении рекомендаций. Что касается вопросов образования, то в адрес Латвии звучала критика и со стороны Совета Европы из-за ее инициатив, направленных на продвижение латышского языка в сфере образования, масс-медиа и общественном секторе. Они, как считают в СЕ, ограничивают права лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, и увеличивают чувство исключенности из общественных процессов».

РЕФОРМА ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЗАКАЗУ

По мнению Елены Лазаревой, которое она высказала на встрече с Ламберто Заньером, перед введением кардинальных изменений в системе образования необходимо было провести мониторинг качества существующей билингвальной модели и лишь затем разрабатывать новую реформу. Нет никакого научного обоснования необходимости этой реформы, отсутствует ее техническое обеспечение – ни методик, ни пособий, ни учителей. Представительница литовской общины, в свою очередь, отметила, что грядущая школьная реформа уже вызвала серьезное напряжение в обществе...

Директор частной рижской школы, председатель Латвийского общества русской культуры Елена Матьякубова и до этого не раз выступала с резкой критикой языковой части реформы образования. На встрече с комиссаром ОБСЕ она еще раз озвучила свое мнение, назвав перевод школьного образования полностью на латышский язык без учета мнений нацменьшинств политическим заказом.

«Мне было важно сказать, что главная проблема не только и не столько в технических проблемах реформы, – рассказала Елена Матьякубова. – За пятнадцать лет, минувших со дня первой школьной реформы, мы совместными усилиями разработали оптимальную модель образования для школ нацменьшинств, мы говорили о преимуществах модели, когда в школах используются два языка обучения. К нам за опытом приезжали педагоги из Германии и Испании. Я считаю, что необходимо сохранить и билингвальное, и даже трилингвальное обучение в школах, но родной язык при этом в обязательном порядке должен доминировать. И лишь в старших классах ученик уже сам выбирает модель обучения. Кроме того, модель была гарантией определенной стабилизации в обществе. Отказ от нее в угоду политическому заказу вызвал в стране серьезное напряжение».

На Вселатвийском родительском собрании, созванном в прошлом году по инициативе «Русского союза Латвии», была единогласно принята резолюция, осуждающая ликвидацию образования на русском языке

РОССИЯ – СТРАНА АРТИСТОВ

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕМУ МИРУ ПИАНИСТ, ПРОЖИВ ПАРУ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ ЗА РУБЕЖОМ, ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ, В РОДНУЮ МОСКВУ. БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ ОБЪЯСНЯЕТ ЭТОТ СВОЙ ШАГ НЕОБЫЧАЙНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИЕЙ, СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЗДЕСЬ И ЗАСТАВЛЯЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА ЖИТЬ В ПОЛНУЮ СИЛУ, ПОСТОЯННО ЧУВСТВОВАТЬ ПОЗИТИВНЫЕ ИМПУЛЬСЫ, НАХОДИТЬ ВСЕ НОВЫЕ ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ ИДЕИ. ЕГО ГРАФИК РАСПИСАН НА ГОДЫ ВПЕРЕД. МУЗЫКАНТ ЖИВЕТ В ПОСТОЯННОМ ЦЕЙТНОТЕ, НО ПОСЛЕ КОНЦЕРТОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ ОН БУКВАЛЬНО С САМОЛЕТА СПЕШИТ К НАМ НА ИНТЕРВЬЮ – ПОДЕЛИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ. ХОТЯ В ГОД СВОЕГО 50-ЛЕТИЯ БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ ЗАДУМАЛ И НЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ...

— **В** ЕКАТЕРИНБУРГЕ ЕСТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕАТР НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ, Я С НИМИ ПОЗНАКОМИЛСЯ И УЖЕ ДОГОВОРИЛСЯ О ПРОЕКТЕ.

Я буду там играть – на фортепьяно, конечно. Хотим поставить Венечку Ерофеева! Он написал «Москва – Петушки», а потом – записные книжки. Это как бы запас всех его размышлений, там восемь томов, из которых можно составить пьесу на любую тему. Потому что его интересовало все: от философии и религии до сумасшедших домов! Мы хотим объявить игру, чтобы каждый театр в России сделал пьесу по записным книжкам Ерофеева. Этаким конструктор «Сделай сам». По этому принципу Венечка в «Вальпургиевой ночи» буквально слепил реплики из сумасшедшего дома, он сам все это видел и слышал. Дневники опубликованы только наполовину, еще не все расшифровано. К тому же автор писал бисерным почерком.

– У вас всегда несколько параллельных проектов?

– Сейчас главный проект, конечно, «Артгородок». Это национальный проект превращения России в самую лучшую страну. Для жизни. Я имею в виду архитектурный дизайн, малоэтажную красивую застройку, чтобы новостройки были умопомрачительными – каждая уникальная, все в разных стилях: для Питера – одни, для средней полосы – другие, и так далее... Самое смешное, что все это для государства стоит, по подсчетам экономистов, как Олимпийские игры провести! Но на практике государство никогда не вмешивается в строительство. Речь идет, условно говоря, о выделении бюджетных 50 миллиардов в течение пяти лет – на всю страну. Это огромные деньги, но для такой огромной страны, как Россия, в общем, приемлемая сумма. Все это реально, нужно только сплотить,

согласовать все части воедино. Эта идея объединяет многих артистов, и мы готовы пробивать ее как национальный проект, как полный пересмотр вообще всей строительной политики страны.

– Почему артистам это интересно?

– Потому что многим не нравятся новостройки, которые строят у нас в стране. Я считаю, что это вполне артистическая идея, связанная с дизайном, с архитекторами. Если нам удастся это сделать... Но артисты – очень сложный народ, и нам предстоит огромная работа. Вот Калягин очень поддержал эту идею, а у него, у многих из нас – огромные связи, и мы хотим это сделать.

– Простите, похоже на мечты Манилова...

– Да, абсолютная утопия! Но попробовать можно. А вдруг получится? Я вообще считаю, что Россия – страна артистов, и вот это попытка показать, что на самом деле популярность артистов может работать на страну, что мы на что-то способны. Ну, посмотрим.

– Ну, артисты разные... Вот недавно скандал разгорелся: Макаревич 80 процентов россиян назвал идиотами. Или вот в Общественный совет по культуре при Госдуме пригласили «неоднозначного» Сергея Шнурова... Популярность работает, народ недоумевает...

– Слушайте, но это анекдот! Нам еще в школе говорили, что обзывать – нехорошо, а уж взрослому человеку – тем более. Короче, кто обзывается, сам дурак в таких случаях. Да нет, а в чем проблема-то? В нашем общественном проекте главное, чтобы разные артисты объединились. Условно говоря, нас поддерживают Улицкая и Захар Прилепин. Вот в этом идея. Чтобы у нас появилось хотя бы что-то

общее, что как-то объединило бы нас, потому что сейчас этот лай, который между ними, уже надоел. А в этом проекте можно объединиться вполне. И Макаревич, и любой артист – пожалуйста, пускай поддержит созидательный проект!

– Ради благого дела можно забыть о каких-то личных амбициях, взглядах, позициях?

– Ну да! У нас это даже в государственной символике заложено: две головы – одна в одну сторону смотрит, другая – в другую, чтобы они не клевали, а уважали друг друга. Я лично понимаю и тех, и других, то есть я и тем, и другим сочувствую: и Прилепину, и Быкову, условно говоря.

– А планы Быкова о воспевании Власова или его неоднозначные слова о Гитлере тоже вызывают у вас сочувствие?

– Есть замечательное выражение: каждый имеет право на свое мнение, даже если он не прав. Ну не согласен ты с кем-то – и не согласен. С чисто артистической точки зрения человек имеет право высказать все, что считает нужным. Другое дело, скольких людей это вдохновит. Это уже вопрос диалога в обществе. Не думаю, что его высказывание будет популярно. Но он, конечно, имеет право на свое мнение. Точно так же, как и его оппонент Прилепин. С ним тоже многие не соглашались, ну и что? Это нормально. Моя мечта, чтобы эти две головы – условно говоря, Быков и Прилепин – взяли свою часть в обществе и где-то нашли применение. Не надо быть при этом друзьями, но, скажем, в нашем проекте можно заложить такие мини-арт-города, чтобы один городок был более патристический – этнодеревни, другой – более либеральный, с самоуправлением. Можно все, что угодно! Ведь у нас очень разнообразное общество. У нас такая огромная страна, что для всех места хватит. В конце концов наша история показывает, что война – самое ужасное, что может быть. Просто надо разделить это взаимное неприятие позиций, чтобы всем было лучше в итоге, потому что при постоянных столкновениях никто ничего не имеет. А хочется, чтобы по всей стране было красиво и позитивно, чтобы мои дети ездили и смотрели на это все.

– Ростропович был убежден, что музыка может решить все проблемы. И как только он узнавал, что где-то случилась беда, брал виолончель, ехал туда и играл – и нивелировалась напряженность каким-то образом. Он пытался сплотить всех на почве культуры, чтобы все забыли о конфликтах. Вы как музыкант в это верите или это все-таки идеализм Ростроповича?

– К сожалению, не верю. Есть классическое выражение: когда говорят пушки...

– ...Музы молчат.

– К сожалению, вся история человечества доказывает именно это. И лишь в короткие промежутки между войнами искусство процветает.

– Искусство может притормозить разговор пушек?

– Нет. Во всяком случае, никогда такого не было. Чаплин снял прекрасный фильм «Великий диктатор» – сильнейший крик против Гитлера, против мракобесия, но ничего это не дало. Думаю, все-таки больше влияют экономические причины, борьба за территории, природные какие-то инстинкты. Ну, как белки: любуетесь ими, а они, если другая белка придет, так свое дерево защищают, что гоняют чужака изо всех сил!

– То есть вообще геополитика – на беличьем уровне, нам это все близко, люди – животные?

– Так получается, да.

– Как вы реагируете на напряженность в мире? Вы прожили 22 года за границей... Противостояние растет, просто до абсурда доходит...

– Ну, ругаются. Рахманинов мой любимый пережил две войны, а мое поколение не знало, что это такое, и не дай бог нам узнать! Но где гарантия, что мы не узнаем? Ее нет. Ну что делать? Не мы первые, надеюсь, не мы последние. Вот это главное – что мы не последние. Конечно, не хочется. Но я очень рад, что сейчас, если верить нашему правительству, появилось новое оружие, и поэтому никто с нами не будет воевать. Вот это очень здорово. Я очень люблю

книгу «История Хорватии». Приезжаешь – красота. Но там каждые пятнадцать лет – война. Исторически за 2 тысячи лет – каждые пятнадцать лет война: то эти, то те. Вот последняя была – Дубровник. Видимо, это нормальное состояние. У греков Арес был богом войны, и они говорили, что он нелюбимый, но сын бога все-таки. Зевс его не любил, но Арес был божествен в своей жестокости.

– О войнах все решается на небесах?

– Ну да. Я фаталист абсолютный.

– Почему вы фаталист?

– Потому что я верю в Бога. Мы – марионетки какие-то, ведомые высшими силами, что нам написано, то мы и делаем – запрограммированные существа.

– А как же воля человеческая? Личность проявляется через волю.

– Думаю, есть и даются какие-то варианты. Условно говоря, я могу спиться, а могу что-то сделать...

– Сыграть ноктюрн.

– Да, ноктюрн Шопена. Вот такой выбор есть. Вполне общечеловеческий выбор. И у каждого он свой.

– Борис, у вас этот год юбилейный. В январе два юбилейных концерта прошли в зале Чайковского,

один сборный – вас поздравляли друзья, а второй – с Российским национальным оркестром под руководством Михаила Плетнева. Вы одновременно дирижировали и солировали...

– Я не дирижировал. То есть в этом вся идея – я не дирижер. Мы играем это как камерную музыку. Я ничего не говорю – просто играем, как если бы это был квартет, или трио, или квинтет.

– Но это – полноценный симфонический оркестр!

– Да. И очень хорошо получилось. Я вообще убежден, что так играть лучше. Могу объяснить почему. Есть главный принцип в музыке – полифония. У пианиста десять пальцев, хор, народная музыка – полифония. А оркестр – это огромный состав, и вот вопрос: начиная с какого числа людей нужен дирижер? К примеру, квинтет играет или квартет – никто же перед ними не стоит, не дирижирует. А они играют прекрасно! Хорошие музыканты сами между собой решают, как и что играть, и музицируют. Всем известно, что концерты Бетховена – практически никто уже не возражает! – играют без дирижера, но, правда, очень смешно. Пианист обычно сидит лицом к оркестру, и, когда не играет и руки у него не заняты, он вдруг начинает ими что-то показывать, хотя непонятно зачем. Потому что 80 процентов сочинения он сам играет и оркестр играет, а 20 про-

центов – он почему-то вдруг вскакивает и начинает там прыгать. Но это уже традиция.

Естественно, я знаю процесс изнутри, много раз видел, что оркестранты вообще на дирижера не смотрят и говорят, что, если посмотришь, тебе вообще конец: запутаешься... Я много раз в этом убеждался и вообще пытался понять, встать на место оркестрантов: как можно понять какие-то жесты этих дирижеров? Все равно идет принцип камерной музыки. И я стал экспериментировать, дошел до самых тяжелых произведений в своем репертуаре, и у нас все прекрасно получалось. Абсолютно! То есть дирижер – это ненужный человек в принципе. Дирижер нужен только тогда, когда он играет как виртуоз на инструменте.

– У меня было интервью с дирижером Вероникой Дударовой, и она мне рассказала, что на экзамене в консерватории ее спросили: почему вы хотите стать дирижером? И она сказала: «Я хочу играть на оркестре».

– Играть на оркестре, вот! Но таких – единицы. Когда такой человек приходит в оркестр, то, конечно, привносит что-то важное. Но в основном это просто несостоявшиеся солисты, которые помешаны на собственном эго, и они чудовищно портят атмосферу, портят людям настроение! Останавливают их, когда надо и когда не надо, навязывают какие-то

часто совершенно бредовые идеи. Поэтому моя задача – показать, что оркестр может прекрасно играть без дирижера. И я это несколько раз удачно сделал, практически уже с четвертым оркестром – в Екатеринбурге. Оркестр сам может решать, с кем ему приятно работать. Музыканты просто слушают друг друга, играют, и это уже 90 процентов того, что нужно. Когда я еще играл с дирижерами, у меня часто было желание просто встать и ударить его...

– Во время концерта?

– Нет, на репетиции. Они занимаются такой ерундой – вечно останавливают, им нужно показать, что они работают. Одному хочется больше стаккато, другому – меньше стаккато, больше легато или меньше легато – детали, которые ничего не решают. И кого это волнует по большому счету? И есть еще один момент: никогда не отличишь, кто дирижирует, если ты заранее об этом не знаешь. Я выбираю какую-то часть симфонии, ставлю запись десяти самых известных дирижеров – никто никогда не отличит, кто именно дирижирует!

– Но есть же такое понятие, как трактовка произведения. Вот все играют Второй или Третий концерт Рахманинова, но надо же как-то изощриться, обосновать: зачем ты его играешь, в чем твое прочтение – разве этого нет?

– Есть, но незначительно и очень редко. Для меня есть два дирижера и, может быть, три исполнителя, которых я могу отличить, но это ничтожно по сравнению с общей массой. В консерватории уже давно экспериментировали: ставили записи Рихтера и говорили, что студент играет. Все тут же начинали критиковать: это чудовищно, бездарно... Потом ставили запись студента и говорили, что это – Рихтер. Тут же выяснялось, что это божественно, масштаб и какая-то вселенская гармония.

– *Занятный эксперимент. А в дневниках Рихтер пишет: «Когда слушаю свою запись, всегда разочарован, поскольку слышу абсолютно то, что и ожидал, поэтому нет ощущения свежести, нет неожиданности. Досадно». Это о самом себе, но помимо досады есть доля иронии и самокритики...*

– Я читал его записные книжки – такого пессимизма и негатива я в своей жизни не видел! Все – плохо. Он за всю книгу похвалил одного исполнителя, по-моему.

– *Вот вашего педагога Элисо Вирсаладзе сначала поругал: сыграла Моцарта очень стильно, но нет желаемой свежести. А потом пишет, что сейчас из всех пианистов лучше ее никого нет.*

– Ну что это такое! Пианистов такое количество – он не всех слушал. Нет, не верю и вообще счи-

таю, что все преувеличено. И это культ личности в принципе – вся эта история и с дирижерами, с исполнителями в 1960-х годах. Вероятно, это начало – и появился культ...

– *...Поп-звезд.*

– Да, тот же принцип. Но поп-звездам нужен имидж, потому что ничего другого у них нет, их музыка сама по себе не очень хорошая, может, забавная. Вот им это необходимо, а нам-то зачем? Играешь хорошую музыку – и наслаждайся, что еще надо? А что получается: что Рихтер – единственный, кто все понимает, а все остальные – их мама не так родила, что ли?

– *Вы более доброжелательны к своим коллегам? Насколько в вас сильна критика или она вам не присуща?*

– Не присуща абсолютно. Хочу к этому относиться как к народному искусству – так естественно. Если сфальшивил – и бог с ним, не важно, зато с настроением.

– *И получается, что вы в фольклор выходите как на свободу, а классика вас держит в рамках?*

– Классика не держит в рамках или классика держит в рамках – здесь снобизм. У нас очень много снобизма, на нем все построено – на имени, вот такой-то выдающийся дирижер или такой-то новый выдающийся пианист появились. Но это же нонсенс.

– *Но Березовский – именно такой. Вы – звезда мирового уровня.*

– Я хорошо играю на рояле, не отрицаю. Знаю, что я хороший пианист в том смысле, что у меня замечательная техника, я музыкален, у меня много всяких там преимуществ, но есть и недостатки. Исполнитель – хороший, если он захватывает публику.

– *Это критерий?*

– Да, какие бы звания у него ни были. Пусть он на Зальцбургском фестивале тридцать лет подряд играет, а тебе – ну скучно! Артист должен уметь захватить зал. Если удастся – прекрасно. Каким образом – то ли внешний вид, то ли какой-то гипноз – это другая тема. Вот прихожу на балет, ничего не понимаю в этих пируэтах. Но если меня захватывает, я с удовольствием смотрю. Все просто.

– *В своем юбилейном концерте вы соединили Рахманинова и Шостаковича. Оба очень русские композиторы, но настолько разные, что совмещать их в одной программе – определенный риск. Что, по-вашему, их объединяет?*

– Рахманинов очень органичен. Он жил в эпоху, когда все соответствовало его внутреннему миру. Мне мой учитель говорил: мир Рахманинова – православные песнопения и колокола. А удар колокола как «Черный квадрат». Он включает вообще все, что есть! Из его обертонов и звуко-ряда

можно составить, в принципе, любую музыку. И Рахманинов обладал этим даром. Это не просто дар, это – гений. Он слышал удар колокола как набор нот. Мог изобразить на фортепьяно колокол такой-то церкви. Просто знал, какие ноты нужно нажать одновременно, сколько нужно их нажать и в какой последовательности. Слышал гениально. Конечно, он жил в дореволюционной России, где все это было частью жизни. А когда случилась революция, естественно, он уехал, потому что это настолько несовместимо – его мир...

– ...И разрушение колоколен.

– ...И разрушение всего. Шостакович – тоже гений, но это совершенно другая традиция, он вышел из малеровской традиции. И тоже очень трагическое ощущение мира – дискомфорт...

– Ущербность.

– Да-да, и ущербность, и какие-то невероятные душевные проблемы... У Рахманинова этого не было. В его творчестве все очень естественно: сирень, красота природы – вот такой мир Рахманинова.

– Чистые пейзажи.

– Да, безумной красоты и какой-то феноменальной рафинированности! Из-за его дара слышания колоколов в его произведениях картины природы никогда не повторяются – эти гармонии рахманиновские. А у Шостаковича – полная противоположность. Это гений, который помещен в очень неблагоприятные для него условия. И тем не менее удивительно, какие шедевры он написал. Это два мира, абсолютно разных, они не связаны – Шостакович и Рахманинов. Но оба – гении.

– А почему вы их связали? Впечатление после Третьего концерта Рахманинова перекидывается на Шостаковича – и преломляется все.

– Ну да. Не знаю, это два шедевра, никак не связанных друг с другом. Второй концерт Шостаковича посвящен сыну Максиму. Изумительный человек, и он был первым исполнителем. Я его несколько раз видел в филармонии, мы даже здоровались. Это такая мечта композитора о том, как будет жить его сын... И это – поздний Шостакович, тот период в его жизни, где трагизм зашкаливает, и вдруг – очень светлое, радостное сочинение...

– Один из ваших успешных проектов, музыкальный фестиваль «Музыка земли», проводится уже несколько лет...

– Уже не проводится, Министерство культуры его закрыло. Сейчас филармония предлагает мне делать раз в год подобный концерт – совмещение фольклора с классикой. И 4 ноября, в День народного единства, мы все равно его сделаем.

– Очень жаль – один концерт не заменит фестивальную программу. Она же работала на исследовательском уровне – как одно с другим взаимо-

действует сквозь времена и направления? Это для вас попытка какое-то новое направление выявить, чтобы оно освежило классику и восстановило в сознании людей фольклор? Почему не чистый фольклор и не чистая классика, а именно синтез?

– Я хотел просто найти связь между классикой и фольклором, понять, насколько она влияла на известных и гениальных композиторов. Мы делали английский фольклор, венгерский, и я нашел просто потрясающие вариации на фольклорные темы у многих композиторов. Понимаете, у нас образование как было построено? Все начиналось с Баха. В сознании маленького человека нет ничего, какая-то пустота, и вдруг – появляется Бах. После – венская классика, и так далее. Часто в музыкальных школах висит такое дерево композиторов: центральная фигура в парике – Иоганн Себастьян, и от него все растут. С таким представлением и я рос. Для меня фольклор вообще не существовал. То, что нам выдавали за фольклор, было стилизацией, и мне это не нравилось. Началось с потрясающей грузинской традиции...

– ...Хорового пения?

– Да! Меня это трогает, я вообще без ума от этой красоты, а традиции – 2 тысячи лет, как они там жили, так и поют! Потом я обнаружил потрясающую

щую румынскую музыку. Потом узнал, что Бела Барток, оказывается, был увлечен фольклором. Это огромный пласт изначальной музыки, которая на классиков имела сильное влияние – на Римского-Корсакова, Чайковского, Стравинского... И для меня это было сюрпризом! Действительно, фольклор – самая основа музыки. Вот с чего зарождалась музыка? Не с Баха же все-таки, еще до него все пели, танцевали и наслаждались музыкой. Другое дело, что она не была записана, но традиции передавались. И анекдотические ситуации бывают. Например, все скрипачи играют на бис пять румынских танцев Бартока – чтобы аплодисменты получить, нужно обязательно их сыграть – очень красивые, зажигательные. Покупая диск в Венгрии – какая-то певица поет румынские народные песни – и понимаю, что Барток это просто взял и добавил немножко своих гениальных гармоний, переработал чуть-чуть эту основу. Или вот Стравинский – начало «Весны священной», которая, как считается, революцию в музыке сделала – да, это так. Но это тоже абсолютный фольклор. А мы считали ее новаторством. Это был переворот в моем сознании.

– А чем отличается русский фольклор, какое место он занимает в этом мировом движении фольклора?

– Одну шестую фольклора – как моя любимая фраза Венички: «Я Россию люблю – она занимает шестую часть моей души». Очень разнообразный, интереснейший фольклор чисто территориально занимает огромное пространство! «Курские песни» Свиридова – просто шедевр! Он тоже брал их один к одному, заимствовал и не скрывал первоисточник. Есть диск, где записаны оригинал и его оркестровка – полиритмия, бешеные ритмы, энергетика. Очень здорово! Русский фольклор немножко одинаково звучит, но я уже могу отличать Воронеж от Курска. В Курске гораздо более жесткий, радикальный фольклор. Воронежский – распевный. В каждой области есть особенности, свои традиции, любимые приемы – и все веками создавалось.

– Современная публика как это воспринимает? Это – «модно»?

– Это – не модно, это – на века. На фестивале я видел, что лучше всего это воспринимают дети – им безусловно нравится. Взрослые могут имитировать, что они внимательно слушают. Часто на классическом концерте ребенок скучает, мучается. А на фольклорном – никогда, потому что это жизнь, это ярко, красиво, увлекательно. И в принципе, по реакции ребенка можно определить, настоящая музыка звучит или нет. ■

ПУШКИН. ЗАМЫСЕЛ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПОСЛЕДНИЙ ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПОРТРЕТ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, НАПИСАННЫЙ В 1836 ГОДУ ИВАНом ЛИНЕВЫМ, ЛОВИШЬ СЕБЯ НА МЫСЛИ, ЧТО ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ПОЭТА НАЛОЖИЛИ ГЛУБОКИЙ ОТПЕЧАТОК НА ВЕСЬ ЕГО ОБЛИК. ПЕРЕД НАМИ – УЖЕ НЕМОЛОДОЙ, БЕСКОНЕЧНО УСТАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, ИЗДЕРГАННЫЙ ДОЛГАМИ, СЛУЖБОЙ, СМЕРТЬЮ МАТЕРИ И ИСТОРИЕЙ С ДАНТЕСОМ, КОТОРАЯ ОБРУШИЛА ПОКОЙ ЕГО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ, ЧТО К 1836 ГОДУ ПОЭТ ПРИШЕЛ С ОСОЗНАНИЕМ ИСПОЛНЕННОЙ ИМ ТВОРЧЕСКОЙ МИССИИ. ВЕДЬ ОДНО ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА – «ПАМЯТНИК». НО И БУДУЧИ ПЕРВЫМ ПОЭТОМ РОССИИ, ПУШКИН НЕ БЫЛ ЗАСТРАХОВАН ОТ НЕУДАЧ.

НАЧАТЫЙ ПУШКИНЫМ в том же, 1836 году издательский проект – журнал «Современник», с помощью которого он намеревался отчасти поправить свое материальное положение, – оказался убыточным. Связанный обязательствами службы в Коллегии иностранных дел, Пушкин дважды подает в отставку. Но вместе с отставкой он потерял бы возможность работать в архивах для написания «Истории Петра», и ему приходится отказаться от свободы. Ему так и не удается надолго оставить столицу и свет и повторить столь плодотворный для него опыт жизни в деревне.

Теперь его влечет проза. Он начинает «Роман в письмах» и «Роман на Кавказских водах», но оставляет их неоконченными; изучает историю Великой Северной экспедиции и делает подробный конспект книги Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки», словно бы намереваясь писать о героической эпохе покорения русскими Сибири...

Среди драматических произведений, задуманных поэтом, некоторые известны нам только по названиям: «Ромул и Рем», «Беральд Савойский», «Влюбленный бес», «Димитрий и Марина», «Курбский», «Иисус» и «Павел I». От этих замыслов поэта не осталось ни одного клочка бумаги, которые способны были бы пролить свет на содержание этих произведений. Тем интереснее для нас сохранившиеся планы и первые две главы романа об эпохе позднего царствования императора Александра I, которому литературоведы присвоили название «Русский Пелам». Вот уже почти два столетия они пытаются разгадать загадку: чем могло бы стать это произведение пушкинского гения? Ныне «Русским Пеламом» занимается в Москве и в Петербурге всего пара исследователей. Одной из них, Светлане Богдановне Федотовой, старшему научному сотруднику Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома, я и обязан консультациями по интересующему меня вопросу.

ЖАЖДА РОМАНА

Конец Александровской эпохи, пережитый Пушкиным, издавна занимал его. Известно, что он начал писать «Записки» о том времени, но после разгрома восстания декабристов 14 декабря 1825 года уничтожил их. Всю свою любовь к этому времени Пушкин вложил в «Евгения Онегина». Этот литературный персонаж стал верным спутником и собеседником поэта и в ссылке, и в деревенской глуши, и в кабинетных трудах. Онегин стал не просто «добрым приятелем» Пушкина, но и постоянным «душеприказчиком». Ему поэт доверял свои сокровенные мысли, свои воспоминания, взгляды на эпоху и на историю. Однако в 1832 году, опубликовав последнюю главу «Онегина», Пушкин вынужден был расстаться со своим героем. Но даже после полного издания своего романа в стихах в 1833-м, Александр Сергеевич, словно не веря, что простился с Онегиным навсегда, мечтал о продолжении его жизнеописания.

Этим замыслом не дано было осуществиться... Возможно, по причинам вполне объективным. В литературе 30-х годов XIX века наступала эпоха прозы, эпоха прозаического романа, и вопрос этот со всей определенностью поставлен был Белинским: «...может ли иметь на Руси успех русский роман, написанный по-русски и почерпнутый из русской жизни?» По мнению критика, Булгарин сумел уловить эту потребность общества в русском романе, за что и был «вознагражден сторицей». Весьма посредственный литератор Фаддей Булгарин в 1829 году опубликовал роман «Иван Выжигин», продававшийся сначала с подзаголовком «Русский Жиль-баз», и стал популярнейшим писателем своего времени. «Выжигин» имел такой успех, что за-

КОллаж ОЛЕГА БОРОДИНА

полонил собою все и породил целую литературу. Вслед за «Иваном Выжигиным» последовали «Петр Иванович Выжигин» (Булгарина), «Новый Выжигин» (Гурьянова), «Родословная Ивана Выжигина», «Дети Выжигина» и «Смерть Выжигина» (Орлова).

Пушкин, разумеется, не мог сочувствовать псевдоисторическим и морализаторским романам Булгарина, небрежно вышивающего по канве Вальтера Скотта. Он мечтал о широком, много вмещающем в себя романе об эпохе 1818–1820 годов, тонким чутьем художника при этом ощущая «дьявольскую разницу» между романом в прозе и романом в стихах. Однако опыт удачного романа у Пушкина тоже имелся: им был почти написан и частично даже опубликован «Арап Петра Великого», так и оставшийся не законченным в силу разных обстоятельств. Но теперь Пушкину нужен был роман из недавнего прошлого. Поэт чутко улавливал настроения общества, его ожидания. В 1835 году исполнялось десять лет бунту на Сенатской площа-

ди, и многие в обществе полагали, что это событие император Николай I ознаменует амнистией бывшим декабристам, что повлечет за собой и общее смягчение политического климата. Пушкин решает и начинает писать «роман из Александровской эпохи». Время начала работы точно определяется по водяному знаку на бумаге: «1834». Название романа Пушкиным не придумано. Написана первая глава – о детстве главного героя, вторая заканчивается возвращением его, по требованию отца, из немецкого университета, где «вообще выучился я порядочно только фехтованию и деланию пунша. Из дому получал я деньги в разные неположные сроки. Это приучило меня к долгам и к беспечности. Прошло три года, и я получил от отца из Петербурга приказание оставить университет и ехать в Россию служить. Несколько слов о расстроенном состоянии, о лишние расходах, о перемене жизни показались мне странными, но я не обратил на них большого внимания. При отъезде моем

дал я прощальный пир, на котором поклялся я быть вечно верным дружбе и человечеству и никогда не принимать должности цензора, и на другой день с головной болью и с изгаю (изжогой. – Прим. авт.) отправился в дорогу»... На этих словах роман обрывается. Остались еще четыре плана дальнейшего его развития, на основании которых литературоведы и строят свои предположения о том, каким мог бы стать этот пушкинский опус.

ПОЧЕМУ «РУССКИЙ» И ПОЧЕМУ «ПЕЛАМ»?

В 1828 году вышла книга английского писателя и политического деятеля Эдварда Бульвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена», которая сразу стала популярна и в Англии, и на континенте. Во всяком случае, французские переводы «Пелэма» должны были появиться в России очень скоро. В библиотеке Пушкина был экземпляр 1832 года на английском языке. Известно, что авантюры Пелэма развлекали Пушкина, да и вообще, роман

КОТЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

ему нравился: он написан очень живо и с блестящим английским юмором. Пушкину случалось в беседах цитировать его. Кроме того, Пушкин-литератор не мог не заметить, как бульверовский Пелэм держит и пронизывает собою все повествование.

Несмотря на многочисленные похождения и падения Пелэма, он все-таки был героем, способным противостоять своей эпохе. Генри Пелэм – потомок шотландского пэра, представитель знатного, но обедневшего рода. Как и Онегин, он эгоистичен, тщеславен, горд и самовлюблен, как и Онегин, является сложной и противоречивой натурой. Автор в предисловии говорит о нем: «Фат и философ, любитель наслаждений и моралист, человек, погруженный в мелочи жизни, но притом склонный извлекать из них поучительные уроки». Пушкину, несомненно, импонировал герой, который, подобно Пелэму, мог бы пройти насквозь жизнь света и показать общество во всей его сложности и полноте. Работая над начальными главами романа, Пушкин так

и не дал своему герою имя, хотя в сохранившихся планах развития сюжета сначала называет его «Пелам», «Pelham», и лишь в последних двух планах дает ему фамилию Пельмов. С самого начала романа этот русский Пельмов, оттолкнувшись от английского Пелэма, начинает свою собственную, несколько не похожую на бульверовскую и очень русскую историю.

«...Отец имел 5000 душ. Следовательно, был из тех дворян, которых покойный гр. Шереметев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить! – Дело в том, что отец мой жил не хуже графа Шереметева, хотя был ровно в 20 раз беднее. Москвичи помнят еще его обеды, домашний театр и роговую музыку. Года два после смерти матери моей Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась в его доме. Она была, как говорится, видная баба, впрочем, уже не в первом цвете молодости. Мне подвели мальчика в красной курточке с манжетами и

сказали, что он мне братец. Я смотрел на него во все глаза. Мишенька шаркнул направо, шаркнул налево и хотел поиграть моим ружьем; я вырвал игрушку из его рук, Мишенька заплакал, и отец поставил меня в угол, подарив братцу мое ружье...». Текст романа по-пушкински прогонист, емок. В двух главах завязываются узелки будущего сюжета: сводные братья становятся врагами на всю жизнь и жизненными антиподами. Пельмов, как говорится, проходит огонь, воду и медные трубы, а Мишенька становится чиновником (секретарем у министра внутренних дел Кочубея), конформистом, человеком *tres comme il faut* и даже отбивает у брата невесту...

ОЧЕНЬ СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Судя по дошедшим до нас пушкинским планам, после возвращения из Германии Пельмов, поступив в конногвардейский полк и став наследником своей рано умершей матери, выходит в свет. Свет быстро наскучил ему, он невольно сближается с компанией

беспечных прожигателей жизни, в центре которой неизменно находится Федор Орлов. Пельмов увлечен Орловым, но, узнав, что в карточной игре он шулерствует, играя «наверняка», сам отказывается от фальшивой игры. Однако авантюры приятелей на этом не заканчиваются. Пельмов помогает Федору Орлову похитить девушку, выступает его секундантом на дуэли, а когда в конце концов Орлов попадает на разбое, укрывает его в своей деревне.

Федор Орлов был реальной фигурой и слыл вертопрахом и бретером покрупнее толстовского Долохова. Пушкин познакомился с ним через его брата, Михаила Орлова – руководителя кишиневской управы декабристского «Союза благоденствия», – когда в 1820-м во время своей южной ссылки приехал в Кишинев. Федор Орлов был в ту пору полковником, хотя уже фактически не служил, живя у брата. В 1820-м ему было всего 28 лет, но он казался окружавшей его молодежи чуть ли не стариком, потому что в сражении при Бауцене ему оторвало ногу. О нем ходили легенды. Рассказывали, что во время Бородинского сражения Федор Орлов, «подскакав к французской коннице, убил из пистолета неприятельского офицера перед самым фронтом». В 1823 году Федор Орлов вышел в отставку, и с тех пор судьба его неизвестна. В 1834 году, в возрасте 42 лет, он умер. Однако слухи о дерзновенных и даже преступных похождениях его юных дней так и окружали его имя. В примечаниях к «Русскому Пеламу» сын декабриста Евгений Якушкин писал: «Его судьба в романе очень близка к его действительной судьбе. Похищение, бедность, фальшивая игра, разбой – не вымыслы»...

Но неужели Пушкин, замахиваясь на роман о русском обществе 1820-х годов, готов был ограничиться лишь сюжетом, окружающим фигуру Федора Орлова, на котором строится вся авантурная канва романа?

Скорее всего, нет.

Первый план романа не удовлетворил Пушкина.

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОМАНА

Второй план, в общем, лишь расширяющий первый, заканчивается списком характеров и героев, которым, по мнению Пушкина, следует дать ход в романе. У Пушкина это выглядит так: «Отец и его любовница. Выб – ок. Фрел. Фед. Орлов. Ал. Орлов. Кочубей, дочь его; Кн. Шаховской, Ежова. Истомина, Грибоедов, Завадовский. Дом Всеволожских. Котляревский, Мордвинов, его общество. Хрущов. Общество умных (Илья Долгоруков, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев etc.)».

Все это своего рода ступени, которые предстоит пройти Пельмову для того, чтобы сделать из себя человека.

Высший свет. В первом плане романа высший свет, в котором вращался Пельмов, назван Пушкиным «дурным обществом». И только список «Характеры» намечает многоплановое изображение высшего света, куда «дурное общество» предыдущих планов входит как один мазок общей картины. Пушкин хотел изобразить дворянские круги – прежде всего салон драматурга князя Александра Шаховского и его гражданской жены, актрисы Александринского театра Екатерины Ежовой, где собиралось пестрое театральное общество. Возможно, Пельмов попадает в этот салон как переводчик водевилей. «Истомина, Грибоедов, Завадовский». Принадлежат к золотой молодежи, которая в первом пушкинском плане охарактеризована так: «театр, литераторы, картежники». Громкая дуэль графа Василия Шереметева с графом Александром Завадовским из-за балерины Авдотьи Истоминой, в которой Грибоедов участвовал как секундант Завадовского, освещает тот наименее изученный период петербургской жизни автора «Горя от ума», который некоторые исследователи называют «прожиганием жизни». На дуэли Шереметев был убит, после чего Завадовский вынужден был уехать в Англию, а Гри-

боедов – оставить столицу и переехать по службе в Тифлис. Пушкин всегда ценил Грибоедова, прозревая в нем ум государственный. По его словам, Грибоедов в конце концов «почувствовал необходимость расстаться единожды навсегда со своею молодостью и круто поворотить свою жизнь». Пушкин в романе мог интересоваться именно нравственный перелом, происшедший в нем.

«Дом Всеволожских». Здесь у переводчика, театрала и основателя «Зеленой лампы» Никиты Всеволожского собиралась даровитая молодежь. Около полутора лет в особняке Всеволожских происходили заседания литературного общества «Зеленая лампа», в которое входили некоторые будущие декабристы и молодой Пушкин. И в этот знаменитый дом поэт тоже намеревался ввести своего героя.

«Мордвинов, его общество». Это уже не просто прототип, но целый круг людей, с которыми судьба должна свести героя. Граф Мордвинов слыл либералом. Он выступал в Государственном совете с независимыми «мнениями». Именно ему, наряду со Сперанским и Ермоловым, декабристы готовили место во временном правительстве.

Можно заметить некоторую последовательность, с какой Пушкин собирался знакомить своего героя с разными кругами петербургского света. Теперь это уже не просто «дурное общество», а набросок многоплановой картины: от театрального салона Шаховского он переходит к «дому Всеволожских», затем к либеральной оппозиции Мордвинова и его общества. Но в программу включено и «общество умных»: Илья Долгоруков, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев – будущие декабристы, а в годы действия романа – организаторы «Союза благоденствия». Каким образом хотел Пушкин ввести в этот круг Пельмова? Сам автор об этом ничего не сообщает, а гадать бессмысленно.

Несомненно одно: список «Характеры» стал новой размерностью романа, выводил его за рамки частной жизни, расширял его масштабы, радикально изменял всю интригу. Перед нами как бы «история жизни» главного героя, но не та ее авантюрная часть, которая была изложена в первых двух планах, а новая, намечающая постепенное «восхождение» по крутам светского общества, которое и приводит его на путь чести.

Но в новой программе намечен и «нисходящий» путь. Это – история Федора Орлова, героя-антипода Пелама: его падение от блестящего офицера до клиента ростовщика.

В предпоследнем, третьем по счету плане Пушкин наметил «историю» главных героев романа. Он начинается с «истории Федора Орлова». Впервые отдельные события жизни Орлова выстраиваются в развернутую историю падения дворянина. Когда иссякает богатство, в ход идут недостойные дворянина способы. Поначалу это мошенничество, шулерство, игра «навверняка», дуэли. А заканчивается история Орлова так: «он доходит до разбойничества, зарезывает Щепочкина; застреливается (или исчезает)». Убийство и самоубийство выплывают в этой истории как итог моральной несостоятельности героя.

В 1829 году Пушкин писал о причинах падения дворянства: «Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застаёт в нужде и в хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять».

Повествование в пушкинском романе ведется от первого лица. Это позволяло не только рассказать о событиях от имени свидетеля и участника их, но и дать им зрелую оценку. Во время действия романа Пельмону 18–20 лет. Когда же он может вспомнить о своей молодости? Вероятно, в то же время, когда

Пушкин работал над романом – в 1834–1835 годах. Пельмов – современник и ровесник Пушкина, вступив в пору зрелости, вспоминает события пятнадцатилетней давности, пишет рассказ о своей жизни. В первых главах романа Пельмов – умный, ироничный человек, тонкий наблюдатель и психолог, который может открыто и честно рассказать, что с ним произошло.

В последнем плане фигуру Федора Орлова замещает Завадовский, как более яркий тип блестящего прожигателя жизни. Это в доме графа Завадовского собирается «дурное общество», которому теперь дается точная характеристика: «les parasites» – паразиты, прихлебатели. Пельмов попадает в этот круг и в результате получает в свете репутацию шалопая, однако после дуэли Завадовского, после сцены у отца Пельмов «порывает с Завадовским». Так главный герой выходит на «путь чести». В этом превращении и заключается теперь главная фабула романа.

Пушкин, вероятно, собирался каким-то образом познакомить Пельмова с декабристским кругом – хотя бы в той мере, в какой сам был с ним знаком. Это желание естественно вытекало из обстановки ожидания амнистии декабристам в декабре 1835 года. Но мог ли Пушкин писать об этом? Вероятно, нет. Да и амнистия не состоялась. Цензура никакого упоминания о декабристах не пропустила бы. Невозможность всесторонне изобразить общественную жизнь России стала, видимо, причиной того, что роман был оставлен. Некоторые мысли и образы «Русского Пелама» впоследствии были реализованы в «Капитанской дочке». Это само по себе говорит о том, что Пушкин отказался от мысли когда-либо вернуться к роману о Пельмове.

Впрочем, вопрос сложнее. Советская пушкинистка Лидия Герасименко не случайно задает прямой вопрос: «Был ли масштабный эпический роман в природе дарования Пушкина, в самых глубоких своих творениях всегда ла-

коничного?» Об этом можно только гадать. Многие исследователи считали, что если бы роман Пушкина был написан, то он (особенно в описании света) предвосхитил бы «Войну и мир» Толстого, а может быть, дал бы ему пищу для завершения неоконченного замысла «Декабристы». Возможно. Но ни журнальную, ни научную статью не напишешь, увы, в сослагательном наклонении.

КТО ЖЕ ОН – РУССКИЙ ПЕЛАМ?

Один из первых пушкиноведов, Павел Анненков, как-то заметил, что в «Пелэме» Бульвер-Литтона Пушкин уловил и многократно усилил одну черту: Пелэм нисходит в глубокую тину порока, не мараясь сам, и возвращается из нее нравственно чистым; он словно заговорен от прикосновений грязи к своему моральному существу и выходит из всех злоключений и падений со свежим чувством, с чистым сердцем. Правда, пишет Анненков, «Пелэм имеет важную жизненную задачу, которой посвящает всего себя – он пробирается в общественные деятели: грубые и изящные пороки, постыдное или благородное выражение страсти – одинаково служат ему, делая его необходимым для всех <...> У русского его близнеца не могло быть и помина о такой цели: он должен был опираться на одну свою благодатную природу, без всякой поддержки со стороны предвзятой идеи, хотя такая идея существовала у самого Пушкина. Задачи творчества и художественные цели доставляли ему не менее сильную нравственную опору, чем политические расчеты <...>, и вынесли его из водоворота света и житейских бурь вполне светлой, незапятнанной личностью...».

При этом Анненков полагал, что такой человек существовал реально, и этот человек – ближайший друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. У Нащокина Пушкин обычно останавливался, приезжая в Москву. В нащокинском доме на Большой Полянке даже была отдельная комната для него.

КОллаж ОЛЕГА БОРОДИНА

«Детски добрый, – пишет о Нащокине Анненков, – доверчивый и впечатлительный, по количеству необычайных походов, по числу связей, знакомств всякого рода, по ряду неожиданных столкновений с людьми, катастроф и семейных переворотов, испытанных им...». Нащокин очень подходил для того, чтобы «олицетворить идею о человеке нравственно, так сказать, из чистого золота, который не теряет ценности, куда бы ни попал, где бы ни очутился. Редкие умели так сберечь человеческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совесть и неизменную доброту сердца, как этот друг Пушкина – в самых критических обстоятельствах жизни, на краю гибели, в омуте слепых страстей и увлечений и под ударами судьбы и несчастья, большею частью им самим и накликаемыми на себя. Пушкин высоко ценил нравственный характер друга и любил слушать его тихую, скромную речь, которая постоянно обнаруживала

честность его природы и светлые инстинкты души, сохраненные им назло людским изменам, предательствам и оскорблениям...». Гоголь, твердо уверовав по рассказам Пушкина в «золотую душу» Нащокина, спустя много лет, уже будучи автором «Переписки с друзьями» и, соответственно, писателем религиозным, несмотря на все похождения Нащокина в молодости, твердо рекомендовал его воспитателем в богатый петербургский дом промышленника Дмитрия Бенардаки... С не меньшей убежденностью, чем Анненков, советский литературовед 1960-х годов Казанцев доказывал, что прототипом русского Пелама был Никита Всеволожский, знакомец Пушкина в ранней юности и, впоследствии, сослуживец по Коллегии иностранных дел. Правда, именно он характеризуется Пушкиным как «беспамятный эгоист»: Пельмов должен быть мягче, отзывчивее. Впрочем, это уже домыслы. Что важно? Что Пушкин шел к созданию романа своим путем,

который можно назвать вполне одиноким. Он один в те годы задумывает «серьезный» роман в противовес сиюминутно модным литературным поделкам. Да, он проигрывает – роман не написан. Или выигрывает? Все-таки именно Пушкин намечает те узловые моменты XIX столетия, которые потом попадут в поле зрения Льва Толстого, и намечает те нравственные проблемы, осмыслять которые будет уже другой гениальный русский романист – Достоевский. Здесь есть мистическая преемственность творчества. Литература вообще глубоко мистична. Не беда, что мы никогда не узнаем настоящего характера Пельмова: автор его не написал. Может быть, это даже и хорошо. Что-то в Пушкине должно навсегда оставаться для нас неизвестным. Это нужно для того, чтобы Пушкин оставался загадкой. Мыслился. Домысливался... Чтобы он жил. Спорил. Фантазировал. А иногда и потешался над нами. ■

М.Х. Шульц.
Гравюра
из журнала
«Всемирная
иллюстрация»
за 1889 год

Целый день Шульц пролежал среди убитых. Сам Мориц Христианович так отвечал Лермонтову на вопрос, что чувствовал он в эти часы: «Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытых мыслях мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених». Вечером Шульца подобрали солдаты похоронной команды Апшеронского пехотного полка. Уже капитан, кавалер орденов Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени, Шульц долго лечился, в России и за границей. В Дрездене он и получил ответ от той девушки, из-за которой оказался на Кавказе. После многих лет они случайно встретились в Дрезденской картинной галерее, еще раз объяснились в любви, а препятствия к браку исчезли сами собой. Это после первой попытки сделать предложение родители баронессы Матильды Шарлотты фон Лаудон отказали безвестному молодому прапорщику. Теперь руки просил боевой, заслуженный офицер.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИЗ ЖИЗНИ МОРИЦА ХРИСТИАНОВИЧА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«В ПОЛДНЕВНЫЙ ЖАР В ДОЛИНЕ ДАГЕСТАНА С СВИНЦОМ В ГРУДИ
ЛЕЖАЛ НЕДВИЖИМ Я; ГЛУБОКАЯ ЕЩЕ ДЫМИЛАСЬ РАНА...».
ЭТО ПЕРВЫЕ СТРОКИ ИЗ ЛЕРМОНТОВСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«СОН». САМ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ВО ВРЕМЯ КАВКАЗСКИХ
ВОЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ РАНЕН НЕ БЫЛ. А В ДОЛИНЕ ДАГЕСТАНА
ЛЕЖАЛ ШТАБС-КАПИТАН МОРИЦ ШУЛЬЦ.

ОДИН ИЗ САМЫХ ДРАМАТИЧНЫХ ЭПИЗODOВ РАСТЯНУВШЕЙСЯ НА десятки лет Кавказской войны – штурм русскими войсками дагестанского аула Ахульго. Он продолжался более двух месяцев. Столица предводителя горцев имама Шамиля пала 22 августа (3 сентября) 1839 года после генерального штурма. Тогда-то офицер штаба Кавказского корпуса Шульц и получил два ранения, одно – тяжелое, пулей в грудь навывлет. Так вышло, что во время сражения штабс-капитана оставили на месте схватки. Видимо, посчитали за мертвого.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ, ПЕРВЫЕ РАНЫ

Так о своем неудачном первом сватовстве рассказывал сам Шульц, чьи воспоминания дошли до нашего времени в исполнении двух господ: журналиста Григория Градовского и офицера Алексея Маслова (псевдоним Бежецкий). Однако раны и годы сказывались на памяти Морица Христиановича. Отсюда – неточности в его рассказах. Впрочем, некоторое сокращение собственной биографии могло быть вызвано вполне человеческим желанием добавить в нее побольше романтики. 24-летний прапорщик без связей и средств, отказ сурового барона – и что теперь? Конечно – на Кавказ, где в чинах росли быстро и ордена получали споро. В таком случае неудачное сватовство должно прийти на 1830 год,

Взятие укрепления «Воля»
в предместье Варшавы в 1831 году

а на Кавказе Шульц оказался только в 1838-м.

Мориц родился в 1806 году в семье потомственных дворян остзейского происхождения в Ревеле (ныне – Таллин). Отец, обер-пастор Домского собора, умер, когда сыну не было и 3 лет. После окончания рыцарской соборной школы Шульц-младший перебрался в Петербург. Похоже, какие-то связи в столице у семьи имелись, раз он был зачислен в дислоцированную там учебную артиллерийскую бригаду. А вскоре поступил в Артиллерийское училище, что было непросто. Экзамены были строгими, учеба в военно-техническом вузе требовала особой подготовки. До офицерского чина добирались далеко не все. Шульц добрался и вышел в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду, которая находилась в составе 3-й гвардейской пехотной дивизии, дислоцированной в Варшаве и ее окрестностях. К слову, на

военном жаргоне дивизию называли «Каторжной». Уж больно суровые порядки ввел наместник царства Польского великий князь Константин Павлович. Хотя понять старшего брата российского императора Николая I можно. Последний раздел Польши и уничтожение ее как суверенного государства произошли недавно – в 1795 году. А Константин Павлович принял тяжелое наследство спустя два десятилетия.

Едва Шульц прибыл по месту назначения, как тут же принял участие в боях с польскими повстанцами, которые переросли в национальное восстание. В отечественной истории этому событию, унесшему в сражениях более 60 тысяч жизней, придается второстепенное значение. Но в течение без малого года с обеих сторон была задействована военная сила числом примерно 350 тысяч. Для сравнения: это значительно больше, чем участвовало в Бородинской битве. Причем русские войска имели до 200 тысяч, повстанцы, соответственно, 150 тысяч. Так что драка получилась серьезная.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Б.П. Виллевальде.
Сражение
при Грохове
13 февраля
1831 года.
1850-е годы

Михайловская
артиллерийская
академия
и училище
в Санкт-
Петербурге.
Гравюра
К.П. Вейермана
по рисунку
А.Н. Нищенкова

Шульц отличился в ключевых боях 1831 года – при деревне Грохово 25 февраля и при городе Остроленка 26 мая. А также при взятии передового варшавского укрепления «Воля» в сентябре. Две русские награды – Святой Анны 3-й и 4-й степени, польский орден «Военная доблесть» 4-й степени и чин подпоручика досрочно – тому свидетельства. В Варшаве Шульц задержался еще на два года, после чего получил довольно любопытное назначение – на Урал. Там, на Каменском и Нижне-Исетском металлургических заводах, от имени военного ведомства приглядывал за качеством металла, отправляемого на оружейные заводы. Два года приглядывал, пока не получил назначение в 17-ю артиллерийскую бригаду с одновременным зачислением в Императорскую военную академию. Скорее всего, именно в этот период – а срок обучения в академии занял опять-таки два года – Шульц мог свататься к баронессе фон Лаудон. Но тогда возникает иное противоречие. Какой же он молодой офицер без связей и положения? Уже за 30 лет, что по тем временам весьма приличный возраст, три боевых ордена, несколько лет службы в гвардейской части, что не могло не привести к солидным знакомствам... Может, какая-то другая причина влияла в то время на решения в семье барона о будущем их дочери? Ну да ладно, пусть все будет по Шульцу. Тем более что в год выпуска прапорщика Шульца из училища возлюбленная

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

отметила... 11-летие, а по выходе офицера из академии ей уже исполнилось 18. Так или иначе, но он едет воевать на Кавказ. До штурма горы Ахульго, что в переводе с аварского означает «Гора зова», капитан Генерального штаба не раз отличился в боях. Казалось бы, его дело в штабе находится, карты местности изучать, операции планировать. Но Шульц был неукротим. В одной из стычек с горцами в 1839 году он вместе с артиллерийским расчетом отбил нападение на пушку. Самое время напомнить, что по первому военному образованию Шульц был артиллеристом. Так вот, русские артиллерийские части вплоть до 1917 года знамен или штандартов не имели. Их заменяли орудия. Поэтому каждая плененная пушка означала позор для батареи или целой бригады. И защищали артиллеристы и солдаты прикрытия их так же рьяно и люто, как пехотинцы – знамена, а кавалеристы – штандарты. В той схватке Шульц получил ранение в бедро навывлет. Из воспоминаний молодого офицера Дмитрия Милютина, впоследствии генерал-фельдмаршала, военного министра Российской империи: «Левая боковая колонна полковника Пулло также выдержала горячее нападение горцев: было мгновение, когда противники чуть не захватили горных орудий Баумгартена, но были отброшены картечным выстрелом в упор. Настойчивое преследование неприятеля прекратилось тогда только, когда весь отряд окончательно выгнанул на правый берег Яман-су и вышел из лесистой полосы. В этот день мы

Медаль «За взятие штурмом Ахульго. 22 ав. 1839 г.»

Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912), военный министр. Служил на Кавказе с 1839 по 1844 год, принимал участие во многих стычках с горцами. В те времена началась его дружба с офицером Морицом Шульцем, которая продлится многие годы

Ф.А. Рубо. Дагестан. Штурм аула Ахульго. 1888 год

понесли значительную потерю. В числе раненых офицеров был товарищ мой Шульц, получивший рану в ногу». Позже, по сообщению Милютина, было и повторное ранение в ногу. Спустя немного времени во время рекогносцировки под огнем противника Шульц был ранен пулей в голову. Кусок свинца пробил щеку и раздробил челюсть. За захват цитадели Шамиля капитан ГШ получил награду, которую ценил особенно: серебряную медаль «За взятие штурмом Ахульго». Таких было отчеканено всего менее 13 тысяч штук. По другим данным, чуть более.

ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ

После лечения Шульц вернулся в строй. Видимо, уже став жеманым человеком. Так как первенец, Александр, появился на свет в июле 1841 года. Но спустя полтора месяца его отец вновь испытывает судьбу. Год – день в день – миновал после ранения в грудь под Ахульго, как в бою у дагестанского аула Унцкуль Шульц получает точно такое же ранение. И все повторяется, как в дурном сне. Бой для русского отряда выдался неудачным, солдаты отошли, а капитан остался лежать на поле сражения, без движения и без сознания. Убит, подумали солдаты-апшеронцы. Умер, решили горцы и, обследовав место драки, вернулись на прежние позиции. Вечером, как стемнело, в роту, которой командовал Шульц, кому-то из уцелевших пехотинцев пришлось в голову проверить, нет ли живых на поле брани. Шульц выбрался из передраги и на этот раз. В приказе о присвоении ему очередного чина государь Николай I начертал: «Из подполковников в полковники». Обошлось, правда, без орденов. Не любил Николай Павлович поражений. И наград в таких случаях даже отличившиеся офицеры не ждали.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

О Шульце заговорили не только на Кавказе. Он начал превращаться в живую легенду в обеих столицах. Чему способствовали прежде всего сослуживцы, возвращавшиеся с Кавказа на новые места службы или в отпуски. А живые легенды даже при Высочайшем дворе старались беречь. После очередного излечения Мориц Христианович получил назначение подальше от передовой. Но не так, чтоб уж совсем далеко. На Кубань, в район Новороссийска. Ему поручили сугубо штабную работу, связанную с топографическими исследованиями. Предстояло выяснить, где строить дорогу, которая должна соединить земли Кубанского казачьего войска и Черноморское побережье Кавказа. Шульц определил. Уместно заметить, что, как ни крути, а путь неминуемо проходил по землям горских народов, и подобное занятие сильно отличалось от учебных съемок карты местности, что проводились в академии под Петербургом.

В 1846 году Шульц получил под начало 3-ю бригаду Кавказского линейного казачьего войска. Это первоначальное название нынешнего Терского казачьего войска. Линейным его именовали потому, что он занимал оборонительную линию по реке Терек. В бригаду входили Гребенской и Кизлярский казачьи полки. Это была серьезная проверенная боевая сила. Довольно сказать, что гребенцы вели историю с 1711 года, а кизлярцы с 1722-го. Через три года Шульца перевели в начальники Самурского округа. Это назначение сродни офицерской поговорке «меньше звзда не дадут, дальше Кушки не пошлют». Самый юг Дагестана, горы, несколько сел. Драться там приходилось часто, но в скромных масштабах. В награду – орден Святой Анны 2-й степени. «Ссылка» завершилась в 1850 году. Шульц переехал в Александропольскую крепость. Сейчас это Пюмри, второй по величине город Армении, а тогда крепость была одним из форпостов империи в Закавказье.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид на Северный форт
Александропольской крепости.
1877–1878 годы

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

Генерал-майора Шульца назначили в Александрополь комендантом не случайно. Напряжение в отношениях с Константинополем нарастало. Прошло три года, и «пузырь ожиданий» лопнул. Началась Восточная, она же Крымская, война.

Почему стоит солидаризироваться с теми историками, которые считают, что название «Крымская» неверно в принципе? По простой причине. Эту войну Российская империя вела не только в Крыму. Но и на Балтике, на Белом море, на

Камчатке, в Закавказье, на побережье Азовского моря... Да, наиболее масштабные и кровавые события происходили вокруг Севастополя. Но это нисколько не отменяет того факта, что русские солдаты, а то и мирные люди, сражались и гибли на упомянутых фронтах. Это доказывает пример генерала Шульца. Под Александрополем шли довольно ожесточенные бои. Причем начались они за несколько дней до объявления войны. И не слишком успешно для русской стороны. Но спустя каких-то десять дней все встало на свои места. 24 ноября 1853 года турки бежали под Ахалцыхом, а 1 декабря Александропольский отряд под командованием генерал-лейтенанта князя Василия Бебутова нанес противнику серьезное поражение под Башкадыкларом. И вновь Мориц Шульц проявил себя, за что был отмечен Императорской короной к ордену Святой Анны 2-й степени. В дальнейшем корпус Бебутова вел довольно пассивную игру. Причем по объективным причинам. Ресурсов для крупного наступления не было, империя сосредотачивала основные силы в Крыму и на западных границах, опасаясь вступления в войну Австрии и Пруссии. Способность же к обороне сомнений не вызывала.

Василий
Осипович
Бебутов
(1791–1858),
русский
полководец

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шульц прекрасно понимал, что в Закавказье и без него имеются опытные генералы, а происходившее в Крыму вызывало у него странное чувство. На суше справляются с превосходящими силами противника... адмиралы. А полевые генералы в большинстве делают ошибку за ошибкой. Прощение Морича Христиановича о четырехмесячном отпуске было удовлетворено в середине мая 1855 года. Отпуск генерал решил провести, естественно, в Севастополе.

Сегодня один из памятников в городе-герое, посвященных обороне во время Восточной войны, – 5-метровый обелиск в честь защитников 4-го Мачтового бастиона. Памятник установлен в 1905 году, в центре бывших оборонительных позиций, перекрывавших врагу кратчайший путь к центру Севастополя. Бастион входил в так называемую Вторую дистанцию оборонительной линии, насчитывал свыше 100 орудий. Тыл Мачтового бастиона прикрывал Язоновский редут. Столь странное название он получил потому, что строили его моряки бригада «Язон». На этом редуте воевал артиллерийский подпоручик Лев Толстой. И вполне вероятно, что ему доводилось встречать тут генерала Шульца, который возглавлял Вторую дистанцию в первых числах июня 1855 года. Возможно, они виделись во время кровопролитного сражения на Черной реке 16 августа того же года. И на этой войне

Редут Мачтового бастиона в Севастополе. Литография Е. Уолкера по рисунку У. Симпсона

Шульц остался верен себе. В середине июня он был контужен осколком бомбы в руку и ранен осколком бомбы в ногу. А за день до эвакуации на Северную сторону Севастопольской бухты получил контузию от бомбового осколка. В голову. Тем не менее тут же принял под командование 16-ю пехотную дивизию. Его полки держали оборону на Мекензиевых горах, к северу от центра города. О том, как командовал вверенной ему артиллерией генерал Шульц, четко и профессионально высказался в изданной в 1900 году книге «История Крымской войны и обороны Севастополя» военный историк, генерал-лейтенант Николай Дубровин: «Артиллерия бастиона во время его командования действовала весьма успешно; главными основаниями генерала Шульца при направлении и ведении огня было сосредоточение его и верность наводки, не преследуя поспешности огня. Находясь постоянно

Джироламо Индуно. Сражение на Черной реке 16 августа 1855 года. 1857 год

под неприятельским огнем, он всегда сохранял полное хладнокровие».

Отпуск Шульца, награжденного золотой, усыпанной бриллиантами шпагой с надписью «За храбрость», закончился тем, что его отозвали в Петербург. Там вновь пришли к мысли, что надобно побереечь легенду Русской армии. Теперь мысль посетила менее сурового императора, Александра II. Потому и новая должность оказалась на мирном направлении. Генерал-майор Шульц стал комендантом крепости Дюнамюнде, что издревле защищала Ригу в устье Двины от вторжения с моря. Орудия крепости участвовали в Восточной войне. Береговые батареи отогнали от Риги британские корабли. Но теперь перед Шульцем стояли сугубо созидательные задачи.

А.Д. Кившенко. Штурм крепости Ардаган 5 мая 1877 года. 1886 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ

Шульц в Дюнамюнде строил и вширь, и вглубь. Связал мостами свои рavelины с рижскими кварталами. Саперы пробились к артезианским потокам воды, что обеспечило крепость безграничными ресурсами. Но в 1863-м Шульц не выдержал. Сорвался. И в прямом, и в переносном смысле. Тем более что в прямом смысле ехать до войны было недалеко. Грянуло в русской Польше, Литве, Белоруссии, на Волыни. Восстание растянулось на полтора года и завершилось только в июне 1864-го. Видимо, не зря сорвался Шульц из своей крепости, раз по итогам этой войны был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени и чином генерал-лейтенанта. Стоит отметить, что, пока существовала независимая Польша, этот орден был одной из двух высших наград Речи Посполитой. «Стас», как называют его коллекционеры, и орден Белого орла введены в иерархию императорских наград в 1831 году. В том самом, когда 25-летний Шульц получил первые боевые ордена за предыдущую Польскую кампанию. В 1877 году 70-летний Шульц самопризвался в действующую армию в очередной и последний раз. Дело вновь разгоралось на юге – на Дунае и на Кавказе. Гордая Османская империя понимала, что умирает, но хотела умереть с саблей в руке. На Дворцовой площади отдавали отчет, какой колоссальный опыт боевых действий на Северном Кавказе и в Закавказье накопил

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мориц Христианович. И его прошение об отправке на театр военных действий удовлетворили. Его прикрепили к штабу командующего Кавказским корпусом генерала от кавалерии Михаила Лорис-Меликова. Но Шульц не был бы Шульцем, если б не «сбежал» туда, где интереснее. А интереснее всего – в отряде генерал-лейтенанта Федора Девеля, которому была поставлена задача захватить одну из главных турецких крепостей на востоке Османской империи – Ардаган. В случае успеха открывался путь на Карс и Эрзерум. А за этими городами-крепостями – пустынные нагорья Анатолии, ведущие в центр Турции. Что именно делал Шульц в отряде Девеля, усиленном перед штурмом отрядом генерал-лейте-

Портрет М.Х. фон Шульца в альбоме «Портреты лиц, отличившихся заслугами и командовавших действующими частями в войне 1853–1856 годов»

нанта Василия Геймана, история умалчивает. Вряд ли бегал в атаку на стены во главе роты. Скорее, был советником. Но хорошо советовал, раз Ардаган был взят за один день, потери русских составили около 300 человек, турки лишились 3 тысяч, из которых почти 2 тысячи – убитыми. Полезные советы привели к очередной награде – ордену Святого Владимира 2-й степени.

У Шульца скопилась отменная коллекция наград. Девять императорских орденов, два иностранных, четыре боевые медали. С чьего-то легкого языка к генералу пристало выражение: «У Шульца больше ран, чем наград». Оно грешит ошибкой. Мориц Христианович был восемь раз ранен и контужен. В пяти войнах и военных кампаниях за 52 года службы в офицерах. Но в таких случаях арифметика не помощник. В 1882 году Шульц по состоянию здоровья вышел в отставку. Состояние на самом деле оставляло желать лучшего, что несколько не удивительно. Овдовевший генерал от кавалерии последние шесть лет жизни провел в собственном имении Ломе Ковенской губернии. Ныне это в Литве. Там же в Литве, на старинном лютеранском кладбище в городке Таураге, в 2014 году было обнаружено захоронение генерала. Рядом с ним покоятся и другие фон Шульцы. Как ни удивительно, поисками занимался православный священник отец Георгий Ананьев.

А что же Лермонтов? По воспоминаниям Шульца, поэт написал стихотворение «Сон» через день-другой после их знакомства и рассказа Морица Христиановича о бое под Ахульго, своем ранении, ожидании смерти и мысленном обращении к любимой Матильде. И за два месяца до гибели Михаила Юрьевича на дуэли под Пятигорском. Офицеры познакомились в приемной штаба генерал-лейтенанта Петра Граббе в мае 1841 года в Ставрополе. Даже позавтракали вместе. После чего был рассказ. А еще после – одно из последних стихотворений великого поэта. ■

С.В. Иванов.
Иллюстрация к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Сон»

Лидия
Алексеевна
Чарская
(1875–1937)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ванным к Николаевской инженерной академии. В итоге дослужился до генерал-лейтенанта. Мать, купеческая дочь Антонина Дмитриевна Крахоткина, умерла при рождении Лиды. Крестными малышки стали ее дед, генерал-майор Александр Воронов, и тетка, сестра матери Ольга Крахоткина.

Основные сведения о детстве и юности Чарской исследователи и читатели черпают из ее автобиографических повестей. В них, разумеется, есть доля вымысла, а всем героям подобраны имена и фамилии, схожие с именами и фамилиями прототипов: Вороновы стали Воронскими, Чурилов – Чермиловым и т.п. В повести «За что?» рассказывается, что осиротевшую девочку стали воспитывать четыре маминых сестры. У мамы их в самом деле было четыре, и в повести их зовут как в жизни: Ольга, Юлия, Капитолина и Елизавета. Интересно, что один из братьев матери, Митрофан Дмитриевич Крахоткин, был тем самым подпоручиком, который 1 марта 1881 года, в день покушения на Александра II, оказался рядом с царем, помог ему выйти из кареты после первого взрыва и был ранен вторым.

Лидюша, как следует из повести, была любимицей всей семьи, ей многое позволялось. Горячо любимый отец – «солнышко», как его называла дочь, – решил, однако, жениться. Девочка не приняла мачеху, пыталась сбежать из дома. В конце концов ее отдали учиться в Павловский институт благородных девиц. Когда Лида заболела оспой, мачеха самоотверженно ее выхаживала, девочка примирилась с ней и полюбила ее.

На самом деле второй женой отца стала его кузина, генеральская дочь Анна Воронова; в браке родились четверо детей. А в институт Лидию определили в феврале 1885 года – почти за год до того, как отец женился.

НЕУБИТАЯ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

СПОРЫ О ЧАРСКОЙ, НАЧАВШИЕСЯ БОЛЕЕ ВЕКА НАЗАД, НЕ УМОЛКАЮТ ДО СИХ ПОР: ПЕЧАТАТЬ ИЛИ НЕ НАДО? УСТАРЕЛА ИЛИ НЕТ? УЖАСНАЯ ПОШЛОСТЬ ИЛИ ОТЛИЧНЫЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ? И МИНУВШИЙ ВЕК ЯСНОСТИ НЕ ПРИБАВИЛ.

«**Б**ЫВШАЯ ДВОРЯНКА по отцу, по матери крестьянскогословия... русская, но происхождения татарского», – написала она в 1924 году в анкете. Последнее утверждение не очень понятно, возможно, имелись в виду какие-то предки по материнской линии.

ЛИДЮША И СОЛНЫШКО

Лидия Алексеевна Чарская, урожденная Воронова, родилась 19 (31) января 1875 года. В автобиографии потом, ничтоже сумняшеся, написала, что родилась в 1879-м.

Ее отец, военный инженер, на момент рождения дочери был поручиком лейб-гвардии Егерского полка, прикомандиро-

ИНСТИТУТКА

В Павловском институте благородных девиц учились сироты из офицерских семей. Принимали туда 10–11-летних девочек. Курс обучения составлял семь лет, как в гимназии, и в целом походил на гимназический, однако в него были включены основы домашнего хозяйства и рукоделия. Выпускницы института получали диплом домашних учительниц. Институтская жизнь была скромной и замкнутой: казенная пища, форменная одежда, общие дортуары на сорок кроватей, общие столовые, мало личных вещей. Девочек отпускали домой только на Пасху, Рождество и на лето: считалось, что изоляция в институте позволяет оградить их от дурных влияний.

Разумеется, как в любом закрытом сообществе, в институтах развилась субкультура со своими традициями, например «обожать» кого-то из старших воспитанниц или учителей. Прощетала травля, которая присутствует едва ли не в каждой институтской повести Чарской – собственно, некоторые и начинаются с того, что прибывшей девочке устраивают обструкцию и сразу сообщают, что новеньких тут принято травить. Тем не менее институт оказался для Чарской важнейшей частью жизни: именно он сформировал ее – с ее искренней верой в Бога, царя и Отечество, с ее желанием учить детей доброте, честности, любви к ближнему.

Если сначала читать, что пишут о Чарской критики и литературоведы, а потом добраться до ее собственных текстов, они, скорее, приятно удивляют: хотя стилистика ее порой невыносимо пустозвонна, нельзя не отдать должное ее изобретательности, умению выстроить динамичный, крепкий сюжет. В наше время она, должно быть, была бы неплохой сценаристкой. Хотя на ее героинях и лежит невыводимая печать институтской сентиментальности и экзальтации, лучшие ее персонажи как раз не вписываются в умозрительный образ плаксивой и сюсюкающей ин-

Лидя Воронова на 10-м году жизни, во время обучения в Павловском институте

ститутки. Наоборот, они смелые, гордые, великодушные, склонные к шальному авантюризму. Правда, ко второй-третьей институтской повести поцелуи и обмороки начинают утомлять. А если сопоставить их с другой «институтской» прозой – трилогией Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль», – то институтские обычаи, увиденные ясным ироническим взглядом умной Сашеньки, начинают казаться не милыми, а глупыми и безобразными.

предоставлено м. золотаревым

Павловский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. Воспитанницы во дворе института

СТРАСТИ РОКОВЫЕ

Лиде с детства казалось, что она не такая, как другие: слишком остро все воспринимала, слишком буйной была ее фантазия. Лидя в повести «За что?» – восприимчивая до экзальтированности, непоседливая до сумасбродства. Но при этом – честная, справедливая, искренняя, гордая. Актерство и писательство, выбранные Чарской, это не только восприимчивость, но и жадность к жизни, стремление прожить много жизней за одну свою.

Лидя училась хорошо, окончила институт одной из лучших. Но начитанности, вкуса и образования ей не хватило, чтобы как следует реализовать свой талант. До конца дней она писала с чудовищными для писателя ошибками – и орфографическими, и пунктуационными, ошибалась даже в безударных гласных («заработать»). И писала она – во времена Толстого и Чехова – как во времена Бестужева-Марлинского: вот роковые страсти, вот адские злодеи, вот ангел доброты, вот обморок от нервного напряжения, а вот за ним и страшная болезнь. Героини заламывают руки, бьются в истерику, падают в беспамятстве. Сбегают из дома, попадают к разбойникам, скачут на лошадях, пытаются плыть на лодочках и попадают в бурю, подвергаются нападению диких зверей – кажется, нет такой эффектной напасти, которая не обрушилась бы на бедных сироток Чарской. Но всегда найдется благородный человек, готовый их спасти. Героини у нее в основном сироты, как и она сама. И дело, кажется, не только в том, что она ста-

Лидя Воронова с отцом

предоставлено м. золотаревым

рается передать им собственный опыт, но еще и в том, что сирота очень удобен детской литературе как герой: без родительского надзора у него гораздо больше возможностей влипнуть в разнообразные приключения, подвергаться испытаниям и бороться с тяжелыми обстоятельствами.

«Смертельная бледность покрывала его лицо», «мороз прихотливыми узорами разрисовал стекло», «горячо любила всеми силами своего маленького, нежного сердечка», «задыхаясь от злости, прошептала она» – похоже, по книжкам Чарской можно собрать едва ли не полную коллекцию романтических штампов XIX века. Воображение так гнало ее вперед, что она не задумывалась и выхватывала из головы первую попавшуюся формулировку – и по их качеству видно, что круг чтения у нее был так себе. А уж говорить о вдумчивой работе над текстом и вовсе не приходится.

И тем не менее – это была совсем новая литература: книги о девочках и для девочек. Женская литература только-только начала появляться. «Часто писательницы умели лучше, чем их коллеги-мужчины, принимать во внимание ожидания читателей и лучше понимали специфические особенности и возможности жанра, – заметил историк русской детской литературы Бен Хеллман. – Угрюмый натурализм и настойчивые призывы к защите несчастных детей были характерны для большинства писателей-мужчин, тогда как писательницы не боялись в своих произведениях занимательных персонажей, высоких чувств и необычных приключений». Девочки у Чарской – сильные, сложные личности с интересной внутренней жизнью, отмечает Хеллман. И книги ее – «развлекательное чтение, способное унести от каждодневных проблем в страну грез. При этом их нравственные нормы очень высоки, и вера в добро никогда не подводит. Все конфликты разрешаются, одиночество сменяется чувством принадлежности к группе, вера в будущее возрождается».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обаятельные героини сразу становились ролевыми моделями для девочек – особенно гордая, правдивая и шальная княжна Джаваха, рано умершая от туберкулеза. Недаром толпы поклонниц пытались найти ее классную комнату в институте, ее могилу – на Новодевичьем кладбище; недаром ей посвятила стихи юная Марина Цветаева, а Юлия Друнина писала: «...есть, по-видимому, в Чарской, в ее восторженных юных героинях нечто такое – светлое, благородное, чистое, – что <...> воспитывает самые высокие понятия о дружбе, верности и чести... В 41-м в военкомат меня привел не только Павел Корчагин, но и княжна Джаваха».

Как-то Чарская уловила эту детскую тоску по настоящим героям, по полной приключений жизни – может быть, потому, что эта тоска всегда жила внутри нее самой. И институтский мир, о котором она так много написала, конечно же, стал для нее клеткой, может быть, даже любимой. Может, потому ее герои и подвергаются таким необыкновенным напастьм, что сама она проживала эти приключения в своем бурном воображении. И, конечно, как выросшая в клетке птица, она так и не научилась летать как следует. Хотя и талант был, и ум, и сердце.

Иллюстрация из книги «Княжна Джаваха»

Афиша первого представления пьесы «Живой труп» Л. Толстого в Александринском театре. 1911 год. Среди исполнителей ролей цыган и цыганок указана Л. Чарская

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТРУМВИЛЬ И БРУНДЕГИЛЬДА

Выпуск из института был торжественным: девушек принимали в Зимнем дворце. Лучшие ученицы, в том числе Лида Воронова, в 1893 году получали награды из рук императрицы. Уже в следующем году 19-летняя Лидия вышла замуж за офицера Бориса Чурилова и взяла его фамилию. Биограф Чарской Тамара Исмагулова уточняет: он был ротмистром Отделения корпуса жандармов. Впрочем, по данным Российского родословного фонда, в свидетельстве о венчании он назван «ротмистром Лейб-Гвардии 2-го Стрелкового батальона».

В автобиографической прозе муж рассказчицы Борис Чермилов – сумрачный, печальный человек много старше ее. Он жил в лесу, держал... ручного медведя – и однажды вынужден был его застрелить, когда медведь попытался напасть на Лидию. Лидия называет его рыцарем Трумвилем, он ее – Брундегильдой; родившегося вскоре сына Юрия оба величают принцем. В книжке этому счастью скоро приходит конец, потому что муж по работе должен на три года уехать в Сибирь – поэтому Лидия, оставшись с малышом одна, решает зарабатывать на жизнь своим трудом и поступает на драматические курсы.

В реальности пара рассталась совсем по другой причине: Тамара Исмагулова нашла в деле Чарской, хранящемся в архиве Александринского театра, документы о ее разводе. В паспортной книжке Чарской сказано: «Согласно определению Курского епархиального начальства от 28 августа 1901 года, утвержденного 7 сентября Святейшим Синодом (Указ Синода от 19 декабря 1901 г. за №8936) брак владелицы настоящей книжки Лидии Алексеевны Чуриловой по прелюбодеянию ея, Чуриловой, расторгнут, с осуждением Лидии Чуриловой на всегдашнее безбрачие и преданию ее семилетней церковной епитимьи, под наблюдением приход-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ского ея священника». Мужу ее вступить в повторный брак разрешалось. Вряд ли стоит воспринимать этот документ как однозначное свидетельство измены жены: известно, что «прелюбодеяние» было единственной причиной, позволявшей развод, и супруги нередко договаривались, кто возьмет на себя вину.

В 1913 году Лидия Чурилова заявила, что потеряла паспорт, получила новый – без отметки о безбрачии – и 27 апреля 1914 года снова вышла замуж, за «сына потомственного дворянина» Василия Стабровского, о котором известно довольно мало. Отец его был санитарным врачом, сам он был гораздо моложе своей невесты: ей было 39, ему 23. К этому времени он успел отучиться в гимназии и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, откуда был изгнан из-за обвинения в краже дорогой верхней одежды в ресторане «Альберт». В 1913 году был признан душевнобольным. После свадьбы он работал канцеляристом в Тверском земском правлении. Этот странный брак, по-видимому, продлился не более года. Оба паспорта, «потерянный» и новый, сохранились в личном деле Чарской.

Сцена из спектакля «Живой труп» в постановке Александринского театра. 1911 год

Занятия на драматических курсах при Театральном училище. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕКЛАССНЫЙ ХУДОЖНИК

На драматические курсы при Императорском петербургском театральном училище Лидия поступила еще до развода, в 1897 году. Конкурс был большой, но поступила она легко, и ее воспоминания о поступлении и обучении – вполне человеческая проза без пышных эффектов. Училась хорошо, в программу обучения входили церковная история, русская и иностранная литература, бытовая история, история драмы и театра, французский язык и практика драматического искусства. Кроме того, она изучала пение, пластику, танцы, грим и фехтование. Окончила курс в 1900 году со званием «некласного художника». Эту квалификацию присваивали успешно окончившим курс и получившим серебряную медаль выпускникам художественных училищ и академий. Именно в училище появился известный всей России псевдоним: Лидия Чурилова уже при поступлении в училище попросила, чтобы на экзаменационных спектаклях ее именовали Чарской. Популярная догадка, что псевдоним избран по любви к роману Сологуба «Навыи чары», по-видимому, лишена основания: роман был написан несколькими годами позже.

По окончании курсов Чарская поступила в труппу Александринского театра и очень гордилась тем, что ее туда взяли «без протекции, за дарование». Сценическую ее карьеру трудно назвать удачной: она была характерной актрисой, играла роли второго плана, самыми значительными были сумасшедшая барыня в «Грозе» и Шарлотта в «Вишневом саде». Обе роли эффектные, необычные – по-видимому, сцени-

ческое дарование Чарской было не лирическим, а, скорее, эксцентрическим. Жалованье было совсем небольшим. Существует легенда, будто однажды Чарская проходила мимо издательства Маврикия Вольфа и зашла туда попросить работы; сказала, что окончила институт, отметки хорошие, почерк красивый. Вольф велел принести институтские дневники или письма к родным. Она принесла дневники – и получила от Вольфа записку «Печатаю, даю сто рублей». Считается, что именно так на свет появились «Записки институтки»; на самом деле, конечно, это вовсе не дневники Чарской. Как бы то ни было, в 1901 году «Записки институтки» вышли в принадлежащем Вольфу детском журнале «Задуманное слово» – в нескольких номерах подряд. И на Чарскую обрушилась всенародная слава. Девочки всей страны читали ее книги и писали ей письма – столько, что ответить на них было невозможно. Корреспондентки рассказывали ей о своей жизни, делились тайнами, спрашивали совета. В 1913 году, отвечая на вопрос журналиста, где она берет сюжеты для своих книг, она отвечала, что из своей жизни, из жизни подруг, а иногда и из рассказов читателей. К 1911 году Чарская по популярности среди детей уступала только Пушкину и Гоголю – и опережала Марка Твена и Тургенева. Писала она много и быстро. Вольф охотно печатал ее, но она жаловалась, что он платит мало, забывает об обещанных гонорарах, в ее письмах, как сообщают исследователи, много жалоб на нехватку денег. Писала она много: за семнадцать лет работы – 84 произведения! Это притом, что во время театрального сезона она была почти все время занята на репетициях и в спектаклях. Писала не только институтские и авантурные повести, в ее наследии есть и стихи, и исторические романы, и сказки. Многописание не могло не сказаться на качестве: уже на второй-третьей повести начинаешь ловить шаблоны, одинаковые

сюжетные ходы – все то, что сейчас, спустя сто лет, кажется неотъемлемой принадлежностью массовой культуры – предсказуемой, узнаваемой. Узнаваемость эта – залог популярности; так ребенок может раз за разом читать одну и ту же сказку и каждый раз заново ей радоваться. И это – залог стабильности его мира.

ФАБРИКА

Именно поэтому рассерженный отец Чуковский, изумленный тем, над какой ерундой проливает слезы его маленькая Лидочка, сравнивал Чарскую с фабрикой, штампующей одну поделку за другой. И говорил даже, что, может, и Чарской никакой нет, а есть только в редакции «Задуманного слова» «заводной аппаратик, с дюжиной маленьких кнопочек, и над каждой кнопочкой надпись: Ужас. – Обморок. – Болезнь. – Истерика. – Злодейство. – Геройство. – Подвиг». И что если нажимать на кнопочки, через два-три часа работы будет «готова новая вдохновенная повесть, азартная, вулканически-бурная».

Статья Чуковского о Чарской, опубликованная в «Речи» в 1912 году, возмутила многих ее почитателей: ведь критик обвинил писательницу не только в штампованности сюжетов, но и в «пошлости патриото-казарменной», и сказал, что «ее книги – лучшая прививка детским душам казарменных чувств»; а институт «есть гнездилище мерзости, застенков для калечения детской души». Издательство Вольфа ответило на статью выпуском брошюры Виктора Русакова «За что дети любят Чарскую?», где тот назвал тон статьи Чуковского «не литературным и лишенным элементарной порядочности».

В 1913 году Виктор Русаков навещал Чарскую на даче в Сестрорецке и рассказал читателям «Задуманного слова» о том, как живет и работает их любимая писательница. Начало лета, пишет он, Чарская обычно проводит за границей, а конец – на даче, где и пишет с утра до трех часов дня. Потом идет или на пляж, или в лес, или

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на берег реки. К шести возвращается, обедает и опять садится за работу. А потом читает письма читателей и отвечает на них и лишь поздним вечером выходит погулять с сыном-гимназистом. В статье Русакова звучит живой голос Чарской: «Я не умею сидеть сложа руки, – заявляет Чарская. – Пишу потому, что в литературной работе нахожу высшее наслаждение, потому, что чувствую постоянную потребность писать – не могу не писать... Если бы у меня отняли возможность писать, – я перестала бы жить... Без людей, без общества я могла бы прожить; без чернил, пера, бумаги это немыслимо!»

УБИТЬ ЧАРСКУЮ

И тем не менее ей пришлось двадцать лет прожить без чернил, пера и бумаги. После революции Чарскую перестали печатать. Журнал «Задуманное слово» закрылся в 1918 году, бумажный кризис привел почти к полной остановке книгопечатания, а когда оно возобновилось, повести Чарской уже были идеологически неприемлемы.

Сын Чарской Юрий оказался на фронте Гражданской войны. Дол-

Фронтиспис и титульный лист книги Л.А. Чарской «Записки институтки». Повесть для юношества. С иллюстрациями А.И. Сударушкина. 1912 год

Фасад книжного магазина «Товарищество М.О. Вольф» на Невском проспекте

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гое время считалось, что он погиб. Елена Трофимова пишет, что «сама Лидия Алексеевна в 30-х годах иногда говорила знакомым, что он находится на военной службе на Дальнем Востоке и не имеет с ней связи». Петербуржец Л. Барон нашел в США потомков племянницы Чарской и, как сообщает Трофимова, узнал от них, что «Георгий Борисович Чурилов прожил около 40 лет, в последние годы страдал ишемической болезнью сердца, отчего и умер в Харбине, где после революции проживали многие русские эмигранты. Он работал на Китайско-Восточной железной дороге, «зимой 1936 или в начале 1937 года, торопясь на службу, побежал за трамваем, упал и скончался». Какая-то совершенно живаговская смерть – и странно, что Пастернак, когда принимался за «Доктора Живаго», говорил, что хочет писать совсем просто, как Чарская.

Из театра Чарскую уволили: она была больна туберкулезом, какое-то время не могла ходить на службу. В 1922 году ее вывели за штат с обязательством принимать «на разовые выходы», а в 1924-м уволили окончательно. Тамара Исмагулова пишет, что в личном деле Чарской в Александринском театре последние документы – это три ее заявления, закапанные слезами (приводятся с сохранением ошибок оригинала): «Кто-то пустил слух, что я могу заработать литературой. Это – явный абсурд, так как сбыта нет. Издательства детские горят, денег у них нет, за прежние труды не получаю ни копейки. Да и, кроме того, что я могу писать теперь, при таком моральном состоянии, в котором нахожусь со дня первого сокращения, в вечной нужде, в холоде, без двор, в кануре вместо квартиры... с вечной тоскою по моем родном театре. Мой муж больной туберкулезом, уже три месяца без службы благодаря ликвидации его учреждения, и если меня сократят, мне грозит – неминуемо – голодная смерть. Лидия Чарская (Иванова)». Ивановой она стала, выйдя замуж за красноармейца Алексея Иванова. Их брак зарегистрирован 5 мая 1920 года; невесте 45,

жениху 31 год, оба взяли фамилию Ивановы-Чарские. Считается, что он вырос на ее книгах – и посвятился к любимой писательнице.

Детские книжки, которые Чарская выпустила при советской власти («Мистер Пепка – делай крепко!», «Про ленивого мышонка Острога Зубренка», «Балаганчик»), подписаны «Н. Иванова». Н – вероятно, «Нина», любимое имя, так дома звали ее маму, Антонину. Одна из этих книжек – «Пров-рыболов»: «Служил в городе Пров, сторожил склад от воров. Вот, говорит, горе – служить сторожем при конторе! Заслужишь грош, да на базар снесешь. Вот в деревне дело другое – живешь в довольстве и покое, телятина ходит стадом, а хлеб растет рядом. Лежи на печи да ешь калачи. А захотел ушцы – налови плотицы, карасей, осетров – кушай досыта, Пров. А тут на один трамвай восемь копеек подавай». Это забавная история о рыболове, который заснул, свалился в реку – его вытащили, мокрого, порвали на нем всю одежду, нарядили в сарафан. Прежнюю Чарскую здесь узнать почти невозможно – но Маршак, у которого Чарская печаталась в журнале «Новый Робинзон», а потом в детском отделе Госиздата, говорил, что и в этом тексте прежняя Чарская «сквозит». О том, чтобы печататься под прежней фамилией, она и думать не могла.

В 1920–1930-е годы Чарская тяжело болела и очень нуждалась. Дома у нее не было совсем ничего, даже ее книг. К ней приходили соседские девочки, она им давала почитать рукописи. Писательница Елизавета Полонская вспоминала, что однажды застала Чарскую в слезах: та держала в руках деньги, которые девочки подсунули ей под скатерть, увидев, что им с мужем нечего есть. Федор Сологуб, узнав, как Чарская нуждается, написал о ней статью; Вера Калицкая, первая жена Александра Грина, отнесла ее в журнал «Звезда». Редактор Лидия Сейфуллина даже задохнулась: «Чтобы я... статью Сологуба... о Чарской?..»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чуковский, который много хлопотал о голодающих писателях, очень негодовал, что Чарской, автору десятков книг, так и не дают пайка, и старался сделать все, чтобы добыть для нее паек и дрова. Сохранилось очень теплое письмо Чарской Чуковскому, которое ставит точку в истории этой литературной вражды: «Спасибо Вам, дорогой, за все. Слов нет. Спасибо Вам, что пришли мне на помощь в такую исключительно тяжелую для меня минуту жизни. И так деликатно, так чутко! Я получила 2 саж<ени> и червонец деньгами. <...> У Вас есть дети, и за то доб-

Л.А. Чарская
на даче
в Сестрорецке
за чтением

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К. Чуковский
в своем
кабинете.
Куоккала.
1910-е годы.
Фото К. Буллы

рое, что Вы делаете другим, они должны быть счастливы и будут, если существует справедливость на земле. Верите ли, за весь этот год <...> я впервые почувствовала, узнав о Ваших хлопотах, что свет не так уж плох, раз на земле живут такие светлые люди, как Вы и Вам подобные».

В 30-х, кажется, существовали две Чарские. Первая тихо умерла, всеми забытая, в 1937 году.

А вторая, символ буржуазной пошлости, идеологически враждебной литературы, существовала как жупел, как вредное начало, которое следует преодолевать в детской литературе. Маршак в своем докладе на Съезде писателей в 1934 году сказал: «Убить» Чарскую, несмотря на ее женственность и мнимую воздушность, было не так легко. Ведь она и до сих пор продолжает <...> жить в детской среде, хотя и на подпольном положении. Но советская власть нанесла ей сокрушительный удар». Конечно, Маршак не имеет тут в виду давно не издающуюся писательницу, которой советская власть действительно нанесла сокрушительный удар. Он имеет в виду слащавую сентиментальность и тепличный мир закрытых детских институтов – все то, от чего не свободны даже лучшие произведения Чарской. Казалось, эта Чарская окончательно побеждена.

И казалось, она уже не воскреснет.

Но после перестройки Чарскую вдруг снова стали печатать и читать. И писать, что ее книги помогают заинтересоваться историей своей страны, что дети, которые их читают, тянутся душой к высокому и благородному... А другие – браниться по поводу переизданий пошлых, устаревших книжек. Хотя давно пора просто посмотреть непредвзятым взглядом на тексты. И не с точки зрения «чему нас учит эта книга». И не оценку ставить – «отлично» или «ужасно». А просто почитать самостоятельно и разобраться: за что ее любили? Что в ней находили? Что здесь вижу я – своими взрослыми глазами?

Есть шанс что-то разглядеть. ■

ПРОВОКАТОР

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

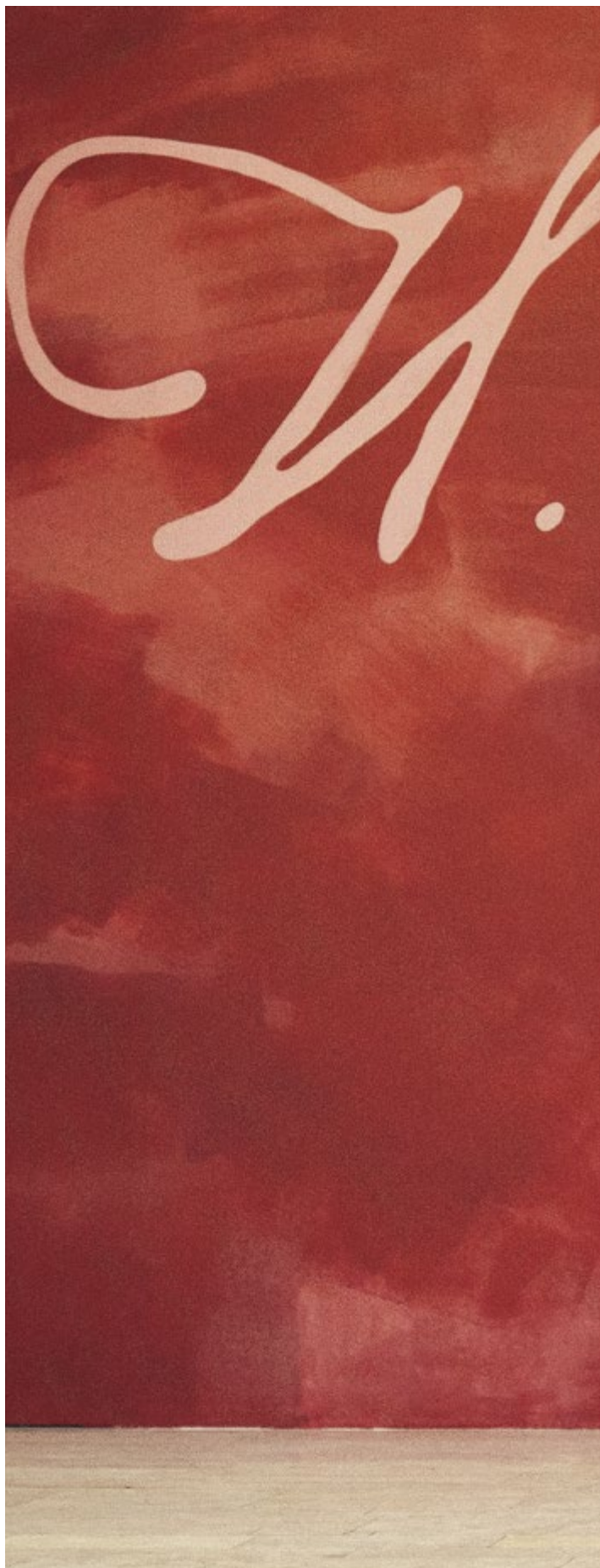
КЛАССИК, РЕАЛИСТ, ПЕРЕДВИЖНИК. ИМЕННО ТАК МЫ ПРИВЫКЛИ ДУМАТЬ ОБ ИЛЬЕ РЕПИНЕ. И ЭТО ПРАВДА. НО ЕСТЬ И ДРУГАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ: НЕПРОСТОЙ ХАРАКТЕР ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАзад, на 150-летие Репина, в Третьяковской галерее прошла юбилейная выставка, сейчас в ГТГ отмечается 175-летие мастера: выставлено свыше 300 произведений из 35 российских, зарубежных музейных и частных собраний. Из Москвы выставка переедет в Русский музей Петербурга, потом – во Францию и Финляндию. Подобные ретроспективы раскрывают талант художника в полную мощь. И принципиально важны не столько юбилей и масштаб экспозиции, сколько возможность по-новому взглянуть на творческое наследие художника и сделать неожиданные открытия...

БУНТАРЬ

В 1910 году разгорелся скандал... «Открылась в Петербурге выставка «левых» иностранных художников под названием «Салон Издебского», – вспоминал Корней Чуковский. – Этот Издебский, человек разбитной и учтивый, в очень туго накрахмаленной манишке, был у Репина в Финляндии, пригласил его на вернисаж своей выставки. Репин кланялся, благодарил, провожал его до ворот и еще раз кланялся и прижимал руки к сердцу. В назначенное время Илья Ефимович приехал на выставку. Издебский, сверкая манишкой, встретил его на лестнице и стал рассыпаться в любезностях, и Репин сно-

ва кланялся, прижимая руки к сердцу, и говорил ему приятные слова. А потом вошел в залу, шагнул к одной картине, к другой и закричал на всю выставку: – Сволочь! – и затопал ногами и стал делать такие движения, будто хотел истребить все кругом. Издебский было разлетелся к нему, но Репин в исступлении гнева мог выкрикивать только такие слова, как «карлик», «лакейская манишка», «мазила», «холуй», и эти слова сдунули Издебского, как буря букашку». «Биржевые ведомости» опубликовали гневное письмо Репина, где он резко критиковал картину Петрова-Водкина «Сон», а также Александра Бенуа, назвавшего в своем обзоре ту картину «самым значительным произведением года». В ответ в газете «Речь» вышел протест Петрова-Водкина «По поводу письма проф. Репина». А журнал «Аполлон» обрушился с критикой уже на самого мэтра: «...недостаток вкуса, культуры вовсе не обесценивает, в наших глазах, Репина – бесспорного мастера, обладающего могучим темпераментом, трудолюбием, искренностью, иногда – вдохновенного. Дело – не в этом, а в том, что Репин, оставаясь даровитым художником, критик – «никакой», – написал редактор издания Сергей Маковский. – <...> В разгар передвижничества он яростно «отрицал» старых мастеров Возрождения. Потом «признал»,

и оповестил об этом Россию в ряде статей, удивительных своей ребяческой элементарностью (в «Театральной газете»). Потом, под влиянием обновительных течений конца 90-х годов, он, было, примкнул к художникам «Мир Искусства». Но вскоре с ними разошелся, назвав, на прощание, Дегаза (так тогда называли Эдгара Дега. – **Прим. авт.**), тончайшего рисовальщика современности, безграмотным рекламистом (!). С тех пор подобные «оценки» Репина перестали удивлять... Надо сказать, что у мирискусников Репин вообще вызывал резкое неприятие. Правда, платил им Илья Ефимович той же монетой: «В ваших мудрствованиях об искусстве вы игнорируете русское, вы не признаете существования русской школы. Вы не знаете ее, как чужаки России. То ли дело болтать за европейцами: Давид, Делакруа, Болер, Зола, Рёскин, Вистлер; вечно пережевываете вы европейскую лавочку, достаточно устаревшую там и мало кому интересную у нас». Репина всю жизнь критиковали, с разных сторон, так что ему было не привыкать. Он часто повторял слова обожаемого Пушкина: «Ты сам свой высший суд; // Всех строже оценить умеешь ты свой труд. // Ты им доволен ли, взыскательный художник?»

И, кстати, западное искусство он знал превосходно: с юности был завсегдатаем Эрмитажа, по окончании Академии художеств как обладатель Большой золотой медали (за полотно «Воскрешение дочери Иаира» в 1871 году. – **Прим. авт.**) получил шестилетнее пенсионерство, позволившее увидеть Италию, Австрию, Испанию, Францию, Голландию, Англию. Впечатлили его лишь старые мастера – Рембрандт, Веласкес, Хальс. Парижский Салон энтузиазма не вызвал. Крамской писал Третьякову: «Что касается Репина, то он не пропал, а захирел, завял как-то; ему необходимо воротиться, и тогда мы опять увидим прежнего Репина»...

Арест
пропагандиста.
1880–1889,
1892 годы

ПРАВДА ЦЕЛОГО

Первая поездка в Европу открыла молодому Репину глаза на существенные черты русского реализма: «Наша задача – содержание. Лицо, душа человека, драма жизни, впечатления природы, ее жизнь и смысл, дух истории – вот наши темы, как мне кажется; краски у нас – орудие, они должны выражать наши мысли, колорит наш – не изящные пятна». Паренек из Чугуева Харьковской губернии, крестьянских кровей, начинал богомазом, накопил 100 рублей, чтобы ехать в Петербург, поступил в Академию художеств лишь со второго раза. Но вскоре стал одним из лучших учеников самого Ивана Крамского, утверждавшего

го, что «драгоценнейшее качество художника – сердце». И без такой основы разве смог бы Репин создать грандиозное наследие? Мог бы написать столь разные работы: и чудесный «Садко в подводном царстве», и критический «Арест пропагандиста», и подвижнический «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных», и развеселое «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», и державный «Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве», и залихватский «Гопак»?

Но настоящий успех пришел к нему, еще студенту Императорской академии, после трех лет

Воскрешение
дочери Иаира.
1871 год.
На картине
изображен
новозаветный
эпизод
воскрешения
Иисусом Христом
12-летней
девочки

Автопортрет
за работой.
1915 год

работы над «Бурлаками на Волге». Картину приобрел будущий президент Академии художеств, великий князь Владимир Александрович. И после ряда выставок, в том числе зарубежных, принесших молодому художнику европейскую известность, повесил «Бурлаков» в своей билярдной. Достоевский записал в дневнике: «Ведь иной зритель уйдет с нарывом в сердце и любовью (с какой любовью!) к этому мужичонке, или к этому мальчишке, или к этому плуту-подлецу солдатику! Ведь нельзя не полюбить их, этих беззащитных, нельзя уйти, их не полюбя. Нельзя не подумать, что должен,

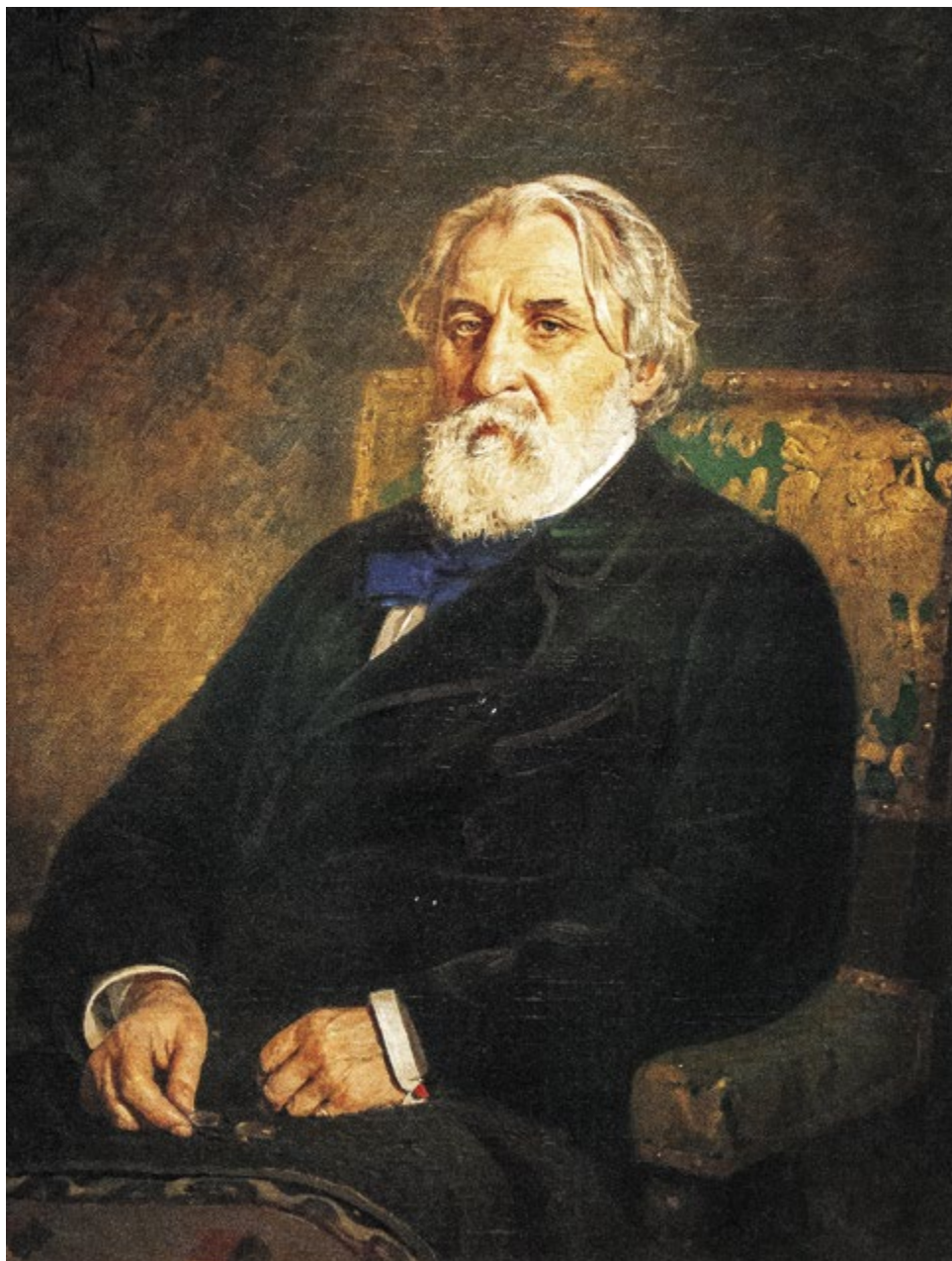
действительно должен народу...» Потом писатель упомянет это произведение в одной из своих полемических статей: «фигуры гоголевские!» А Николай Ге сказал молодому коллеге: «Юноша, вы сами еще не сознаете, что написали. Моя «Тайная вечеря» перед этим – ничто». Однако нашлись и критики. Министр путей сообщения укорял художника: мол, анахронизм это, вчерашний день отечественного транспорта! Разногласия в оценках сопровождали большинство картин Репина. Его ругали и хвалили за «Царевну Софью», за «Не ждали», за «Крестный ход в Курской гу-

бернии» и даже за портрет Тургенева! А полотно «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.» и вовсе вызвало скандал, затеянный столичной газетой «Минута». Репортер, подпisyвавшийся псевдонимом Шуруп, написал, что «Иван Грозный» – не репинская картина, а некоего студента, набросавшего эту сцену, и Репин, дескать, совершил плагиат. Художник подал на газету в суд, она покayалась: Шуруп – молод, поверил сплетне, но оказалось, что за этим стоят враждовавшие с передвижниками академики. В том же, 1885 году картину купил Третьяков, но, по распоряжению Александра III, держал ее в фондах. И только в 1913-м ее увидели зрители.

Расцвет творчества Репина пришелся на 1880-е, когда в числе его работ появляются превосходные портреты современников. Автор признался, что «на короткое время влюблялся» в натуру, изучал книги писателей, слушал музыку композиторов, читал стихи поэтов... Но об одном из первых своих героев он помнил всю жизнь: «Из Москвы, от П.М. Третьякова, я получил заказ на этот портрет, поселился в Париже, недалеко от Тургенева, чтобы не затрудняться расстоянием (Rue Lepic 12). Ив[ан] Сер[геевич] принял меня очень ласково и 1-й сеанс прошел в блаженной удаче... И я радовался – Ив. Серг. поздравлял меня с успехом!.. На другой день, утром, перед сеансом, я получил от Ив. Серг. длинную записку: он описывал подробно, что м-м Виардо забрала этот портрет... Я непременно должен начать на новом холсте: ей особенно не нравилось выражение лица (что особенно восхищало нас). После долгого уговора, я, с отчаянием, повернул свой холст... Надо было, по мнению м-м Виардо: взять другой поворот – другого профиля – этот не хорош – у Ив. Сергеевича. Все повернулось... Началось долгое старательное писание – мое; и долгое – терпеливое – позирование Ив. Серг. –

уже не увенчавшееся желаемым успехом. <...> Портрет этот был приобретен на моей выставке в Москве – Саввой Ивановичем Мамонтовым – он подарил этот портрет Румянцевскому музею, где он и висел долго. Теперь я не знаю, где этот портрет; но каждый раз, я не могу равнодушно вспомнить, записанную сверху голову, которая была так удачна, по жизни и сходству... Но за это небольшое огорчение, я был награжден... количеством времени – интимно проведенным мной в обществе очаровательного Ив. Сергеевича». По словам Репина, в русскую живопись Тургенев начал верить, увидев, как написаны на портрете его руки...

Творчество Репина Владимир Стасов называл «энциклопедией пореформенной России», а вот в даре писать прошлое критик художнику отказывал. Но именно в исторических полотнах автор старался раскрыть эмоциональную сторону ситуации, что сближало его героев со зрителем. Репин был виртуозным мастером, владел любой техникой, но предпочтение отдавал масляным краскам. Говорили, что работал он, почти не отрывая глаз от модели: руки сами брали нужную кисть, смешивали краски в необходимых пропорциях: «Мне нет дела до красок, мазков и виртуозности кисти, я всегда преследовал суть: тело так тело». Художник Яков Минченков заметил, что Репин не интересовался эстетскими изысками, одной лишь формой или цветом, но всегда была важна ему жизненная тема, живые люди, сильные переживания. Современники вспоминают его как импульсивного, но отходчивого человека, склонного к провоцированию с полным осознанием, что он выступает провокатором. Возможно, это помогало ему как художнику наблюдать за людьми, выявлять характер. И на всех его полотнах мы видим бесконечный психологически богатый «материал». Он говорил, что в его искусстве правит

Портрет
И.С. Тургенева.
1874 год.
«На все
он имел свой
оригинальный
взгляд.
Видел много
и в Европе,
и в России;
и знал
превосходно
русский народ
и его язык», –
вспоминал
Репин
о Тургеневе

не «красота», а «живая гармоничная правда целого».

Репин считал, что современники его не понимают, хотя был не просто популярным, а по-настоящему культовым художником. Если попытаться оценить его наследие, то становится ясно, что это был «всеядный» художник, откликавшийся на любые актуальные темы, сочувствовавший в своих работах то «правым», то «левым». Наверное, можно было бы говорить о желании художника быть объективным. Эти метания – тоже своего рода поиск ответов, естественные сомнения человека, не знающего

«всей правды», но неравнодушного, вовлеченного в общественную жизнь и способного показать другим разные точки зрения, из которых складывается общая картина времени. Для Репина искусство – отражение «внешних проявлений Духа», «самый опасный предмет любви по своей глубине, непостижимости, вечной новизне, вечной таинственности», «в нем больше всего отражается божественное начало в человеке», «самый... гениальнейший художник вселенной... – Бог». В таком понимании искусства Репин был непоколебим.

Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения. 1901–1903 годы. На картине изображен 81 человек

Портрет М.П. Мусоргского. 1881 год. Композитор позировал, будучи смертельно больным. Вскоре он скончался. Гонорар за портрет Репин пожертвовал семье Мусоргского

САМОЕД

У преподавателя рисования и черчения императорской Петергофской гранильной фабрики Алексея Шевцова была 9-летняя дочка Верочка, которая терпеливо позировала Репину. А когда она стала студенткой Мариинского института, они друг в друга влюбились. В 1872-м ей исполнилось 16 лет, и 28-летний Илья повел ее под венец. В том же году родилась дочь Вера, потом – Надя. Вернувшись в 1876 году из Парижа, супруги едут в Чугуев, где появляется на свет сын Георгий (Юрий), вслед за ним – Таня. Жена разделяла интересы мужа, часто позировала ему. «Вспоминаю, как-то раз, в Москве, мы с сестрой Сашей заехали к Репиным, – писала друг семьи, дочь Третьякова Вера Зилоги. – Вера Алексеевна, сидя случайно со мной одной в столовой за столом, говорила мне, как она, после целого утомительного дня, уложив свою ватагу ребят, измученная, садится за этот стол помолчать и прийти в себя в тишине. «И вот придет Илья, начнет рассказывать о своей работе в тот день

над своими картинами – и усталость моя мгновенно исчезает. Ложусь спать счастливая, полная энергии на будущий день. Тогда я забываю и свое, надоевшее мне лицо, которое утром, когда я причесывалась, приводило меня, в зеркале, прямо в отчаяние своей некрасивостью».

Слава и популярность Репина росли, а вместе с этим увеличивался и разлад в семье: художник все больше отдалялся от жены, до Веры доходили слухи о его многочисленных романах. Муж становился избалованным и капризным, атмосфера в их доме бывала накаленной, «за обедом иногда тарелки летали». И в 1887-м они расходятся, но без официального развода. Две старшие дочери остаются с отцом, а младшие дети – с Верой.

Художник мечтал встретить такую женщину, которой мог бы быть преданным и не искать вдохновения на стороне. Долгое время он дружил с дочерью Льва Толстого Татьяной, был увлечен одной из своих учениц, Верой Веревкиной. Но в ноябре 1888 года к нему пришла учиться рисованию 24-летняя барышня из дворянской семьи Елизавета Званцева. Он влюбился с первого взгляда. Черноокая красавица лишала Илью Ефимовича самообладания – он робел и терялся в ее присутствии, с трудом мог говорить... И стал писать письма. Ее это сильно смутило: увлекающийся человек, избалованный женщинами, отец четверых детей, его старшие дочери были ей почти ровесницами! Званцева стала реже бывать у Репина, а потом и вовсе перешла учиться к Павлу Чистякову. Репин, забыв о гордости, искал встреч, умолял о свиданиях, писал пламенные письма: «Как я Вас люблю! Боже мой, боже, я никогда не воображал, что чувство мое к Вам вырастет до такой страсти. Я начинаю бояться за себя... Право, еще никогда в моей жизни, никогда никого я не любил так непозволительно, с таким самозабвением... Даже искусство отошло куда-то и Вы, Вы – всякую секунду у меня на уме и в сердце. Везде Ваш об-

Портрет
Е.Н. Званцевой.
1889 год.
Художник
называл
свою любимую
«Благородным
сфинксом».
Этот портрет
почти сорок
лет был
у художника...

раз. Ваш чудный, восхитительный облик, Ваша дивная фигура с божественно-тонкими, грациозными линиями и изящнейшими движениями!!! <...> Теперь я думаю – никогда, никогда не вырву я из своего сердца этого болезненно сладкого чувства Вас, божественно-прекрасной. Ваш раб». В марте 1889 года Репин начал писать сразу два ее портрета – анфас и в профиль. О своей горестной любви он рассказал только Софье Андреевне Толстой. Роман был платоническим, с очень редкими встречами и, по сути, только в письмах – Репин написал их 74! Лиза оставалась неприступ-

ной – не могла позволить себе отношений с женатым мужчиной. Поэтому их брак мог быть лишь неофициальным. Не всякая девушка могла на такое пойти. Но только Лизе мог полностью открыться Репин: «А Вы правы, я очень эгоистичен, капризен – отвратительный характер, но как Вы наивны, полагая, что меня избаловала публика и рецензенты! <...> Неужели художник, любящий искусство, может придавать этому значение. У него перед глазами стоят идеалы вроде обломков Парфенона, созданий Веласкеза, Фортунни, Морелли, Тициана и др. Он с го-

Автопортрет
с Н.Б. Нордман.
1903 год.
Отдых
на балконе-
мастерской
в дачном
поселке
Куоккала

речью в глубине души уже почти уверен, что ему не достичь той высоты искусства, которая была 1000, 300 и 200 лет назад! Ну что, скажите, какое утешение может быть тут публика, рецензенты, чтобы даже нечто о себе вообразить и капризничать?! <...> Нет, зло, раздраженность и отчаянность происходят от надорванности сил, от непосильных порывов, от невозможности приблизиться к идеалу, от сознания своей бездарности, тяжести, недостатка чувства меры, вечное шатание с методом дела и т.д. Вот эти-то мучения ада и создают то настроение сарказма, недовольства, недоверия и презрения к окружающей жизни. Не все ли равно... К чему все это мне, если у меня там не вышло... А тут еще похвала рецензентов!!! Надо молчать, кланяться. Праздное зевание публики, ее апатичные замечания... Ах, черт бы побрал весь этот дешевый навоз, который даже в геологическую формацию

не войдет, а сметется в хлам завтра же и забудется навсегда. Последнее письмо датировано 22 ноября 1903 года. В это время Репин уже не был одинок. Параллельно развивался еще один роман, который перерастет в пятнадцатилетний гражданский брак. Эпатажную писательницу, пропагандировавшую идею равноправия женщин, реформу брака, вегетарианство, Наталью Нордман-Северову привела в дом к Репину известная меценатка княгиня Мария Тенишева, которая заказала художнику свой портрет. Чтобы не скучать на сеансе, Тенишева попросила Нордман читать вслух стихи модного поэта Фофанова. Наталья Борисовна сидела спиной к мольберту и декламировала низким голосом: «Звезды ясны-ые, звезды пры-красныя // Нашептали цветам сказки чудныя // Лепестки улыбнулись атласны-ыя...» Княгиня хихикала, Репин злился – сеанс «поэтического позирования» не удался.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Дочь шведского дворянина, дослужившегося на русской службе до адмиральского чина, крестница Александра II в молодости сбежала из дома в Америку, год работала на ферме, чтобы понять, что такое физический труд. Встреча Нордман и Репина произошла в 1891-м и... напугала художника, который написал Тенишевой: «Наталья Борисовна... своим прозаическим взглядом Мефистофеля на все становится невыносима для моих нервов... это один из тех типов, при которых не удаются спиритические сеансы». Художник всячески избегал общества Нордман, а через пару лет они встретились как старые знакомые, и начался роман – ее не беспокоила моральная сторона, она открыто поселилась у любовника. Корней Чуковский называл эту обладательницу властного характера «боевой суфражисткой», а Репин – Шахерезадой:

Куоккала
переименована –
сейчас это поселок
Репино. За парком –
берег Финского залива

она знала шесть языков, рассказывала ему об Америке, занималась лепкой, рисованием и фотографией, писала романы и пьесы. «Мое обожание Шехерезады перешло в какой-то фантастический культ – настроение, в котором пишут сонеты. Как жаль, что я не поэт», – писал он Тенишевой в 1897 году.

Он был уже немолод, хотел просто «мещанского счастья», и в 1899-м приобрел на имя Натальи Борисовны Нордман землю в поселке Куоккала, в двух часах езды от Петербурга. Выстроили усадьбу, назвали ее «Пенаты» – в честь древнеримских богов – покровителей домашнего очага. Она организовала там такую жизнь, чтобы Репин спокойно работал. И с 1907-го Илья Ефимович живет в «Пенатах» безвыездно.

Первый портрет Нордман он написал в Австрии еще в 1900 году, по дороге домой со Всемирной выставки в Париже, где купил для нее новейшую модель фотоаппарата «Кодак». С помощью этого подарка Наталья Борисовна создаст многолетнюю летопись «Пенатов»: будни, события, дружеские встречи.

До конца дней Репина в столовой «Пенатов» висел портрет Званцевой, напоминая старику о несостоявшейся большой

Портрет
Н.Б. Нордман.
1909 год

любви. Лиза, кстати, так и не вышла замуж, умерла внезапно, на восемь лет раньше своего учителя.

А первая жена, Вера, отомстила ему, настроив детей против отца: не сложилось между ними добрых отношений. Репин считал детей неудачниками: старшая, Вера, стала посредственной актрисой и никак не могла выйти замуж, Татьяна работала учительницей, а Юрий с детства болел, школу не окончил, женился на кухарке, наглой девке, и только деньги с отца требовал и пил. В итоге Нордман выделила Юрию на своем участке место для дома – отдельно от «Пенатов». Наталья была экстравагантной: пила отвар из свежего сена, босиком танцевала на снегу, носила вместо шубы подбитое стружкой пальто... и заболела. Врачи диагностировали чахотку. Репин возил ее на итальянские и швейцарские курорты – не помогло.

Гостей в «Пенатах» стало меньше, запахло болезнью, он мог поместить жену в лучший туберкулезный санаторий, но она отказалась. И ушла из дома, как умирающая собака, без объяснений... Наталью удалось обнаружить в швейцарской больнице для бедных, помощи от мужа

не приняла: его письма вернулись нераспечатанными. Чуковский перевел ей деньги, будто за редактуру книги Репина, и она ответила: «Не могу себе представить, какое имею к ней отношение, что за книга и об чем меня спрашивают. Вам представить легко, как я далека от вопросов издательства и как изумлена таким странным явлением...» В июне 1914-го она скончалась. Репин съездил на могилу, зака-

зал дорогую плиту. И в «Пенатах» началась другая жизнь: хозяйство вела старшая дочь, Вера Ильинична, имя Натальи в доме не произносили, о вегетарианстве забыли. Ученица Репина Вера Веревкина, приехав в «Пенаты» после смерти Нордман, поразились, как быстро выветрился из дома дух той, которая его создала. От бывшей хозяйки остался только ее бюст в мастерской художника.

Манифестация
17 октября
1905 года.
1907 год.
Доработана
в 1911-м

Столовая
в «Пенатах».
Знаменитый
круглый стол,
сделанный по
эскизам Репина

НОВЫЙ МИР

Полотно «Манифестация 17 октября 1905 года» художник создал в 1907–1911 годах – выждав, осмыслив. О потрясениях 1905 года Репин знал только из печати и пересудов, а он ведь всегда писал с натуры, искал модели. Поэтому взял за «наглядный пример» картину Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах». Но в его эскизе был саркастический метафизический «экспрессионизм»: над толпой воодушевленного народа парят извивающиеся черные бесы. В заключительном варианте этого нет, но лица в толпе, с воодушевлением поющей, вероятно, «Интернационал», напоминают преумноженный «Крик» Эдварда Мунка.

Философ Василий Розанов, живший по соседству в Куоккале и общавшийся с Репиным, написал в 1913-м об этой картине: «...сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек – вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Невскому на другой день по объявлении манифеста 17 октября <...> Конечно, все жившие в 1905–1906 годах в Петербурге скажут о картине: «Это – так! Это – верно!» Несут на плечах маньяка,

с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку. «До шапки ли тут, когда конституция». Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видны только «глаза в одну точку» и расклокоченная борода. Это «назарей» революции <...> И, ей-ей, для счастья юных я из 12 месяцев в году отдавал бы один революции. Русская масленица. Репин, не замечая сам того, нарисовал «масленицу русской революции», карнавал ее, полный безумия, цветов и блаженства. <...> в форменном пальто, чиновник лет 45, с крепко сжатыми губами и богомольно смотрящими вперед глазами! Вот лицо, полное уже мысли, веры, – лицо прекрасное, хотя тоже немножко тупое! Он всю жизнь философствовал у себя в департаменте, он читал декабристов и о декабристах, он все ждал, «когда придет пора»... И вот пришла вождельная «пора», конституция, – и он внутренне молится и весь сосредоточен. <...> простолюдин-революционер, «распропагандированный» на митингах не более 9 месяцев назад. Это – «быдло» революции, ее пушечное мясо. Он голодал до 17 октября, но, увы, и после 17 октября будет голодать. И наконец, позади его неоформленное лицо настоящего революционера, единственное «настоящее» лицо революции во всей картине: это террорист, самоубийца, маньяк, сумасшедший. Он все молчит, и до революции, и после революции. Молчит, молчит и потом убьет. А почему убил – не скажет и даже едва ли знает. В середине – благообразный старец с большой белой бородой. Это «общественный деятель», человек 60-х годов, «преданий Добролюбова» и «Современника». Лицо его – и огорченное, и радующееся. Он 40 лет огорчился, а 17 октября возрадовался. <...> Какая картина!.. <...> Картину «17 октября» надо сопоставлять с «Мундирной Россией». Это знаменитый «Государственный Совет»... Одна другую поясняет!.. И как русская история стано-

В доме помещались мастерские, кабинет, гостиная, столовая

В «Пенатах» бывали
М. Горький,
К. Чуковский,
В. Маяковский,
С. Есенин,
Ф. Шаляпин...

вится понятна в этом сопоставлении!»

Министерство императорского двора заказало Репину групповой портрет – «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения», но не приняло вы-

полненный заказ: увидев холст, придворные пришли в ужас и негодование из-за нарушения на картине этикета и хода церемонии. Эта многофигурная красно-бело-золотая масса динамично закручивается спиралью, словно в воронку – пророчество?

«О том, что немцы напали на нас, Репин узнал в моей комнате, – вспоминал Чуковский. – В тот день он был именинник, ему исполнилось семьдесят лет, и он пришел ко мне на дачу с полудня, чтобы спрятаться от тех делегаций, которые, как он знал из газет, должны были явиться к нему с поздравлениями. Чтобы избежать юбилейных торжеств, он запер свою мастерскую на ключ и в праздничном светло-сером костюме, с розой в петлице, с траурной лентой на шляпе поднялся по лестнице ко мне в мою комнату и попросил «ради праздника» почитать ему Пушкина. У меня в это время сидели режиссер Н.Н. Евреинов и художник Ю.П. Анненков. К обоим Репин относился сочувственно. Мы горячо поздравили его, и, выполняя высказанное им пожелание, я взял Пушкина и начал читать. Репин присел к столу и тотчас же принялся за рисование. Анненков устроился

сзади и стал зарисовывать Репина. <...> Все время Ильи Ефимович оставался спокоен, радостно тих и приветлив. Лишь одно обстоятельство смущало его: несколько раз мои дети бегали на разведку в Пенаты и всегда возвращались с известием, что никаких делегаций не прибыло. Это было странно, <...> Но вечером пришла, запыхавшись, соседка по даче и тихо сказала: «Война!» Все вскочили с мест, взволновались и заговорили,

перебивая друг друга, о кайзере, о немцах, о Сербии и о Франце-Иосифе... Репинский праздник сразу оказался отодвинутым в прошлое... В апреле 1918-го закрылась граница между Россией и Великим княжеством Финляндским, Репины оказались в изгнании – с лишениями, бедами, нищетой. Художник написал мемуары «Далекое близкое», продавал свои картины. Он прожил в Куоккале тридцать лет.

Автопортрет. 1920 год. Последний автопортрет. Невзгоды и неустroенность вызывали у Репина тяжелые мысли: «...дни черные во всех отношениях...»

Место последнего упокоения Ильи Ефимовича Репина в «Пенатах». По завещанию в могилу Репина положили без гроба, а рядом посадили дерево...

Репин всегда сочувствовал трудящимся массам, с юности был связан с оппозицией, но в 1922-м в письме Чуковскому объясняет свое нежелание вернуться: «Ох, уж пока продолжается царство тьмы и невежества <...> Может ли меня тянуть в Россию?! России нет»... И вот начиная с 1926 года он пишет свою последнюю картину – аляповатый головокружительный «Гопак. Танец запорожских казаков». Он закончил ее в 85 лет. Его уговаривали вернуться, в 1924-м в Москве и Ленинграде устроили юбилейную выставку. Ему предлагали звание народного художника, персональную пенсию, приехала в «Пенаты» делегация художников во главе с его учеником Исааком Бродским, но мастер лишь передал в дар России портрет Керенского и эскиз к «Манифестации». Для помощи по уходу за слабевшим отцом из России отпустили его младшую дочь, Татьяну, все дети по очереди дежурили возле Ильи Ефимовича до самого конца. Репин скончался 29 сентября 1930 года и был похоронен в парке усадьбы. Одно из последних его писем: «Прощайте, прощайте, милые друзья! Мне много было отпущено счастья на земле: мне так незаслуженно везло в жизни. Я, кажется, вовсе не стою моей славы, но я о ней не хлопотал, и теперь, распростертый в прахе, благодарю, благодарю, совершенно растроганный добрым миром, так щедро всегда меня прославлявшим». Бенуа на смерть Репина писал, что это был замечательный художник, но время его прошло. И оказался не прав. Репин воспитал плеяду поистине замечательных художников – Серов, Кустодиев, Грабарь, Бродский, Малявин, Остроумова-Лебедева, Фешин, – ярко осветивших следующий этап русского искусства. О себе Репин говорил: «Меня, может быть, поймут приблизительно через 50 лет». Его прогноз не оправдался – уже в 1930-е в СССР утверждали: есть три «Р» – Рембрандт, Рубенс и Репин. ■

РУССКАЯ ДУША ЕФИМА ЧЕСТНЯКОВА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

О ТОМ, КАК БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕФИМА ЧЕСТНЯКОВА, КРЕСТЬЯНСКОГО СЫНА, ФИЛОСОФА И ХУДОЖНИКА, СЛОЖЕНЫ ЛЕГЕНДЫ. БУДТО БЫ ОДИН КОЛХОЗНИК САМ ОБРАТИЛСЯ К СОТРУДНИКАМ МУЗЕЯ И ПРЕДЛОЖИЛ ПОСМОТРЕТЬ КАРТИНЫ ОДНОСЕЛЬЧАНИНА, КОТОРЫЙ «У КАКОГО-ТО РЕПКИНА УЧИЛСЯ».

Н А САМОМ ДЕЛЕ ИСТОРИЯ И ПРАВДА ЧУДЕСНАЯ. Летом 1968 года сотрудники Костромского художественного музея отправились в экспедицию. Ничего интересного в тот раз они не нашли, расстроенные и уставшие, возвращались домой. В Кологривском районе остановились у одной избы, главный хранитель музея Владимир Макаров попросил у хозяйки воды. Та пригласила войти в дом, сняла с бочки какую-то картонку, налила в кружку воды. Макаров обратил внимание на картонку – это была потрясающая живопись, написанная не дилетантом, а профессионалом. Макаров сразу отметил особый стиль мастера.

ШАБЛОВСКОЕ ЧУДО

Это была живопись Ефима Васильевича Честнякова, уроженца деревни Шаблово Кологривского района, умершего за семь лет до того, как члены экспедиции случайно наткнулись на его работу. Крестьянский художник, который рисовал односельчан и писал огромные композиции на сказочные темы, был неизвестен музейщикам.

Ту работу Честнякова доставили на музейном автобусе в Кострому. Легендарный директор музея Виктор Игнатьев сразу же понял значимость открытия. Он незамедлительно выехал в Кологривский район сам, чтобы найти другие

шедевры, разузнать больше об их авторе.

В результате в Кострому привезли два десятка работ. Все они были в неудовлетворительном состоянии, загрязненные, местами порванные. Картины разложили в музее на полу, чтобы решить, как их привести в порядок. Так их увидел реставратор и искусствовед Савва Ямщиков. Считается, что именно Ямщиков открыл Честнякова.

Оказалось, что мастер оставил большое наследие: делал скульптуры и маски из глины, писал акварельные портреты, сочинял сказки и стихи, создал театр для детей! Ямщиков не зря назвал Честнякова «человеком Возрождения». В 1970–1980-х годах прошли триумфальные выставки художника в Москве, Петербурге, Вологде, Париже, Турине, Флоренции. Был издан альбом, написаны научные статьи. Честнякова справедливо назвали национальным достоянием. Савва Ямщиков вспоминал: «Не раз приходилось наблюдать на выставках Е.В. Честнякова, как люди, незнакомые до того с картинами мастера, сразу становятся единомышленниками художника и почитателями его таланта. Вспышки озарения, пронизывающие холсты шабловского живописца, невольно передаются зрителю, увлекают своей душевной мощью, незамутненностью разума и кристальной чистотой мысли».

Шестнадцать фантастических пейзажей. Возможно, Честняков изображал города будущего

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

Самый красивый вид на город Кологрив с моста через речку Унжу. Высоко над городом на пригорке стоит храм Успения Пресвятой Богородицы. Второй собор города, Воскресенский, был снесен в 1930-х годах

ГОРОДОК КОЛОГРИВ

На гербе старинного городка Кологрива изображена голова коня, но название города не связано с гривой лошади. Местные называют гривами горки и возвышенности. Добраться сюда не так просто. Нужно доехать до железнодорожной станции Мантурово, а там брать такси. Есть тут и общественный транспорт, но автобус ходит из Мантурова в Кологрив два раза в неделю. Большая часть приезжих здесь – это охотники, их время осень, когда они охотятся на уток и гусей. Кологрив называют ведь и гусиной столицей. Туристов, которые интересуются культурой, здесь немного. Приезжают иногда художники – Кологрив очень красив, типичный небольшой провинциаль-

ный городок. Кажется, он так и выглядел сто лет назад. Высятся на холме огромный стройный Успенский собор. От него спускаются улочки, домики здесь с узорчатыми наличниками, крашенные в красно-коричневый или голубой цвет. Встречаются и такие, где первый этаж каменный, второй – деревянный. Удивляет двухэтажное здание со странными, будто в восточном стиле, галереями вокруг второго этажа. Это дом некоего князя Абашидзе, но кто он такой – объяснить местные не могут. Памятник Ленину стоит на месте снесенного Воскресенского храма, рядом – городская площадь. Многие здания здесь признаны региональными памятниками архитектуры, есть среди них и пустующие, погибающие. Никто

Самое крепкое здание в Кологриве – картинная галерея имени уроженца этих мест художника Геннадия Ладыженского. На первом этаже галереи выставлены произведения Честнякова

не берет эти здания в аренду: перестраивать их нельзя по закону, а реставрировать – не по карману. На площади еще недавно были Соляные склады, они имели статус памятников истории и архитектуры, но это не спасло сооружения. Склады были свидетелями прежней жизни города, когда товары, в том числе соль, сплавляли по реке Унже, притоку Волги. Совсем недавно существовал и молевой, как тут говорят, сплав леса. Бревна сплавляли по Унже, они заполняли реку, по ним можно было переходить на другой берег. И сейчас единственный промысел в районе – лесозаготовки. Кологривский район бедный, на 65 процентов дотационный, молодежь уезжает отсюда в поисках лучшей жизни. За последнее время здесь закрыли восемь сельских школ и несколько Домов культуры.

Туристы прежде всего заглянут в Кологривский краеведческий музей имени Г.А. Ладыженского. Это двухэтажное кирпичное здание стало музеем, когда уроженец Кологрива, академик живописи Ладыженский передал городу свою коллекцию. Он был типичным академическим живописцем, его крепкие пейзажи не лишены лиричности. Это творческое наследие будто оттеняет экспозицию на первом этаже здания, где показывают картины Честнякова. Есть тут графика, глиняные скульптурки и личные вещи художника. Один из экспонатов – исписанная школьная тетрадь. В ней интересные записи, сделанные в начале 2000-х годов. Односельчане, кстати, собирают всем миром деньги на создание Дома-музея Честнякова в деревне Шаблово. Зоя Осипова аккуратно записывает каждую фамилию и каждый денежный взнос. Более 600 человек собирало средства на музей, который стал поистине народным. В 2004 году дом-музей построили, воссоздав ту самую избу, в которой жил художник. В 2008-м дом-музей в Шаблове, ко всеобщей радости, стал филиалом Костромского ГМЗ.

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ

Директор Дома-музея Честнякова в Шаблове Наталия Завьялова показывает нам «шалашку» – так художник называл свою мастерскую, укромное уютное место на втором этаже дома. Обстановка здесь воссоздана по воспоминаниям жителей Шаблова: скромность, граничащая с нищетой. Лавка без матраса, на которой художник спал, стол с его рукописями, дореволюционными изданиями его сказок – впрочем, при советской власти Честнякова уже не издавали. Полки с книгами – на страницах его пометки. На стенах – недавно обретенные картины.

Наталия Завьялова говорит, что еще во многих домах есть подлинники Честнякова, владельцы не спешат с ними расставаться. А недавно в музей попала рубашка художника. Многие жители считали Ефима Васильевича почти святым, проводим, верили даже, что его вещи могут помочь вылечить. Эту рубашку кто-то выпросил у Честнякова и закутывал в нее больную руку. Сохранились даже записи молитв, которые крестьяне слагали Ефиму. Известно, что у Честнякова не было денег на художественные материалы. Ему помогал Корней Чуковский – регулярно присылал краски по почте. Вместо холстов мастер часто брал мешковину или картонки. На втором этаже избы есть копии картин, прибитых гвоздями к рейкам – именно так Честняков «экспонировал» свою живопись: денег на рамы у него не было.

На первом этаже домика у Честнякова был театр. Сюда он приглашал детей, занимался с ними. Ставил постановки, лепил из глины маски. Шил костюмы. Такие представления он называл «фестивалями». Сейчас в Шаблове стараются продолжать эти традиции – проводят праздники для детей. Дом-музей должен остаться центром притяжения – об этом мечтал художник.

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

Дом-музей Ефима Честнякова в Шаблове выглядит крепким, фактически это копия домика, в котором до своей смерти в 1961 году жил художник

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ЕФИМ

Когда Ефима Честнякова «открыли», то стали искать документы, связанные с его жизнью. Основную часть бумаг предоставила его племянница Галина Смирнова.

Евфимий Васильевич Самойлов родился 19 декабря (по старому стилю) 1874 года в деревне Шаблово Илешевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Крестили его в храме Богоявления в селе Илешеве. Храм этот сохранился, правда, нуждается в реставрации, службы здесь не ведутся. Родственники Честнякова рассказывают, что будущий художник любил бывать в этой

церкви, подолгу рассматривал фрески.

С детства он был не такой, как все, мечтательный, отрешенный. Ефим любил слушать сказки, которые рассказывала ему бабушка. Будучи единственным сыном, по крестьянской традиции он должен был стать опорой семьи, помогать родителям вести хозяйство. Таких сыновей называли «честняками» – отсюда и вторая фамилия, которую ему суждено было прославить. С детства он стремился рисовать, был способен к наукам. Родителям это не особенно нравилось – Ефим должен был не «бумагу переводить», а заниматься сельским трудом.

Наталия Завьялова, бессменный директор дома-музея. Она живет в деревне Илешево, расположенной в 6 километрах от Шаблова. Добираться к месту работы сложно

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ

Из письма Ефима Честнякова Илье Репину от 18 декабря 1901 года: «Как мучился, исследовал, добивался... Впервые карандашный рисунок увидел в комнате учительницы – контур дерева, обыкновенная плохая копия. Но я был в восторге. Отчего у меня так не выходит? Ломал голову, всматривался в деревья, хлестал ветвями и сучьями по снегу и смотрел на отпечаток – не увижу ли чего, что бы помогло разрешить загадку. Учительница не могла мне помочь: она совсем не рисовала, этот рисунок кто-то подарил ей». В 1889 году Ефим успешно окончил уездное училище в Кологриве, где постигал азы рисования и черчения. Потом была учительская семинария в селе Новом. Он работает сельским учителем, много рисует и пишет. Неравнодушные местные интеллигенты отсылают его работы Репину, и, получив положительный отзыв, собирают деньги, чтобы отправить Ефима в Петербург. Конечно, подготовка Честнякова не была блестящей, и в Академию художеств он не попал. Однако Репин помог ему поступить в училище Тенишевой, а затем стать вольнослушателем в академии. Репин покровительствует молодому дарованию. Ефим бывает

у него в усадьбе «Пенаты», где знакомится с Шаляпиным и Чуковским, читает свои сказки и стихи. Ефим научился прекрасно рисовать и писать, но академическая школа его не привлекала. Из письма Илье Репину: «...Не хочу я профанировать свою русскую душу, потому что не понимают, не уважают ее, и не хочу ее заменить скучной, корректной, лишенной жизни душой европейца – человека не артиста, полумашини». В 1905-м Академию художеств на время закрыли, боялись, что студенты будут активно поддерживать революционные волнения. Ефим поехал в Шаблово. В 1913 году он снова было рванул в Петербург, но вернулся на родину – навсегда. Не принимала его душа столицу, где многие смотрели на него как на чудачка. Ему не нравились произведения маститых художников, которые писали деревню вроде театральной постановки, где действующие лица переодеты в сарафаны и зипуны. Ефим прекрасно умел реалистически рисовать и писать. Поэтому называть его наивным художником в корне неправильно. Наивный художник нигде не учился и хочет изобразить окружающий мир, чтобы было «похоже». Ефим выработал свою твор-

Самая масштабная программная работа Ефима Честнякова названа музейщиками «Город Всеобщего Благоденствия» – утопия, которая изображает изобилие, счастье и покой

ческую манеру. Его живопись органически связана с народным искусством, и в то же время в ней есть тайна, мистика. Ефим Васильевич был философом, он размышлял о судьбах человечества. Работы свои не подписывал: не известны ни названия их, ни годы создания. Одна из лучших его больших картин находится в Костроме, искусствоведы назвали ее «Город Всеобщего Благоденствия». Она поразительна. Слева изображены русские девушки за прялками – это Россия, а справа на холсте – здания явно западноевропейские и восточные. Это вселенная, которую сверху накрывает хрустальный купол, сквозь него проходят солнечные лучи.

Многие картины – иллюстрации к произведениям самого Ефима. В сказке-утопии «Шабловский тарантас» он рассказывает о том, как жители его родной деревни получают безбедную жизнь. Стремление к сытости – извечная крестьянская мечта. Или вот абсолютно загадочная сказка, где юноша попадает в тетеревиное царство и сам одевается птицей. На эту же тему картина, выставленная в центре экспозиции в костромском музее. Некоторые холсты изображают детей, которые стоят лицом к зрителю, будто позируют. На многих – карнавальные маски, иные держат в руках свистульки и дудочки. Сохранились «Глинянки», как называл их Ефим, а вот маски не дошли до нашего времени. Исследователь творчества Честнякова, заведующая художественным отделом Костромского ГМЗ Татьяна Сухарева, говорит: «Его произведения можно сравнить с энциклопедией народной жизни. Он впитал народную культуру, сумел выразить то, что было свойственно русской душе. Это был художник мирового уровня. К нам в музей приезжали специалисты по китайской культуре, они были в восторге от Честнякова, во Франции он произвел большое впечатление на зрителей».

ЛЕОНИД АРОНЧИКОВ

В деревне Шаблово несколько домов, сейчас она не жилая. Рядом с музеем Честнякова выделяется необычной архитектурой изба, крышу которой богомольные хозяева украсили куполом. Местные жители называют его «Дом под иконой»

ВМЕСТЕ С СЕЛЬЧАНАМИ

В 1920–1930-е годы Ефим Васильевич был свидетелем разорения русской деревни. Не обошло горе и его семью: в их крепкой избе устроили маслозавод. Одну сестру выслали в Казахстан, вторая умерла, а Ефим стал жить в ветхом овине. Художник считался неблагонадежным, за ним постоянно следили. К концу 1930-х Честняков перестал писать картины, сосредоточившись на литературной работе и занятиях с детьми. Возможно, чтобы спастись, он выбрал необычную форму общения. Разговаривал притчами. Денег он не зарабатывал, от голодной смерти его спасали односельчане. Они жалели Ефима, иногда отдавали последнее. Поскольку Честняков очень любил детей и много времени проводил с ними, его овин стал чем-то вроде детского сада. Уходя на работу, колхозники оставляли Ефиму детей.

Своей семьи Честняков не создал. Он был влюблен в девушку Машу Веселову, но она была из бедной семьи, и родители Ефима не дали разрешения на этот брак. Машу выдали замуж в другую деревню. А Ефим стал жить затворником.

Я ПРИШЕЛ ВЕРНУТЬ ВАМ ДЕТСТВО

В доме-музее в Шаблово на первом этажа стоит тележка. Она похожа на ту самую двухколесную тележку, которую Ефим Васильевич ласково называл «андрецом». С ней он ездил по селам Кологривского района. Когда звенели колокольчики, дети знали, что спешит в деревню дядя Ефим.

«Тогда эти места были не такими глухими, как сейчас, – рассказывает Наталия Завьялова. – Через каждые 2–3 километра на берегу Унжи стояли деревни, в Шаблово еще в моем детстве жило 350 человек, в соседних деревнях по 500». Ребята сбегались к Честнякову, он раздавал им маски или костюмы. Предлагал что-то изобразить: то это был цыганский табор, то ска-

Помимо больших картин Честняков оставил нам сотни женских и детских портретов, написанных на кусочках картона маслом либо акварелью на бумаге

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ

зочные животные. Он часто и подкармливал детей, варил кашу в котелке у ручья, который теперь называется Ефимовым.

Директор дома-музея Наталия Завьялова пересказывает воспоминания одной местной жительницы: «Это были голодные послевоенные годы. Услышали дети колокольчики, поняли, что к ним в деревню едет Ефим. Раньше ребята бежали к нему, помогали втаскивать тележку на горку, местность здесь холмистая, а Ефим Васильевич уже был пожилым. А тут не помогли. Сами умаялись. Дети ведь работали тогда в колхозах. Нагрузка была непосильная. Ефим Васильевич втащил свою тележку сам, раздал им, как обычно, костюмы. Ребята посмотрели друг на друга, стали смеяться, даже на землю упали от смеха. А Ефим говорит: «Я пришел вернуть вам детство!»

Другая женщина вспоминала, что Ефим ее спас в голодном 1947-м. Приехал к ним в деревню Спирино, привез мешок еды. Он копил то, чем делились с ним жители, съедал малую часть. Рассказывали и о том, что Ефим заговаривал зубную боль и даже лечил бесноватых. Хотя, возможно, это легенды.

Ефим Васильевич накопил деньги на фотоаппарат и стал снимать портреты крестьян, обряды, жизнь. Снимки и негативы сохранились. Случалось, приезжали в Шаблово москвичи, искали и находили портреты родственников. Фотографии и в городе в то время были роскошью, а в Шаблово, благодаря Ефиму, есть небольшая летопись сельской жизни.

Умер Честняков 27 июня 1961 года. Гроб с его телом сельчане несли на руках 6 километров. Похоронили его на новом кладбище в деревне Илешево, недалеко от храма, где он был крещен. Сейчас над могилой художника сделана деревянная резная сень. Зимой к захоронению не подходить. Летом сюда идут толпы – поклониться праху Ефима, положить цветы. Многие берут с могилы горсть земли.

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ

РЫЦАРЬ СКАЗОЧНЫХ ЧУДЕС

Остались картины, акварели, часть «глинянок». Все они находятся в музеях Костромы и Кологрива, немного есть и в Шаблово. Остались сказки Ефима Васильевича. В молодости он называл себя «Рыцарем сказочных чудес». Встречаются в его сказках кикиморы, домовые, а герои понимают язык зверей, поскольку они сами – часть природы. Вот «Чудесное яблоко». Почти притча – ведь яблоко становится чудесным, когда им начинают делиться. В 1914 году в журнале «Солнышко» напечатали «Чудесное яблоко», а в издательстве «Медвежонок» вышла книга с иллюстрациями самого автора. С издателями Ефима Васильевича свел Корней Чуковский. Почему его сказки не издавали в советское время, можно только догадываться. Прежде всего сам автор к этому не стремился, писал «в стол».

В Кологриве и Шаблово считают Ефима Честнякова пророком. Будто бы он мог предсказывать судьбу. Он думал и о том, что нужно воспитывать деревенских детей, и о том, чтобы не разорять природу. Многие мысли художника очень современны. Вот отрывок из «Сказки о крылатых людях»: «И стали расхищать богатства острова, поля и рудники, наперерыв спешили строить корабли. И когда новые корабли

ли отплывали, много крови и слез проливали, спеша и отталкивая друг друга. Ушел последний корабль, а на острове леса уже были вырублены, и ничего не осталось для постройки новых кораблей».

Известно, что Честняков ревностно относился к редактированию. Сохранилось письмо неизвестному адресату, написанное около 1913 года: «Язык вырабатывается великим творчеством народа, и если книжники относятся к нему небрежно, это признак, что они не отличают пшеницы от плевелов. Они тормозят совершенствование языка...»

Сейчас расшифровкой рукописей Честнякова занимается сотрудник Костромского ГМЗ Татьяна Сухарева. Дело это непростое, автор экономил бумагу, писал мелким почерком. Но уже составлен и словарь «народно-разговорного языка Ефима Честнякова».

Эта картина из собрания Костромского ГМЗ фактически иллюстрация к сказке о волшебном яблоке

Директор Наталья Завьялова и музейная собака Барсик на пороге дома Честнякова в Шаблово. Помимо директора здесь еще два сотрудника – хранитель и истопник

ЛЕОНИД АРОНИЧКОВ

СУДЬБА МУЗЕЯ

Прошло время, не стало Саввы Ямщикова, и о творчестве Честнякова вспоминать стало меньше. А недавно интеллигенция Кологрива написала письмо в Министерство культуры с просьбой защитить Дом-музей Честнякова в деревне Шаблово: «Просим вас принять меры к сохранению Музея Е.В. Честнякова в качестве структурного подразделения Костромского музея-заповедника. Лишь в таком статусе у него есть будущее», – говорится в этом обращении.

Обеспокоенность людей понятна. Летом 2018 года принято решение перевести дом-музей художника из областного подчинения в районное. Музей в Шаблово был филиалом Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, теперь он – мемориальный отдел кологривского Дома культуры.

Глава района делает все, чтобы расчистить дорогу в Шаблово и обеспечить дом-музей дровами. Но ведь этого мало. Статус – это ведь и финансирование, и возможность получить профессиональную реставрацию. Писатель из Костромы, руководитель областного общественного проекта «Сохранение творческого наследия Ефима Честнякова» Павел Романец говорит: «Здесь в Кологриве он жил, здесь всюду его мемориальные места, сюда к нему со всех деревень ходили люди, он был педагог великий, да у него было двадцать ипотасей! Шаблово – это история гения!»

Совсем недавно музейщики мечтали создать в Илешево и Шаблово заповедник Ефима Честнякова. Привлекать больше туристов, устраивать интересные мероприятия. Продолжаются поиски шедевров Честнякова в деревнях, окружающих Шаблово. Однако все прекрасно понимают: если подлинники картины и вещи Честнякова увезут в Кострому, дом-музей будет обескровлен. ❶

БЕЗ ПОХОДОВ — ЭТО НЕ ЖИЗНЬ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ

ФОТО

АВТОРА И ЛЕОНИДА БУКРИНА

МАРТ 1990 ГОДА. ЖИТЕЛИ ЕКАТЕРИНБУРГА УЖЕ СМЕНИЛИ ПУХОВИКИ НА ВЕСЕННИЕ КУРТКИ, А НА ПЕРРОНЕ ВОКЗАЛА ГРУППА ТУРИСТОВ СТОЯЛА В ТЕПЛОЙ ОДЕЖДЕ ДА ЕЩЕ С ЛЫЖАМИ И САНЯМИ. ЛЮДИ КОСИЛИСЬ НА НИХ С УДИВЛЕНИЕМ. НИКТО НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЭТО — ПРОСЛАВЛЕННАЯ КОМАНДА ТУРИСТОВ «СЕВЕР», СОБРАВШАЯСЯ В ОЧЕРЕДНОЙ ПОХОД. В ЕЕ СОСТАВЕ БЫЛ И ЛЕОНИД БУКРИН — К ТОМУ ВРЕМЕНИ УЖЕ ОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК С 25-ЛЕТНИМ СТАЖЕМ.

— **К**ОГДА НА УЛИЦЕ МИНУС 40, А В ПАЛАТКЕ МИНУС 20, ТО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕПЛО, — ТО ЛИ ШУТИТ, ТО ЛИ ВСЕРЬЕЗ ГОВОРИТ ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК РОССИИ. ЕГО УВЛЕЧЕНИЕ СПОРТИВНЫМ ТУРИЗМОМ НАЧАЛОСЬ ПОСЛЕ АРМИИ, КОГДА ВЕСНОЙ 1974 ГОДА ОН ПРИ-

ЕХАЛ В СВЕРДЛОВСК В ПОИСКАХ РАБОТЫ. ВЫБОР ПАЛ НА «УРАЛ-МАШЗАВОД». СОСЕД ПО КОМНАТЕ В ОБЩЕЖИТИИ «ЗАРАЗИЛ» ЕГО ВНИМАНИЕ ПОХОДАМИ. 20-ЛЕТНИЙ ЛЕОНИД ТОЛКОМ НИГДЕ И НЕ БЫВАЛ, ПОЭТОМУ С РАДОСТЬЮ СОГЛАСИЛСЯ, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО СЕКЦИЯ СПОРТИВНОГО ТУРИЗМА УРАЛЬСКОГО ЗАВОДА-ГИГАНТА БЫЛА ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ В СТРАНЕ.

— Хотелось родной край посмотреть, ведь мне повезло родиться на Среднем Урале, где природных красот и достопримечательностей немало, — говорит он. И добавляет, что то первое лето упивался впечатлениями, восхищался скалами, реками, озерами и лесами. Однодневные походы выходного дня вскоре наскучили, и он стал проситься в более серьезные путешествия — многокилометровые. И уже осенью 1974 года Леонид Букрин отправился на Северный Урал... В свои 65 лет он обошел и объехал всю Россию, причем путешествовал преимущественно зимой. Он протоптал тропы вдоль Байкала и по льду озера, прошел Северный, Полярный и Приполярный Урал, Таймыр, Саяны, Якутию, Соловки, Дальний Восток, Сахалин, Курилы, Командорские острова, Чукотку, Хибины, Кавказ, Памир, Северную и Новую Землю и Северный полюс. Зима и весна выбраны для походов не случайно. Именно в холодное время года можно добраться в самые отдаленные

На карте России непросто отыскать место, где бы не бывал Леонид Букрин. Дальний Восток он объехал от и до!

уголки страны, чтобы увидеть то, о чем многие могут лишь мечтать. Букрин любит повторять: «Пеший турист ходит только летом, водный – только по воде, а зимний – всегда и везде». У него нет спонсоров, средства на походы он зарабатывает сам – трудится на заводе простым слесарем. У него нет ни машины, ни дачи, довольно скромная квартира и никаких накоплений в банке, зато есть багаж знаний и впечатлений, которых хватило бы на десятерых. Когда он показывает на карте России, где бывал, и рассказывает при этом, что видел, – диву даешься! Например, два самых длинных маршрута Букина насчитывают 860 километров каждый.

Первый проходил по Полярному Уралу и начался от одноименной станции. Это именно тогда, в марте 1990 года, группа уезжала из города, где уже стояла теплая погода. А впереди их ждали суровые морозы – на север весна приходит много позже!

– Тот маршрут мы построили по вершинам, он растянулся на 24 дня: шли по Югорскому полуострову и вышли на берег Баренцева моря, по которому двигались до метеостанции «Белый Нос» на острове Вайгач, – рассказывает Букрин. Он помнит тот путь до мельчайших подробностей.

500 КИЛОМЕТРОВ НА ОДНОЙ ЛЫЖЕ

Поход стал испытанием на психологическую прочность и физическую выносливость. Дело в том, что в начале путешествия у Леонида... сломалась лыжа. А ведь шел он в составе группы и не мог себе позволить задерживать коллег. И сойти с маршрута не мог – это не на электричку летом сесть. – Лыжа сломалась, когда мы прошли первые 200 километров, – вспоминает Букрин. – Я тут же хотел переставить крепления – с правой ноги на левую,

...А этот «истукан» спрятался где-то на Северном Урале. Подчас ради того, чтобы увидеть красивое место, приходится пройти не менее сотни километров

и не важно, что одна лыжа была бы немного короче другой. Так и надо было сделать, и все бы тогда было хорошо, но ребята посоветовали мне поставить шину из фанеры. И через 70 километров пути я поплатился – вроде и берег лыжу как мог, но она сломалась почти пополам.

Его хотели отправить в Воркуту, до которой было «всего» 200 километров, но он отказался, решив, что пройдет путь вместе со всеми.

Букрин признается, что поход прошли «кое-как», но не из-за него, а из-за трудностей, которых нельзя было ожидать: незадолго до них по морю вдоль берега прошел ледокол. Пока искали подходящий для дальнейшего движения путь в обход открытой воды, теряли время.

В те дни на Полярном Урале стояли плюсовые температуры, которые ничуть не радовали походников. Пока шли по горам, проблем не возникало – там было холоднее. Но как только спустились в тундру, обомлели: она уже черная! Весна неумолимо делала свое дело.

– А мы-то на лыжах! Поначалу выходили часов в семь утра, когда снег еще замерзший, но к обеду он раскисал, и идти дальше было невозможно. Из-за этого скорость упала, и мы рисковали не успеть, а ведь у всех работа, все взяли отпуска, и в определенный срок надо было вернуться! – объясняет он. – Поскольку по расчету ежедневно нам надо было проходить по 30 километров, а мы из-за оттепели и по 20 не могли пройти, стали делать так: выходили в четыре часа утра – благо уже начались белые ночи! – и шли как можно быстрее до тех пор, пока снег не начинал таять. Тогда мы ставили палатку, обедали и отдыхали, пережидая, когда уйдет солнце. Потом вставали и еще километров 8–10 буквально вымучивали.

Праздновали каждые пройденные 100 километров, отмеряя их по велосипедному счетчику, который был установлен у одного из туристов на нартах: за ужином разводили в кружке по глот-

ку спирта каждому. Его туристы всегда берут с собой на случай непредвиденных ситуаций. А в советские годы это была еще и универсальная валюта, с помощью которой удавалось решать самые сложные задачи.

В непростых условиях и фактически на одной лыже турист Букрин прошел тогда около 500 километров. Надо ли удивляться, что за этот сложнейший поход все его участники получили звание чемпионов Советского Союза – кстати, они стали последними, кто его получил.

ТО ЛИ КАТИЛИСЬ, ТО ЛИ ЛЕТЕЛИ, ТО ЛИ ЕХАЛИ

Второе столь же длительное путешествие «Севера» было по Байкалу – двигались они на коньках и с парашютами, которые надевали не на спину, а на грудь и, благодаря попутному ветру, мчались по льду с приличной скоростью. «То ли катились, то ли летели, то ли ехали, то ли шли мы по 50 километров в день, а потом, вечерами, ноги гудели!» – смеется Леонид Петрович.

В Байкал Букрин влюбился на всю жизнь. И в 2016 году он решил сделать шаг, который вряд ли в молодости мог сам от себя ожидать.

– Я решил пойти в одиночный поход по льду озера, – говорит он, признаваясь, что единственное, чего опасался, – это волков, которые водятся на побережье. – Мне и раньше приходилось ходить в одиночку, но таких масштабных путешествий еще не было. Три дня мой путь пролегал вдоль «музейной» железной дороги протяженностью около 100 километров. На этом участке по берегу Байкала много тоннелей, галерей, мостов, дамб и подпорок.

В сумерках устраивал стоянку: ветер стихал, и можно было поставить палатку на заснеженной «заплате». Старался находить снежные места, чтобы можно было обсыпать палатку снегом со всех сторон и тем самым защититься от ветра, который обтекал его «крепость». В палатке расстилал два коврика, заносил

Легендарный Байкал путешественник полюбил раз и навсегда. За годы своих путешествий он посетил его не менее десяти раз – в составе команды, вдвоем с женой и в одиночку!

Хоть в марте, хоть в апреле – такие щели во льду говорят о том, что озеро начинает просыпаться после своей зимней «спячки»

внутри все вещи. На горелке кипятил воду из льда, заваривал какао и варил пельмени. Поужинав, залезал в спальный мешок, сверху накидывал теплую куртку, в нее дышал, чтобы в спальник не попадал конденсат, и сам себе желал спокойной ночи.

Утром вставал в пять часов, варил лапшу с колбасой, этим «супом» наполнял термос для обеда, а остатки съедал, пил кофе с сухарями, быстро собирался, вставал на коньки и шел вперед.

В таких походах, конечно, не до гастрономических изысков. В длительные путешествия он берет с собой все самое калорийное, богатое белками – орехи, каши, копченую колбасу, вяленое мясо, специальный фарш. Его он готовит сам: пропускает мясо через мясорубку, после чего тщательно пропекает его на противне в духовке почти досуха, остужает и сыплет в пластиковую бутылку. Профессиональные туристы стараются не брать с собой консервы – это лишний груз. А в таком сушеном виде мясу не страшны морозы и перепады температур, оно легкое и по-прежнему питательное. Если маршрут планируется по тундре, рассчитывать на печку не приходится – значит, приемы пищи будут только холодные. Редко, но иногда все же и в поход, где не предвидится дров, поленья кладут с собой. Но ради экономии веса берут переносную печку-буржуйку или сетку, на которой разводят костер. Ведь в снегу, где-нибудь в горах, где наматывают гигантские сугробы, иначе невозможно, а на сетке, подвешенной между деревьями, огонь горит жарко!

КАК СБЫЛАСЬ МЕЧТА

– За день я проходил не более 50 километров. – Леонид Букрин карандашом отмечает свой путь на карте России. – На этот раз пролив Ольхонские Ворота пропустил меня без Сармы, а возле полуострова Кобылья Голова я наслаждался изумительными замерзшими водяными наплесками.

Где-то шел по целине, где-то по льду, но иногда пользовался «чужими» путями – то по автомобильному следу, то по снегоходному, а однажды повезло пойти вслед за «амфибиями» – машинами с винтами на воздушной подушке, которые «отутюжили» дорогу.

...Степной пейзаж сменился северным ландшафтом – кедры и сосны-великаны словно спустились с белоснежного Байкальского хребта. И как тут было не полюбоваться удивительной бухтой Заворотная – солнце за западные прибрежные скалы садится рано, а на восточном берегу озера еще долго золотым, а затем рубиновым отблеском освещается Баргузинский хребет. Леонид говорит, что где-то здесь встретил двух немецких марафонцев, шедших пешком с огромными санями и оглоблями. По-русски они не понимали ни слова, но туристы успели обменяться небольшими сувенирами.

Из дневника путешественника: «Ночами стоит крепкий мороз – под минус 30. В один из дней заметил, как на горизонте что-то чернеет. Приблизившись, понял, что это не торосы, а человек с санями. Мы сошлись. Оказалось, на лыжах идет коллега-путешественник. Познакомились. Это швед Григорий, знающий русский. Говорит, по Байкалу ходил уже трижды.

– А ты здесь в который раз? – поинтересовался он.

– У нас страна большая, помимо Байкала много красивых мест, но это озеро я люблю, поэтому был здесь более десяти раз и зимой, и летом, – объяснил я ему. Григорий поднял большие пальцы, оценивая красоту Байкала, и сказал, что российское озеро красивее норвежских фиордов.

– Мне не было скучно, – продолжает Букрин рассказ об «одиночке» по Байкалу. – Время шло быстро. Хруст под коньками, скальные берега и необозримая даль увлекали меня.

В один из дней он обратил внимание на то, что закончились населенные пункты с вышками связи, стало пустынно, как в Арктике. Но он шел дальше, обходя торосы, любуясь надвигающимися льдинами, напоровшимися одна на другую, – и образованными в результате этого валами с трещинами. Два раза возле таких надвигов у скал ему пришлось ночевать, и, просыпаясь в одиночестве и темноте, он слышал, как вокруг палатки «кряхтел» лед.

– В бухту Песчаную я пришел по зеркальному льду. Увидел, как на склоне лес выгорел полосами – видимо, летом был пожар, – вспоминает Леонид Петрович. – Саму бухту украшают «ходульные» деревья, растущие на песке, который выдувает ветром. Лиственницы здесь стоят как рука гигантского человека на корнях-пальцах, а под ними можно спокойно пройти. За селом Бугульдейка снег выпал по щиколотку, весь день я плелся до мыса Крестовый. Всю следующую ночь бушевал ветер и оголился лед, поэтому с утра я снова летел на коньках с парашютом и так дошел до острова Ольхон. Затем направился на север, к мысу Хобой – здесь я встретил нерп, которые гре-

лись на солнышке. Заметив меня, они скрылись в майне. За островом в проливе Малое Море меня подкараулил ветер Сарма и стал сносить в другую сторону, поэтому о коньках уже речи не было – шел пешком по заснеженным трещинам и только в сумерках достиг берега.

В последний день похода он пришел в поселок Хужир на западном берегу Ольхона, где у мыса Бурхан и завершилась его одиночная прогулка – около 450 километров! «Но я не сделал того, о чем мечтал», – вздыхает Букрин и объясняет, что ему не удалось пройти озеро до конца – не хватило времени. Поэтому в марте следующего года он приехал сюда снова с той же целью: дойти от поселка Слюдянка до Нижнеангарска.

В одиночку на 800 километров? Для Леонида Букрина эта задача оказалась решенной со второй попытки, но и первая была не провальной

По Чукотке и почти до границы с США команда «Север» ходила в апреле 2018 года – здешние льды никого из коллектива не оставили равнодушными!

Две ночи были особо морозные – до минус 35, а в палатке у меня тепло – минус 20! Контраст чувствуется! Баллон согревал ладонями, чтобы устойчиво горел газ, и по утрам «поднимал» температуру в палатке до нуля.

А потом с радостью отогревался в термальном бассейне на мысе Котельниковском. На реке Томпуда, где разместилась одноименная метеостанция, я зашел к начальнику Петру Черных. Его я знаю с 1985 года – он тогда был тринадцатилетним пацаном и, отпросившись у родителей, ходил с нами в двухнедельный поход к Баргузинскому хребту.

До острова Ярки – до северной точки Байкала – я дошел 11 марта. Запечатлел стелу с голубым барельефом озера и вскоре пришел в поселок Нижнеангарск. Здесь я подсчитал, что прошел около 800 километров. Осилил!»

«ЕСЛИ ОБЬ ВСКРОЕТСЯ, МОЙ ПОХОД НАКРОЕТСЯ»

Двадцатью годами ранее неудачей закончился другой его одинокий поход. То путешествие должно было быть массовым – оно планировалось на середину апреля, но чем ближе было к дате, тем меньше оставалось желающих. В конце концов оказалось, что идти может только Леонид.

– Я подумал и решил пойти на Обскую губу от Салехарда до Ямбурга – рассчитывал пройти километров 400, – делится турист. Было 15 апреля, поэтому из самолета он выпрыгнул прямо в лужу. Тут же спросил у людей, в какой стороне Обь течет, и сразу из города ушел к реке.

– Когда увидел обстановку – все раскисло, весна в тот год на север пришла рано, – понял, что идти смогу только ночами, – вспоминает Леонид Петрович. По реке, правда, еще ездили грузовые машины, но колея была уже подтоплена настолько, что почти не просматривалась. – В одном месте встретилась открытая вода, перешел ее по пояс и только тут вдруг задумался: если через неделю Обь вскрыется окончательно, мой поход накроется.

С супругой
Валентиной
турист-экстремал
объехал ту часть
России, которую
не обошел
с друзьями из
прославленной
команды
«Север»

Подумал-подумал, перешел по воде обратно, поставил палатку, развесил сушить одежду. Лежит и думает: «Наверное, лучше пойти по горам погулять!» Остановил проходящий по реке грузовик, попросил шофера подбросить до города.

– Едем, а я вижу, что водитель напряжен – сезон движения по реке окончен, уже опасно становится. Колеи уже не видно –

вода! И ощущение, что не едешь на машине, а плывешь.

Только когда выехали на берег, водитель выдохнул и рассказал про жуткий случай, как его товарищ машину утопил: ехал и провалился под лед. Хорошо, что для подстраховки ехали на двух грузовиках друг за другом. И когда первый водитель в зеркало увидел, что ЗИЛ напарника ушел в воду, остановился. «Утонувший» шофер позже рассказал, что не растерялся – пока машина шла на дно, он прямо в кабине успел раздеться, дождался, когда вода полностью зальет его, и после этого без давления открыл дверь и выплыл на поверхность...

А Леонид Букрин после этого пришел в Лабытнанги, остановился на метеостанции. В один день сходил на одну вершину, на второй – поднялся на другую и... решил прервать путешествие.

Одиночество? Заслуженного путешественника России оно не беспокоит – если идет «соло», то работает на износ: палатку поставить, согреть ее изнутри, ужин приготовить и спланировать завтрашний день...

ОТ ПРЕКРАСНОГО ДО ОПАСНОГО – ОДИН ШАГ

По словам Букрина, он никогда и никому ничего не доказывает. Разве что себе самому. Говорит: «Жизнь без походов – это не жизнь». Признается, что не зря носит официальные звания чемпиона Советского Союза по лыжному туризму, заслуженного путешественника России, мастера спорта по лыжному туризму и чемпиона России по оригинальным путешествиям в составе команды «Север». Он словно продолжает их оправдывать и на седьмом десятке – и сейчас не расслабляется. В 2018 году он несколько раз выезжал на Северный Урал, в апреле со своими «северянами» побывал на Чукотке и дошел почти до границы с США. А в майские праздники вместе с супругой Валентиной побывал в Монголии на озере Хубсугул, там же поднялся на вершину Мунку-Сардык высотой почти 3500 метров. Летом «сгонял» на Алтай, на легендарную Белуху. И все это, не считая рядовых походов выходного дня, во время которых он водит с собой друзей и радуется, когда к нему присоединяется кто-то из молодежи. С целью популяризации туризма он вот уже три года издает собственный журнал «Окно в природу», недавно стал соведущим радиопередачи «Воскресные странствия». За четыре десятилетия активного туризма он пережил немало неординарных ситуаций. Трагическим оказался поход в Якутию.

По словам Леонида Петровича, в те края отправились две группы уральских туристов. Все походники хорошо знали друг друга. Те, что постарше, понимали: соперничество недопустимо. Но молодежь – а вторая группа состояла из молодых – провоцировала «коллег». Когда поняли, что на провокации товарищи не поддаются, двое решили первыми подняться на очередную вершину – взойти на нее можно было только с одной стороны, со всех остальных были отвесные стены. – На штурм пошли утром, два парня нас демонстративно обогнали – ушли вперед, хотя руководитель всячески отговаривал их от поспешности, – рассказы-

Сивучи – местные жители Авачинской бухты на Камчатке, сфотографироваться с которыми старается каждый, кому удастся там побывать...

На фоне Корякского вулкана. Поход по Камчатке в начале нового тысячелетия был для «северян» серьезным испытанием на выносливость – не случайно во главе группы шел Дмитрий Тиунов, мастер спорта международного класса и человек-легенда среди спортивных туристов Урала

вает Букрин. Они действительно поднялись на вершину первыми, но от головокружительного успеха забыли про осторожность: на одного из них полетел камень, тот сорвался, не удержался на склоне и по льду упал с высоты в тысячу метров.

Во время еще одного похода у Леонида чуть не погиб друг. Он увлекся видеосъемкой – катился на коньках по льду, восхищаясь открывающейся панорамой, и не заметил полынью у самого берега. Он не успел даже закричать, рухнув в воду около отвесной скалы.

– Я рядом стоял, – вспоминает Букрин. – Откуда только мысли взялись, как действовать. Скомандовал ему, он подпрыгнул, насколько смог, а я его почти мгновенно схватил и тут же вытащил на лед. Он быстро переоделся, и мы пошли дальше – он, кстати, даже не заболел!

Опасность может подстергать и тогда, когда ее совсем не ждешь. Сивучи, лоси, олени, медведи, кабаны – это только самые крупные звери, с которыми приходилось сталкиваться опытным туристам. Как-то путешественник с друзьями шел по следам белой медведицы, а та, как оказалось, была с медвежонком.

– Зверюга шла медленнее, поэтому на определенном участке пути мы ее почти догнали – она часто оглядывалась и скалила клыки, хорошо, что не напала, – говорит он. – Мы замедлялись как могли, но нам с ней было по пути...

А теперь Леонид Букрин с командой «Север» «гуляет» по зимнему плато Путорана. Не удивляйтесь, есть в России места, где и в апреле стоит лютый мороз и нет даже намека на весну. Каждый из них вложил в этот поход около сотни тысяч рублей – авиабилеты покупали за полгода до старта, заранее оплачивали заброску. Несмотря на это, туристы говорят: место стоит того, чтобы раскошиться! «Деньги можно заработать, а вот впечатления – только своим трудом получить!» – считает путешественник и уже строит планы на лето. Потому что оно не за горами. ❧

КОРШУНОВСКИЕ ГОРКИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

УТРОМ Я ПОМОГАЮ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ ЧИСТИТЬ СНЕГ И СОБИРАТЬ ЖЕСТЯНЫЕ БАНКИ И ОКУРКИ. МУСОРНЫЕ ЗАЛЕЖИ, ОСТАВЛЕННЫЕ ВЧЕРАШНИМИ ПОСЕТИТЕЛЯМИ, ДЛЯ 61-ЛЕТНЕГО ЖИТЕЛЯ ПОСЕЛКА СЕВЕРНАЯ ГРИВА – БОЛЬШАЯ ТЕМА. «И ЗАЧЕМ МНЕ ЭТА ГОРКА! – ВОРЧИТ КОРШУНОВ. – ВЕСНОЙ ВСЕ РАСТАЕТ, СОСЕДИ ОПЯТЬ БУДУТ РУГАТЬСЯ ИЗ-ЗА МУСОРА!»

О ГРОМНАЯ ДЕРЕВЯННАЯ горка стоит посреди поля, окруженного соснами. Горку Михаил Иванович построил семь зим назад, чтобы с нее могли кататься дети. Привозят их сюда не только из райцентра Шатура, но и со всех соседних городов Московской области. Детям – удовольствие, взрослым – забава, Михаилу Ивановичу – хлопоты и упреки соседей по улице. «Но вы же хотели людям радость принести», – успокаиваю я Михаила Ивановича. Он говорит,

что не такой радости ждал, и, нахмурившись, сильнее налегает на широкую лопату. Проходит минута, и теперь Михаил Иванович ворчит на снег. Снега мало! Вот раньше, вспоминает он, снега было больше, чем сейчас! Снега мало, зато морозы сильные. Это особенно чувствуется, когда надо браться за железные ведра и рычаг водяной колонки: ведь после того, как горка очищена от лишнего снега, ее надо пролить водой. Эту процедуру Михаил Иванович тоже проделывает каждое утро.

ВОДА И МЕТРЫ

Три наполненных водой ведра он ставит на санки, наматывает на одну руку привязанную к ним веревку, в другую берет еще одно ведро и шагает к полю. Я несу садовую лейку, тоже наполненную водой из колонки. «Ох! Да к чему это все! Зря мы это делаем!» – вздыхает Михаил Иванович.

Мы поднимаемся на самый верх горки. Михаил Иванович берет за лейку: если лить воду сразу из ведер, объясняет он, то на таком морозе вода «лепешками сядет». А если сначала из лейки полить, то поверхность горки будет гладкой.

«Я горку стал поливать еще с осени, когда снега и в помине не было, чтобы щели заледенить», – рассказывает он. – И с тех пор каждое утро, а иногда и ночью, таскаю воду и поливаю». Я вспоминаю, что только деревянный желоб горки имеет 23 метра в длину, и уважительно вздыхаю. А ведь помимо желоба ледяная дорожка тянется еще метров сто – до края поля...

Ночной полив ледяной дорожки не мешает катаниям с горки

Дом и забор
Михаила
Коршунова
выдают в нем
человека
с большой
фантазией

Эти метры Михаил Иванович тоже поливает водой.

Первые годы существования горки соседи ругали Михаила Ивановича за то, что он много воды из колонки берет. «Прямо разорил! – ворчит Михаил Иванович. – Они сами в сильный мороз оставляют струйку воды, чтобы колонка не замерзла. Но что правда – то правда! Не меньше ста ведер на горку с дорожкой уходит!» – признается он. И вдруг перестает ворчать. У горки, несмотря на ранний час, появились первые гости.

Все жители поселка Северная Грива знают, что как бы ни ворчал Михаил Иванович, его настроение мгновенно улучшается, как только на горке появляются дети. Убеждаюсь в этом и я. Михаил Иванович по номеру машины определяет, что приехали гости из Шатуры, и веселеет.

Стоят в очереди и стар, и млад

БУДЕТ РАБОТА!

Отец еще не успел закрыть дверцы машины, а его маленький сынишка с надувной камерой уже пытается штурмовать трап горки. «Подождите! Дайте водой залить», – просит Михаил Иванович. Но первые посетители

не слушают и поднимаются на самый верх.

Михаил Иванович не сердится. Он опрокидывает ведра, демонстрируя, как приловчился намораживать лед изо дня в день, и кричит: «Пять минут – и можете кататься!»

Самый сознательный гость Северной Гривы привез собственную ватрушку

ГОРКА В ПОДАРОК

Только Михаил Иванович присаживается за стол поесть, как дверь в дом распахивается. В проеме появляются мальчишки с красными носами и блестящими глазами.

«Дядя Миша, дай ледянки», – просят гости. «Вы вчера брали!» – возмущается Михаил Иванович. «Это не мы брали! Городские!» – «Вот идите к ним и ищите. Брали и ни одной не вернули!»

Ледянки эти Михаил Иванович накупил на собственные средства в Шатуре. Все они были разобраны – ни одну не вернули! Покупал их он несколько раз – и всегда результат оказывался тем же. «Покупаю, а что делать, – разводит он руками. – Это мелочь, я не жалею... Надо покататься людям, а ледянок нет! А то приедет семья – и начинают кататься на картонках, пакетах, потому и мусор...».

В почти развалившемся бараче Михаил Иванович занимает две комнатки, все украшение которых – старая фуражка лесника и букет засохших цветов под настенными часами. В углу – старинный умывальник. В косяк воткнуто шило. На шиле – пакет, в нем чага. Повсюду – запасные детали для техники и инструменты вперемежку с продуктами. Печь и груда дров. Кажется, что здесь живет одинокий человек. Но на самом деле у Михаила Ивановича есть семья. Правда, супруга живет в благоустроенной квартире в поселке Мишеронский. А взрослые сын и дочь часто навещают отца, который предпочитает комфорту деревенскую жизнь со всеми ее трудностями.

Сегодня в Северной Гриве крепкий мороз. В поселке всегда холоднее, чем в Шатуре, говорит Михаил Иванович. Про город Шатурс, где работает ГРЭС, он вспоминает часто. Туда везли торф, который тут добывали. Раньше, бывало, стояли такие зимы, что солярка была как кисель, вспоминает Михаил Иванович. Под тракторами костры разжигали в ведрах. И все-таки

Последние ведра он выливает в конце ледовой дорожки. По сравнению с вчерашним днем она увеличилась еще метра на три. «Еще дальше раскатают!» – убежден Михаил Иванович. Но, по его мнению, в этом году на горке слабый лед. Вот в прошлом году ледяная подушка была выше бортов. «Прозрачная была – как слеза!» – с удовольствием вспоминает он, ставя пустые ведра на санки.

Мы едва успеваем сойти с ледовой дорожки. Мальчик, не дождавшись, когда замерзнет лед, с визгом скатывается с горки. Пронесется мимо как метеор. Следом за ним съезжает его отец... Не отряхивая снег, они снова взбираются на горку, торопясь накататься, пока не наехал народ и не устроил тут столпотворение.

Солнце уже в зените. Ледовая дорожка отливает золотым блеском. Кроны сосен вокруг поля тоже сияют. На них водятся белки. Каждое утро на одной и той же сосне выбивает дробь дятел. Когда-то тут стоял лес, его выкорчевали и построили поселок для торфоразработчиков. «Этим соснам двести лет! Мы маленькие были – они уже такие стояли!» – Михаил Иванович шагает к своему двору, волоча санки

с пустыми ведрами. Прежде чем войти в дом, он топором счищает с санок лед, а затем ставит их к поленнице. На этом сегодняшний полив горки можно считать законченным. Но чем бы Михаил Иванович ни занимался в течение дня, главным его делом остается присмотр за огромной деревянной конструкцией, с которой почти постоянно слышны визг и смех. При этом Михаил Иванович делает вид, что ему нет совершенно никакого дела до того, что происходит на горке. А когда я говорю ему, что насчитал около сотни приехавших машин, он равнодушно машет рукой. «Это еще только начало! – говорит Михаил Иванович. – Опять вырастут горы мусора! Будет работа!»

Благодаря этому сооружению в поселке звучит хор детских голосов

В планах Михаила Коршунова попробовать себя в иконописи

это было счастливое время для Северной Гривы. Только школьников в поселке было около пятисот! А сейчас и десяти не наберется. И те с прошлого года ездят на учебу в соседний поселок Керва. Вот этим небольшим ребятишкам, чьи родители остались жить в умирающем лесном торфопоселке, Михаил Иванович и решил несколько лет назад сделать подарок на зиму – горку. Да такую, чтоб городские завидовали!

И ТАК СОЙДЕТ!

Каждую зиму Михаил Иванович насыпал трактором большую снежную гору. Но как-то раз зима какая-то карикатурная выдалась: снега мало. А дети прямо-таки одолели просьбой о горке. Тогда-то Михаил Иванович и вспомнил, что давным-давно в Северной Гриве стояла деревянная горка. И решил построить такую же.

Всем, кто задавал вопросы, он отвечал, что строит гараж. Но долго так продолжаться не могло, и уже вскоре к нему подходили и спрашивали: «Куда такую большую горку строишь? Детей-то в поселке почти нет!» «Была бы горка, а дети найдутся», – отвечал Михаил Иванович.

Горку Михаил Иванович сколачивал один. Сделал из брусев каркас, вырубил в них гнезда, ставил лестницу, брал бревно на плечо и взбирался по шатким перекладам. Брусья потяжелее поднимал веревками с помощью своего трактора. Доски для настила купил на пилораме в селе Семеновке. Правда, когда на пилораме узнали, для чего ему доски нужны, уступили подешевле. А привез их в Северную Гриву сын его соседки Надежды Сергеевны Давыдовой.

Никто ему помощи в строительстве горки не предлагал. Но все равно Михаил Иванович успел завершить ее до начала зимних школьных каникул. Он еще последнюю доску в настил не прибил, а дети наверху уже собрались и приготовились кататься по голым доскам. Он им

У Михаила Коршунова для каждого гостя его горки готов горячий чай

закричал, чтобы дождались, когда горку лед покроет, а они в ответ: «Михаил Иванович, и так сойдет!» Так что впервые заливать горку ему пришлось уже ночью.

Молва о новой большой горке мгновенно разнеслась по округе, так что машины в Северную Гриву пошли вереницами. Такого нашествия гостей поселок не знал за все время своей истории. Но это еще что! Три местные пенсионерки во главе с Надеждой Сергеевной как-то раз вечером дождались, когда молодежь разойдется, и отправились кататься с горки, прихватив старое корыто!

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Первую зиму горка стояла перед его окнами, рядом с колонкой, а потому заливать ее водой было проще. Но вот беда: во второй половине дня солнечные лучи растапливали лед в верхней части спуска. Михаил Иванович понял, что нужно положение исправлять. Летом он прицепил полозья горки тросами к трактору, выволок ее на дорогу, а затем притащил на поле и развернул ее «спиной» к солнцу.

Местная детвора норовила взобраться на горку с велосипедами. А потом явились мотоцик-

В поселке всем известно, кто расписал узорами трактор местной пожарной части и наградил его великим именем

листы, решившие устроить на горке аттракцион. Михаил Иванович справился и с этими нашествиями. Однако ко второму сезону горка лишилась нескольких досок. Пристыженные Михаилом Ивановичем местные мальчишки взяли

было залатать дыры в настиле, но когда он глянул на их работу, то ахнул и сам засучил рукава.

Во второй сезон посещаемость горки заметно выросла. Районная администрация даже организовала в Северной Гриве

Хозяйственный двор строителя горки полон чудес...

проводы зимы. Михаил Иванович соорудил теплушку, где возле печки все посетители могли бы погреться, напиться чаю и отведать пирогов. Все это предоставлялось гостям совершенно бесплатно за счет Михаила Ивановича и его соседки Надежды Сергеевны Давыдовой. Кстати, именно Надежда Сергеевна и удерживает Коршунова, когда тот, в очередной раз устав от хлопот и обид на безобразия посетителей, собирается сломать горку и распилить ее на дрова.

Все началось с жалоб на число приезжающих в поселок, на увеличивавшиеся кучи мусора и на пропажи из дворов жителей предметов более или менее пригодных для катания с горки. От последней напасти Михаил Иванович и сам страдал. Несколько раз он вешал на горку щит с «Правилами катания».

На хозяина этого тракторишки и рассчитывают любители экстрима в окрестностях Северной Гривы

Судьба этого щита всегда оказывалась одинаковой: его срывали и использовали в качестве ледянки.

Самый большой шум произвела кража капота с машины соседей Михаила Ивановича. Кто-то ночью приехал покататься с горки и не придумал ничего лучше, как снять капот с чужой машины, чтобы использовать его в качестве ледянки. Кто виноват? Тот, кто горку построил! Теперь на ближайшей к полю улице вся техника спрятана глубоко во дворах.

А однажды Михаил Иванович увидел, как на его горку пытаются въехать на дорожной машине с шипованными колесами. Он тут же поспешил вокруг горки насыпать вал из снега, а перед ним плугом вспахал ров. Когда и это не помогло, он вновь заговорил о том, что распилит горку на дрова.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в урочище Курилово Шатурского района Московской области

Эти руины Михаил Коршунов регулярно очищает от мусора и снега

«Нет, я все-таки растащу ее трактором! – неизвестно кому грозит кулаком Михаил Иванович. – И мне, и Надежде хватит дров на всю зиму! Помощи ни от кого нет, а у меня руки-ноги не железные!»

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...

Вообще-то Михаилу Ивановичу есть чем заняться и помимо горки. Он трудится лесником в Костеревском лесничестве, руководит бригадой из пяти

человек. Они регулярно занимаются расчисткой просек, отводом леса, восстановлением квартальных столбов, обновлением противопожарных рвов. Между прочим, на лесном участке, за который отвечает Коршунов, стоит заброшенный храм, построенный в 1838 году. Территорию вокруг него расчистили, а вот сил восстановить не хватает.

А еще Михаил Иванович пишет маслом картины. Вернее, писал их раньше каждую зиму. Но когда появилась горка, все забросил. Даже кормушки для птиц перестал развешивать. А ведь кормушки у него сделаны в виде ларцов, вешает он их на цепочках между деревьев – как в сказках Пушкина. Загляденье! Дом Михаила Ивановича – последний перед поворотом в лес, куда едут на вездеходах любители экстрима. Обычно останавливаются у дома Коршунова – договориться насчет трактора, если они застрянут в лесу. Немало таких туристов он вытащил из леса.

А кроме того, Михаил Иванович держит семь поросят и – в отдельном загоне – двух огромных диких кабанов. Их, еще маленьких, подобрали в лесу охотники и принесли Коршунову.

«Я найду чем заняться!» – опять непонятно кому грозит Михаил Иванович.

Но все вышеперечисленное отходит на второй план, как только к нему стучатся в дверь и кричат: «Михаил Иванович, лед на горке не скользит!» Это для него самая страшная новость. Коршунов, забыв покормить поросят и кабанов, бежит на улицу.

...Снег вокруг горки исполосован колесами машин. К трапу выстроилась длинная очередь, освещаемая фарами множества автомобилей. С горки съезжают кто на чем: на надувных ка-

Мужчины
Северной Гривы
часто спорят
о судьбе поселка

Зоопарк
Коршунова:
этих кабанов
держат для
развлечения
гостей ледяного
аттракциона

мерах, на картонках и даже на расплющенной пластиковой бутылке! На одной ледянке – по трое сидят! Кто-то съезжает с горки на животе или на спине. Пальто и куртки трещат, комбинезоны рвутся.

Жители Северной Гривы, опираясь на трости, стоят неподалеку и наблюдают за веселым катанием с горки. Для них это, пожалуй, единственная возможность увидеть бурлящую жизнь наяву, а не по телевизору. «Хорошо ты, Михаил Иванович, придумал», – говорят они Коршунову.

И Михаил Иванович вдруг расплывается в улыбке. И я догадываюсь, о чем думает Коршунов, когда смотрит сейчас на свою деревянную горку.

Ему кажется, что брошенный поселок Северная Грива, на который давно махнули рукой, вновь оживает. Будто волшебным образом время начинает идти вспять, а сам он переносится на полвека назад. И ему, наверное, кажется, что под этими двухсотлетними соснами горланят и шумят его собственные сверстники. А вокруг стоят еще целые и еще густозаселенные бараки, жители которых никуда не уехали, а живут по-прежнему здесь – в поселке. Кажется, ради этой иллюзии, ради этой встречи с молодостью и старается Михаил Иванович, устраивая каждую зиму праздник последним жителям Северной Гривы...

Вот сцепились трамвайчиком несколько ледянок и покатились вниз. Пролетая мимо строителя горки, куча, в которой не разобрать, где взрослые, а где дети, вопит: «Михаил Иванович, когда вторую горку построите?» Этот вопрос Коршунову задают давно. Между прочим, вторая горка, еще выше и длиннее первой, уже стоит за двором барака Михаила Ивановича. Даже доски для настила для нее подготовлены. Дело осталось за малым: хорошей снежной русской зимой и хорошим настроением Михаила Ивановича. Не испортите его, люди! ❀

БУЛЫЖНИКИ КРАСНОЙ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТЕАТРАЛЬНАЯ, МАНЕЖНАЯ, КРАСНАЯ, РЕВОЛЮЦИИ
ПЛОЩАДИ КАК СВОДНЫЕ СЕСТРЫ. И ЖИВУТ
ПО СОСЕДСТВУ, И ПОХОЖИ НЕКИМИ РОДСТВЕННЫМИ
ЧЕРТАМИ, А ПРИГЛЯДЕТЬСЯ – РАЗНЫЕ. РАЗНЫЕ
ПО ВНЕШНОСТИ, ПО УБРАНСТВУ, ПО ДУХУ.

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ МОСКОВСКИЕ – в самом центре города. Сестра старшая, конечно же, Красная, с холма посматривает на сестер будто бы с укоризною. Но младшие знают – и сама-то не без греха... Нечего тут укоризничать. И кланяться не спешат. Вроде вместе они, все четыре, но все-таки – врозь. У каждой из них – своя колея и свой характер.

Мы с женой эту прогулку по площадям называем – «Как гости столицы». В самом деле, деловитые, обстоятельные москвичи бывают здесь не так уж и часто. Им, неподалеку выросшим, только кажется, что это вчера-позавчера ходили они всем семейством мимо окон ГУМа, стояли в очереди к Манежу, считали кладовских коней на портике Большого... Нет,

все это было давно, так давно, что точно и вспомнить трудно. «Кажется, мы гуляли тут осенью 17-го? Или летом 16-го? Осенью или летом? Или все-таки раньше, причем зимой?..»

Мы так и не можем вспомнить. А ноги сами поворачивают от метро налево и бегут, бегут к Александровскому саду. И заворачивают по дороге на Красную. И спускаются затем на Манежку... А глаза фиксируют новое, то, что раньше было не слишком заметно.

Сверху накрапывает то ли дождь, то ли снег... Мартовская типичная погодка... И все равно – народу много. Кружатся люди довольно-таки бестолково, и мы кружимся вместе с ними. Осторожно ступаем по булыжникам. Скользко на исто-

Верхняя часть
Александров-
ского сада строга
и официальна

А вот у памятника Карлу Марксу фотографируется целеустремленная группа китайских товарищей, мы их легко узнаем по национальному флажку в руке экскурсовода.

Так-то, поди отличи! Темные брюки, темные куртки, сосредоточенные хмурые лица. Маркс на их фоне – большой оптимист! А кулачище у Маркса? Прелесть, а не кулачище! Как даст сейчас по мировой буржуазии, потому что учение его всесильно, потому что оно верно! Обязательно даст.

На фоне Марксовой мощи китайские товарищи напоминают воробышков, сбитых в стайку, холодный весенний ветер заставляет их втянуть головы в плечи и жаться друг к дружке. Уф-ф... Снимок сделан, можно вновь натянуть капюшон и размять озяб-

шие ноги. Китайские товарищи дисциплинированно идут по лужам к переходу вслед за флажком своей великой страны.

Но Маркс не остается один. Нет-нет, создатель «Капитала» совсем не одинок. К нему уже спешит новая делегация. Скорее всего, из Вьетнама. Хорошо, скверик не переименовали. К радости пролетариев всех стран, так и зовется – «Сквер у памятника Карлу Марксу». Легко найти.

А вот чинно курит и громко этак жестикулирует группа кавказских товарищей, покинувших на минутку теплые авто у южной стены «Метрополия». Сразу ясно, дел у товарищей много, даже очень много, и билеты в Большой и Малый театры сегодня их решительно не интересуют. Невсегда. Впрочем, так было и вчера.

рической брусчатке. Вон, кто-то из иностранцев прикручивает к ботинкам специально прикупленные шипы.

Лавочки Александровского сада заполнены приезжими из Средней Азии. Они уверенно закусывают шаурмой и толстыми, сочными бигмаками... Почему-то сразу понятно, что у них – выходной день. Или выходной час? В общем, свободная минутка.

Когда-то раньше они разговаривали тихо. Их было почти не слышно. Теперь освоились. Их много. Они тут работают и живут. И довольно часто в самом центре города. Соответственно, и разговоры стали громче. Как правило, у них всегда хорошее настроение. Наверное, Москва им нравится.

После
реконструкции
1993–1997 годов
Манежная
площадь
освобождена
от транспорта

Европейцы видны издали. Они, невзирая на прохладную московскую погоду, всем и вся улыбаются. Их словно веселит и Лобное место, и Покровский собор, и очередь в Мавзолей, и – особенно – находящийся неподалеку, на спуске, теплый, вполне себе европейский, сверкающий чистотой подземный туалет. Европейцев впечатляет бесплатность заведения. Бесплатность и холодный ветер рожают повышенный спрос. С улыбкой они спускаются по ступенечкам в тишину, широко улыбаясь, возвращаются по ступенькам обратно. Самые положительные аттестации...

Курают из них – единицы. В основном это женщины с жизненным опытом.

В бывшем Музее Ленина первым делом замечаешь сетевую кофейную точку. Реклама заведения выполнена так качественно – мимо не пройдешь! Это только потом различаешь, что теперь в красном здании бывшей городской Думы рас-

Знаменитый памятник Ивана Мартоса (1818 год) «переехал» к Покровскому собору в 1931 году

положилась новенькая экспозиция Музея Отечественной войны 1812 года.

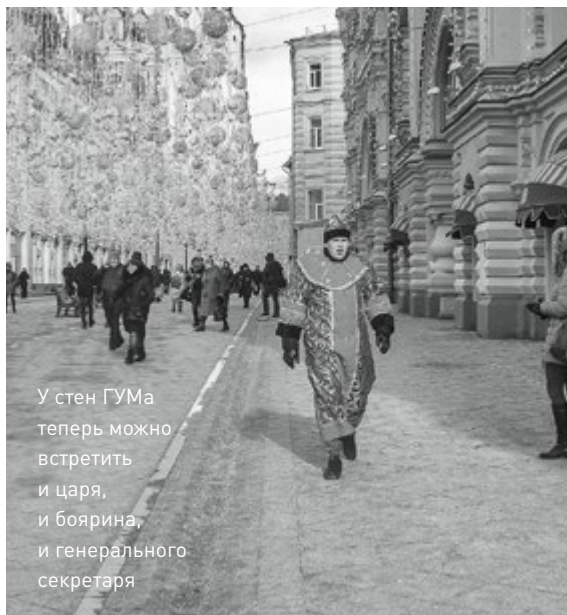
Ну, конечно, зазывалы на экскурсии с микрофоном. Замерзшие голоса... Удивляет, что билетик детский всего лишь на сто рублей дешевле билета взрослого... Зато «мы проедем на комфортабельном автобусе 50 километров по самому серд-

цу Москвы...». Хорошо еще – не по желудку.

Много молодежи, спешащей туда-сюда. Этим ребятам-девчатам в разноцветных одеждах главное – успеть сделать селфи. По части изготовления селфи с большим отрывом лидирует Красная площадь. Селфистов всех возрастов и народов так много кругом, что за полчаса наблюдений уже не удивишься, если всегда задумчивый Минин вдруг попросит усталого Пожарского о совместном душевном снимке для семейного альбома. Не исключено, что Пожарский согласится и тут же пошлет свежее фото любимой жене и дружине.

На Красной площади работает каток. Приходи, бери в аренду коньки и катайся сколько денег не жалко! Плохо ли? На коньках на самой Красной площади! Здорово?

А вот даже не знаю, как тут ответить. Каток все же лучше, чем огромный чемодан размером с верблюда, который тут тоже некогда выставляли на обозрение. Лучше, чем ревущие вокруг кремлевских башен «лошадки»

У стен ГУМа теперь можно встретить и царя, и боярина, и генерального секретаря

«Формулы-1». Лучше, чем поп-рэп-концерт. Но все же как-то... не так. Рядом, у Кремлевской стены, между башнями Спасской и Никольской, – столько людей захоронено... Один мой знакомый по этим захоронениям кандидатскую диссертацию защитил. Какую проводил он в ней мысль – право, не знаю.

Каток и некрополь – странное сочетание. Нет уж, увольте, ни на какие «два прихлопа три притопа» на Красную площадь, как бы они ни назывались и в какие бы одежды ни рядились, я не пойду. Не так учили. Вот книжная ярмарка раз в году здесь уместна. В конце концов веками эта площадь была именно что торговой.

Памятник маршалу Жукову установлен 8 мая 1995 года перед Историческим музеем. Скульптор – Вячеслав Клыков, архитектор – Юрий Григорьев

На сей раз не увидели мы у Иверских ворот суетящегося в коричневой кепочке псевдо-Ленина, не было и человека в сером френче с трубкой, работающего под И.В. Сталина. Эти два современных скомороха почему-то отсутствовали. Видимо, не сезон. Или запретили их маленький бизнес? Нет удавов, орлов на веревке, кроликов в клетке, рядом с которыми еще лет десять назад наблюдался ажиотаж из желающих сфотографироваться. Нет и очереди в Исторический музей, которая непременно была в моем детстве. Новую экспозицию в музее очень хвалят, но билеты дороги. Вот доживем до пенсии, обязательно сходим. Пенсионерам – скидки! Зато открывается совершенно бесплатно прекрасный вид на хвостик Тверской, прямо напротив, на всю ширь Манежки, оценивать архитектурные особенности которой ныне я категорически отказываюсь, на перестроенную глыбу бывшей гостиницы «Москва»...

В некрополе у Кремлевской стены покоится более 400 человек. На снимке – памятник на могиле И.В. Сталина

Ныне это некий «Гранд-отель. Четыре сезона», название сияет огромными английскими буквами и очень режет глаз. Как так? В центре русской столицы английские буквы? Зачем? Отчего? Чем было плохо название – «Москва», вполне здесь уместное? Разве в Лондоне кому-то придет в голову накатать что-то крупно кириллицей у Вестминстера? Или там на Пикадилли-серкус?

И красавец «Метрополь», и бывшая «Москва» нынче – частные лавочки. Некогда они принадлежали государству, городу, а теперь проданы с молотка веселым и находчивым хозяевам новой жизни. Именно между ними и лежит тихая площадь Революции. Площадь пока не переименовали, и это, наверное, правильно. Революции – процесс бесконечный. Последнюю из них в нашей стране не все заметили.

Вспоминается, как в начале 80-х единственный раз в жизни посетил это могучее, неприступное, как казалось с улицы, здание.

Воскресенские (Иверские) ворота между зданиями городской Думы и Исторического музея были снесены в 1931 году. Восстановлены в 1995 году под руководством Олега Игоревича Журина

Бывшая на этом месте гостиница «Москва» разобрана в 2004 году. В 2013 году построено аналогичное здание гостиницы, однако превосходящее прежнее в объемах

«Москва»! Это, извините за выражение, именно из местного гостиничного окна площадь Красная видна! А мы-то причем? Это же их окошко, не наше. Мы мимо шагаем. Итак... У нас была бутылка водки на четверых. И ни копейки денег. И страшный студенческий аппетит имел место. И понимание, что вот здесь, у Кремля, распивать водку на улице как минимум неудобно, – тоже было. Про максимум не хотелось и думать.

И тут обнаружился вариант. Фантастический и дерзкий одновременно. Один наш знакомый работал поваром именно в ресторане гостиницы «Москва». У него был шестой разряд. Специализация по первому блюду – всяким там борщам и окрошкам. Мы обратились к вахтеру, напоминающему своим строгим видом ветерана социалистического труда из телевизора. Попросили вызвать нашего знакомого повара – в фойе,

Зато своим, буквально родным и близким домом стал для меня, как и для многих миллионов москвичей, Малый театр. Уже в детстве почувствовал, как хорошо мне в этом зале, в этом фойе, в этом буфете, во всем этом небольшом, но поместительном здании. Нравилась программка. Декорации. Красный бархат кресел. Мне даже помещение кассы с макетом зрительного зала в специальном окошечке очень нравилось.

Вот только школьные походы в театр я не любил. Одноклассники мешали. Кто разговаривал, кто шептал. Кто дергал соседку за косу, кто громко грыз леденцы... По сравнению с теперешними юными зрителями с притащенной специально лазерной указкой или назло включенным мобильником – это ерунда, конечно. Но мне мешало.

Я как-то сразу и полностью перешел вместе с актерами и декорациями в иной мир, иной век, иной язык.

Я видел Жарова в пьесе Толстого «Власть тьмы», Ильинского в роли гоголевского городничего, Бабочкина в горьковских «Дачниках»... Я видел молодого Юрия Соломина в роли Хлестакова. А еще более юного Виталия Соломина – в роли Чацкого. И конечно, видел их последние блистательные работы в спектаклях по Чехову, по Сухово-Кобылину. В «Дяде Ване» они играли вместе...

Однажды была замена. «Лес» Островского вдруг заменили на «Вишневый сад». Половина партера ушла сразу – до начала спектакля. Как же выложились актеры. Как играла Раневскую Ирина Муравьева и как великолепно были Александр Михайлов и Юрий Соломин... Под стать им тянула и молодежь... Во втором действии партер был битком, спустилась пониже галерка. С поклонов не отпускали минут сорок! Букеты... Я смотрел «Вишневый сад» не раз, и не только в Малом, но тот спектакль мы с женой запомнили на всю жизнь.

буквально на минутку. Сослались на безотлагательное дело. Вахтер куда-то звякнул по висевшему на стене черному телефону.

Через пять минут мы уже сидели в служебной комнате повара и официантов, на... минус седьмом этаже той знаменитой гостиницы. В подвале! Я был поражен тем, что служебный лифт вез нас вниз, глубоко вниз, причем мы вышли, а лифт поехал куда-то ниже.

В комнатке без окон стояли шкафчики, стулья и стол. Повар принес нам две огромные тарелки – в одной был салат из огурцов, помидоров и еще чего-то зеленого, в другой – ныне всем известный, а тогда вызвавший большой восторг кипящий картофель-фри в томатном соусе. Еще он принес вилки. Стаканы имелись в одном из шкафчиков.

Мы просидели недолго. Минут сорок пять. Угощение очень быстро закончилось. Как и водка. Тем более повара тоже пришлось угостить. Да и обстановка... Угнетала.

Вышли мы невеселыми, но сытыми... И остались во мне на долгие годы ощущения чего-то чужого, неприятного, лишнего, стыдного. Как будто я зашел в гости без приглашения. Да ведь так, собственно говоря, и получилось. Нет, граждане хорошие, «не надо подходить к чужим столам...». Не надо, и все.

Праздничный базар на площади Революции. Праздников стало так много, что без базаров увидеть эту площадь теперь довольно сложно...

Панорама
Театральной
площади

Памятник Карлу Марксу
в одноименном сквере
на фоне гостиницы
«Метрополь»

Да и много их было, этих прекрасных вечеров в Малом театре. А потому, ну как не постоять, не выкурить сигаретку у ног Александра Николаевича Островского? Великолепный памятник. Драматург в широком кресле раскинулся вольно, по-купчески, помосковски. Сидит он у стены Малого как часовой, не велит сворачивать на новомодные изыски и суетливые нахальные придумки.

Ну не надо играть Антона Павловича Чехова в пыльных тренировочных! И не надо сооружать плавательный бассейн для омута Катерины! Только не в Малом.

Пусть иные упражняются и фиглярничают, ловкачей на Руси всегда и всюду хватало. А в Малом берегли, берегут и, надеюсь, будут беречь классические традиции русского театра и русской литературы.

«Сколько светлых часов пережил я в этом театре! Как я много обязан ему! Он открыл мне неведомую жизнь, в которой

Памятник драматургу Александру Николаевичу Островскому установлен у стен Малого театра в 1929 году.

Скульптор – Николай Андреев, архитектор – Федор Шехтель

иные интересы, совсем иные люди. <...> Словно только что был в гостях у этих людей и от них поехал в театр, а они вот на сцене, и я опять с ними, опять у них в гостях. Театра, так сказать, не чувствовалось, а жилось настоящей жизнью» – так вспоминает Малый театр современник Островского. Мне его чувства понятны.

Зато Большой театр мы воспринимаем в первую очередь как явление архитектурное. Ну не дал бог таланта почуять красот оперы и балета. Не всем дано. Зато внешне... Аполлон на квадриге. Колонны... Поневоле подойдешь и в какой раз повторишь за молодым казанским певцом Федором Шаляпиным – «Это ж надо, какая громада...».

Невозможно представить Москву без Большого театра.

Три пожара перенес он, а становился затем все краше. Пушкин с Лермонтовым видели тройку коней гипсовых, а мы вот задираем головы на четверку бронзовых, взметнувшихся к небу и едва удержанных высшим покровителем искусства. В прошлом веке влюбленные назначали свидания: «У третьей колонны Большого, справа». Так вот подходишь к театру, считаешь колонны, отмечая себе шепот местных барышников: «На сегодня, партер, недорого...»

Однажды, конечно, были... Кажется, на одноактных балетах. Запомнились роскошь, зеркала, люстры, бутерброды с икрой прямо-таки в царском буфете...

Манежная, Театральная, Революции, Красная площади... Мы прощаемся с вами – до но-

вых встреч. Бросаем последний взгляд от метро.

Какие-то лоскутки воспоминаний...

Вот небывалая очередь в Манеж на самую первую выставку картин Ильи Глазунова...

У нас со всего курса только один и выстоял, и посетил, и был в восторге, а остальные сломались. Я в том числе.

Один из символов Москвы – Большой театр перестраивался и реконструировался не раз. Нынешнему своему облику Большой театр обязан прежде всего главному архитектору императорских театров Альберту Кавосу

Выглядывает из-за Манежа мощный бронзовый М.В. Ломоносов. Именно там профессор Александр Сергеевич Орлов давал нам путевку в жизнь – в науку историю. Его отличительной фразой была такая: «В этих условиях...»

В старое здание МГУ, факультет журналистики, вход тогда был свободный. А вот в наших новых условиях, конечно, стоит бдительная охрана. И в ту, старую аудиторию, где мы слушали профессора Орлова, просто так уже не пускают.

Вот, побродили мы малость по Александровскому саду, где булгаковская Маргарита встретила Азазелло.

Навестили Островского и коней Большого.

Постояли у Вечного огня.

Слушали звон Иверской колокольни.

В магазинах – не были, в кафе – тоже.

Вот и пора – пора возвращаться домой.

Сколько времени? Время – к обеду. 🍷

Булыжники Красной площади. Кто только не ходил по ним хотя бы раз в жизни...

И СНОВА НА МАНЕЖЕ!

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАЖДУЮ ВЕСНУ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН В ИЖЕВСК СЪЕЗЖАЕТСЯ ОКОЛО 200 АРТИСТОВ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА.

У ДОСКИ ЗА КУЛИСАМИ, на которой вывешиваются объявления и расписания, разыгрывается трагедия. Австрийский клоун Дон Кристиан не хочет выступать после шоу с собачками Евгения Комисаренко. Он топает ногой и возмущается: ему только что перевели то, что написано на листке, который прикрепил к доске инспектор манежа Андрей Майшев. Расписание номеров программы нередко вызывает эмоции у артистов. Но чтобы так кричать... Переводчицы, они же студентки вузов Ижевска, жмутся к стене. Австриец стучит пальцем по доске, по своей груди, грозит кулаком в пространство. Не хо-

чет знаменитый на всю Европу Дон Кристиан выходить на публику после собачек. Ситуация забавная, но приставленная к клоуну переводчица чуть не плачет. «Дон Кристиан хочет быть тут главным номером. Мы

Владимир Шкелев известен в цирке под именем Рыжего клоуна

ему говорим, что это не только его программа! Другие ничего подобного не требуют! Как будто он – центр Вселенной!» – жалуется она подруге. Та работает с силовой парой «Акродримз» из Испании, которая уже второй день на репетициях не может пристреляться из арбалета по мишени. Номер трудный: участница дуэта стреляет, стоя вниз головой и натягивая тетиву пальцами ног. Артисты измучились. Все им сочувствуют. Но испанцы не жалуются и не капризничают, а Дон Кристиан... «Владимир Григорьевич! Спасите!» – кричит переводчица. Появившийся невысокий мужчина спешит на шум, в центре которого оказался клоун из Австрии. Владимир Шкелев, помощник пресс-секретаря Госцирка Удмуртии, помимо своих прямых обязанностей занимается поддержанием хорошей эмоциональной атмосферы за кулисами. Иностранных языков он не знает. Но по главной сво-

Над полетами
австрийского
клоуна хохотал
даже оркестр

Дрессированные
собачки Евгения
Комисаренко

подмигивает ухмыляющимся униформистам. Пока наивные девушки судорожно хватаются за сумочки, Шкелев, лукаво улыбаясь, поясняет, что большим мастером он называет Рафала Валуша, манипулятора из Польши, который сам себя любит представлять публике фокусником-карманником. У Валуша такие ловкие пальцы, что он может вытащить из кармана все, что угодно, а ты и не заметишь. Девушки-переводчицы рассмеялись, австриец успокоился, обстановка разрядилась.

Трудно понять, когда Владимир Шкелев шутит, а когда – говорит серьезно. Кажется, он ни секунды не может спокойно стоять на месте. То что-то напевает, пританцовывая, то чечетку отбивает. На самом деле Владимир Шкелев просто радуется в предвкушении большого праздника. Ведь на XII Международный фестиваль циркового искусства в Ижевске съехались 200 артистов из 15 стран.

Репетиции идут уже несколько дней, но Шкелев успел не просто познакомиться, а подружиться почти со всеми участниками. Вот как с Доном Кристианом: Владимир похлопал его по плечу, что-то прошептал на ухо – и австриец расплылся в широкой улыбке, показал русскому клоуну поднятый вверх большой палец и забыл про все свои претензии к собачкам.

ей профессии он – клоун! А это может помочь найти общий язык с представителем любого континента.

Владимир Григорьевич выслушивает жалобы переводчиц и заявляет, что успокоит Дона Кристиана. Переводчицы облегченно вздыхают: они уже не раз убеждались, как Шкелев умеет договариваться. Вот только что подбегала к Владимиру Григорьевичу переводчица жонглера из Чехословакии Алана Шульца. Вон он стоит в углу за кулисами и барабанит по коврику одновременно девятью мячиками! В глазах мельтешит просто... Цирковой артист в четвертом поколении, Шульц приехал в Ижевск вместе с отцом. А привез жонглера на фестиваль Петр Дубинский – знаменитый цирковой импресарио из США. Он тоже где-то здесь ходит, присматриваясь к артистам... С помощью переводчицы Алан Шульц высказал свои претензии: его номер идет

почти сразу после номера «Архипиус», в котором выступает пара лошадей. Вдруг после них навоз останется и его мячики испачкаются? Но Шкелев убедил артиста, что никакой грязи на манеже не будет.

– А вы за своими сумочками и карманами лучше следите, – серьезно предупреждает переводчиц Шкелев, – тут в цирке большой мастер есть! Не заметите, как обчистит!

В сумраке за кулисами переводчицы не замечают, как Шкелев

Цирковой импресарио из США Петр Дубинский – давний член жюри фестиваля в Ижевске

БЕЗ СТРАХОВКИ

Без помощи гида трудно разобраться в суете на манеже и за кулисами. С оркестровой площадки звучит барабанная дробь – хоть уши затыкай! Слышны крики: «Заправлять?» – «Заправлять!» – «Разложили!» – «Готово?» – «Готово!» Это заправляют на манеже ковер. А вокруг еще слышна английская, французская, испанская, польская речь.

На фестивале в Ижевске иностранных имен столько, что и не выговоришь. Даже фамилию канатоходцев Ростосцирка, братьев Суанбековых, которые выступают под руководством своей матери Сайракан, Шкелев произносит почти по слогам. На фестиваль Сайракан с сыновьями приехали раньше других артистов: им лично нужно было установить подвесное оборудование на куполе. Но в здании цирка проходили соревнования по боксу, и первую репетицию с выходом на канат пришлось отложить на три дня. Только сейчас они могут подняться под купол цирка. Когда они ступают на канат, на манеже воцаряется тишина. Братья Суанбековы сначала ходят по горизонтальному канату, потом по косому, демонстрируют работу на «Колесе смелости». «Этот Нурсултан настолько уверен! – шепчет мне старший униформист Владимир Калашников. – Ведь одно неловкое движение – и убьешься... Да еще без страховки! Я видел многих – так себе, средненько... А эти... Ахаешь просто! Легче в космос слетать! Сайракан рискует всем. Так и поставлен номер, чтобы впечатление такое создавать...».

70-летний Владимир Калашников стягивает перчатки. Он только что держал лонжу, которой страховал Сайракан Суанбекову, когда она шла по канату на высоте 15 метров. Вместе с ней на канате выступают двое ее сына – Махмуд и Нурсултан. На канате они и скачут, и прыгают, и даже носят мать на голове. Во время одного из моментов Сайракан вдруг закричала

Канатоходцы Суанбековы ходят по самому тонкому тросу в мире

Золотые, серебряные и бронзовые медведи – призы Международного фестиваля циркового искусства в Удмуртии

сыну: «Держись!» Все, кто был на репетиции, ахнули: один из братьев почти соскользнул с каната! Ни страховки, ни баланса у него не было. Этот момент Калашников называет «симуляцией», призванной напугать зрителя. Владимир Шкелев тихо объясняет, что Калашников в прошлом был воздушным гимнастом-вольтижером.

К Калашникову подходит Сайракан. Она сама выбрала Владимира, чтобы именно он держал лонжу. Работа эта сложная и ответственная, «лонжевик», по сути, такой же участник номера, как и гимнасты, пусть и невидимый. Сайракан, улыбаясь, признается: элемент с симуляцией падения намеренно введен в номер, чтобы дать почув-

ствовать опасность трюка. А все остальное – по-настоящему.

Диаметр троса, по которому ходят Суанбековы, всего 12 миллиметров – самый тонкий из тех, которыми пользуются канатоходцы. Его Суанбековы протирают ацетоном, перед тем как натянуть под куполом цирка: малейшее пятнышко жира может обернуться катастрофой. Эту ответственную операцию Суанбековы никому не доверяют. За свое искусство они получили много наград и в Ижевск приехали, конечно, рассчитывая на золото.

Кстати, разговоры о том, кому жюри отдаст золото, – самые распространенные за кулисами. Шкелев признается, что он бы отдал золото китайкам, которые катаются на моноциклах и жонглируют чашами. А Калашников голосует за артистов из КНДР, чьи полеты на 20 метров с завязанными глазами он видел на вчерашней репетиции. Тут старые друзья спохватываются, строго смотрят на меня и заявляют, что подобные разговоры вести неэтично. Шкелев, ловко переменяя тему, заводит речь о технике безопасности: требует не стоять слишком близко к арене, где много тросов и блоков.

Красивейший номер фестиваля – китаянки на моноциклах с чашами

На репетициях места свободного на манеже не было

НЕМНОГО ИСТОРИИ

...Первый цирк Ижевска в холодную зиму во время Гражданской войны растащили на дрова. Новый цирк построили в 1926 году возле Сенного базара. Как и прежний, он тоже был деревянным, с печным отоплением, освещался керосиновыми лампами. А каменное здание цирка в Ижевске появилось в 1943 году. Первыми зрителями его стали красноармейцы из госпиталей. В 2000 году на месте снесенного старого цирка начали строить новый, тот самый, по которому Владимир Шкелев устраивает мне экскурсию.

Идею поставить цирк в Ижевске на один уровень с мировыми выдвинул бывший глава Удмуртии, Александр Волков. Вместе с директором нового цирка Дмитрием Ивановым они побывали на фестивале циркового искусства в Монте-Карло и задумались: неужто нельзя организовать подобный праздник и в Ижевске?

Если верить старым афишам в экспозиции, посвященной истории Госцирка Удмуртии, в дореволюционный цирк Ижевска зрителей заманивали дамским чемпионатом французской борьбы с участием жены Ивана Поддубного Дарьи и неких Фриды Дамберг и Анны Знаменской. Организаторы первого ижевского фестиваля тоже решили поразить воображение поклонников цир-

– И нельзя трогать реквизит! Ни за кулисами, ни на манеже. Он приготовлен к выступлению! Вот сетка! Это только кажется, что ты ее поправил, а ты ее запутаешь. Или булавки поменяешь местами! Это тебе кажется, что они лежат небрежно... Я еще помню те времена, когда старики били тех, кто трогал реквизит! И мне доставалось, – вспоминает Владимир Шкелев. Старший униформист согласно кивает. На всякий случай я отхожу от косяка двери, к которому хотел прислониться. И, как оказалось, правильно: я подумал, что вижу обычную дверь, а это, оказывается, реквизит циркового номера. Он так и называется: «За дверью». Его будут исполнять Роман Хаперский и Анастасия Сопельняк.

С Романом, кстати, связан один из самых показательных случаев в истории фестивалей циркового искусства в Ижевске. Перед самым началом третьего фестиваля, в 2010 году, в оргкомитет позвонил цирковой режиссер Александр Гримайло и попросил принять для участия в программе только что выпущенный им номер. Согласились. И надо же! Жюри ижевского фестиваля присуждает серебро исполните-

лю этого самого номера – Роману Хаперскому. После чего Хаперский получает приглашение на фестиваль в Монте-Карло. Там он тоже получает серебро и десятилетний контракт на работу в Германии. Аналогичный случай произошел с воздушными гимнастами на ремнях Валерием Сычевым и Мальвиной Абакаровой на четвертом фестивале, в 2011 году. В Ижевске они получили золото, а затем отправились на фестиваль в Монте-Карло, где их выступление тоже закончилось контрактом на работу в Европе. «Так что среди цирковых уже есть такое поверье: путь на фестиваль циркового искусства в Монте-Карло лежит через наш Ижевск», – подытоживает Владимир Шкелев.

В цирк Удмуртии мечтают приехать артисты из самых дальних уголков мира

кового искусства: в конкурсной программе сошлись две самые известные династии дрессировщиков хищников – братья Запашные и супруги Багдасаровы. Ранее они никогда в одной программе не выступали. Но если дрессировщики друг с другом общались нормально, то их подопечные заставили попотеть всех. Так что такой опыт решили больше не повторять...

Как известно, театр начинается с вешалки. А цирк, оказывается, с оркестра, который является неотъемлемой частью представления. Недавно оркестр в ижевском цирке сократили, но музыканты, зная, как важна живая музыка на международных фестивалях, соглашались на полторы недели оставить все дела и вернуться в родной цирк. Дирижер Юрий Михалев лично обходит работодателей своих бывших музыкантов и умоляет их отпустить на дни фестиваля. В оркестре 16 человек. Вот по 16 организациям ему и надо пройти, чтобы гости смогли насладиться игрой живого оркестра.

Правда, сами артисты, приехавшие на фестиваль, к оркестру относятся потребительски. Требуют сыграть то одно, то другое, да так, чтобы музыка в точности совпадала с номером. А если не получается номер, то винят во всем оркестр. Больше всех претензий к музыкантам почему-то предъявляет российский клоун Владимир Дерябкин – младший. Достается маэстро и от шпехштаймейстера. Тому нужно заполнить паузы, и он требует от дирижера сыграть, например, музыкальную юмореску «Здравствуй, фестиваль», которую написал Михалев. «Вот с чего они это взяли? – жалуется мне Юрий Михалев. – Якобы я сочинил эту музыку специально к фестивалю! Я им уже много раз говорил: это американская джазовая композиция «Если ты куда-то ушел». У меня таких заготовок много. Хватит на все их «ямы», которые нужно заполнять».

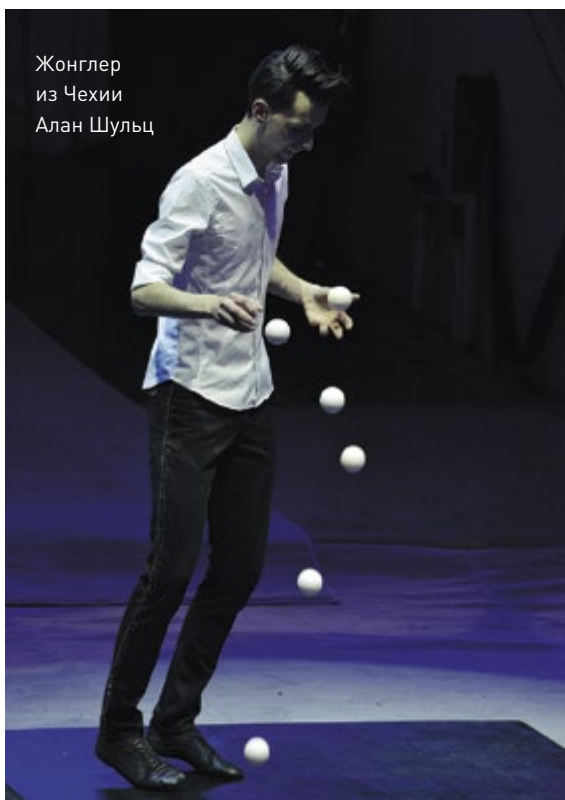
Антон Макухин и Адам Васкез, силовая пара из США, ради Ижевска приостановили гастроли в Европе

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Репетиция номера британо-украинской пары акробатов на воздушных ремнях завораживает. Как только они оказываются на манеже, к ним подбегает Алан Шульц и горячо обнимает. Оказывается, много лет назад Алексей Малый и Алан Шульц

долго делили одну комнату во время турне по США, а потом потеряли друг друга из вида. И это не единственная такая встреча на фестивале в Ижевске.

За кулисами разминаются Антон Макухин и Адам Васкез – участники силовой акробатической пары из США. Их выступления пользуются большим успехом в казино Лас-Вегаса. Крымчанин Антон Макухин живет в Калифорнии, в Сан-Диего. С 2003 года работал в известном на весь мир канадском цирке Дю Солей. Выступал со своим шоу на всех континентах. О фестивале в Ижевске услышал от импресарио Петра Дубинского. Антон и Адам признаются, что сначала они посмеялись над предложением выступить на фестивале. Авторитетные фестивали циркового искусства могут проходить только в Москве, Петербурге или в Сочи... А Ижевск? Но коллеги объяснили им, что фестиваль в провинциальном Ижевске входит в пятерку лучших подобных мероприятий мира. Ребята призадумались. А потом решили приехать. И каково же было удивление Адама, когда здесь, в Ижевске, среди участников фестиваля он

Жонглер из Чехии Алан Шульц

Номер «Колесо смелости» братьев Суанбековых

А эти артистки прилетели на фестиваль из Эфиопии

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ

...Форганг – цирковой занавес, отделяющий кулисы от арены, – в ижевском цирке малинового цвета. Пол застелен толстой резиновой ковровой дорожкой, которую не пробьют ни лошадиные копыта, ни острые каблуки. Эта дорожка – предмет гордости старшего униформиста Владимира Калашникова. Он уговорил директора цирка в свое время не класть ни паркет, ни пластик, не оставлять просто покрашенный бетон. С такой дорожки очень удобно выходить, выезжать, выбегать на арену...

Сейчас на ней стоят все артисты. Идет отсчет последних минут перед началом представления. Кто-то крестится, кто-то сложил ладони в молитве. Старший униформист Калашников смотрит в щель портьеры на манеж. Из-за форганга доносится ровный гул – публика занимает места. На фестиваль приехала даже принцесса Монако Стефания!

Где-то там, в зале, сидит и Владимир Шкелев, который привел на представление 86-летнюю маму. Калашников знает, что Шкелев проводит на представление и старых билетерш цирка, и уборщиц.

До начала парада-алле остается не более минуты.

Артисты готовы. Сейчас они выйдут на манеж для того, чтобы в очередной раз удивлять, смешить, радовать и поражать людей.

Парад-алле! 🎪

встретил своего племянника – жонглера из Мексики Амаури Да Силва. Родственники не виделись семь лет, а встретились в российской глубинке!

От Ижевска Антон в восторге. Да к тому же на фестивале он успел обзавестись новыми знакомыми и встретить старых. С Доном Кристианом они вместе выступали в цирке Буглион в Париже. А девушки из Китая, которые катаются на моноциклах, работали с ним в одной программе в Цюрихе в цирке Конелли. Знаком Антон и с силовой парой из Испании «Акродримз».

Владимир Шкелев не удивлен тем, что артисты из разных стран встречаются на манеже в Ижевске своих друзей и родственников. И признается, почему ему удалось так быстро договориться с Доном Кристианом. Оказывается, они вместе выступали в Цирке на Фонтанке в Санкт-Петербурге!

Его воспоминания прерывает Сайракан Суанбекова: она жалуется, что ей с сыновьями нужна еще одна репетиция, чтобы точно «свести» трюк с музыкой. Шкелев разводит руками и обещает помочь. Потом вздыхает и сообщает, что артистки из Китая написали офи-

циальное письмо дирекции цирка с просьбой предоставить им манеж ближе к ночи – тоже для дополнительной репетиции. И что делать? А есть еще акробатки из Эфиопии. Для них выступление в Ижевске – дебют, раньше они никогда не принимали участия в цирковых фестивалях. Они очень волнуются и тоже просят дать возможность дополнительно отрепетировать свой номер – «Царицы Савские».

Кажется, Шкелеву потребуется все его мастерство клоуна, чтобы примирить всех артистов!

Без старшего униформиста Владимира Калашникова представление не начнется...

ХРАНИТЕЛИ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«КОГДА К НАМ ПРИХОДЯТ ЛЮДИ И ОТКРЫВАЮТ СЕБЯ, СВОЮ СЕМЬЮ, СВОЮ ИСТОРИЮ, МЫ ПОНИМАЕМ: ЭТО И ЕСТЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ, РАДИ ЧЕГО МЫ ЗАНИМАЕМСЯ ВСЕМ ЭТИМ ДЕЛОМ, – ГОВОРIT РУКОВОДИТЕЛЬ СТУДИИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА «РУССКИЕ НАЧАЛА» ТАТЬЯНА ВАЛЬКОВА. – МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТКРЫВАЕМ ЛЮДЯМ РУССКИЙ МИР. ВЕДЬ ЕСЛИ МЫ ЗАБУДЕМ, КТО МЫ ТАКИЕ, ТО ПРОСТО ПЕРЕСТАНЕМ СУЩЕСТВОВАТЬ. ПОЭТОМУ МЫ И НАЗЫВАЕМСЯ «РУССКИЕ НАЧАЛА».

«**Ч** АЩЕ ВСЕГО люди не знают, что такое русская традиция, – продолжает Татьяна Валькова. – Мы порой знаем традиции других народов лучше, чем свои собственные. С удовольствием отдыхая в других странах, изучаем культуру, наследие, костюм. А когда рассказываешь, что потратил две недели своего отпуска на изучение традиционного русского костюма в одном из старейших городов Русского Севера, Каргополе, – люди удивляются. И хорошо, если не крутят пальцем у виска. Был такой случай: я как раз рассказывала о Каргополе, а люди по незнанию посчитали его греческим курортом».

Изучение и возрождение русской традиции – дело довольно хлопотное и совсем не быстрое. На протяжении почти двадцати лет преподаватели и мастера «Русских начал» ездят в этнографические экспедиции, собирают информацию о костюме и обо всем, что с ним связано, скрупулезно создают реплики и реконструкции, участвуют с ними в фольклорных конкурсах и фестивалях. Своей задачей участники кол-

лектива считают сохранение традиционных знаний о жизненном укладе предков и их «трансляцию» из прошлого в настоящее.

Начало «Русским началам» было положено еще в конце прошлого века. Архитектор и плотник-реставратор Петр Карелин придумал создать в Москве православный центр, в котором люди занимались бы возрождением русских традиций: мужчины – плотницким делом, а женщины – рукоделием. Традиционное русское рукоделие – это все, что связано с традиционным текстилем: ткачество, костюм, вышивка. Люди приходили в центр учиться пониманию русского костюма, шить вручную, вышивать. Постепенно стал складываться замечательный коллектив увлеченных людей. Татьяна Валькова пришла в центр в 2000 году ученицей, но совсем скоро перешла в преподаватели, а в дальнейшем стала руководителем студии рукоделия.

В «Русских началах», как это ни удивительно, нет профессиональных швей и вышивальщиц, то есть людей со специальным образованием. Архитекторы, бухгалтеры, филологи, преподаватели уни-

верситетов, музыканты, врачи и домохозяйки приходят сюда изучать историю народного костюма и учиться создавать традиционную одежду своими руками. Для некоторых процесс обучения становится большим испытанием, пройти до конца которое удастся не каждому. Помимо желания нужны еще терпение и упорство. К примеру, вышивка крестом Вологодской губернии сродни старинной росписи, где все стежки по изнанке направлены строго в одну сторону. Не у всех, даже с университетским математическим образованием, получается справиться. В студии эту двустороннюю вышивку иронично называют «высшей математикой для женщин». Иногда многотрудная вышивка удается только благодаря морально-волевым качествам вышивальщицы.

В XXI веке первое, с чего приходится начинать обучение, – это правильно держать иголку, восстанавливать привычку к кропотливой работе. Новичков сажают на швейку – почти забытое ныне приспособление. В одном из вариантов его применения мастерица садится на донце швейки, чтобы зафиксировать ее на месте, булавкой прикалывает один конец ткани к подушечке на вертикальном столбике, а второй – натягивает для более удобного и быстрого шитья или вышивания. Еще один серьезный курс, отнимающий немало времени, – обучение тому, как шили в старину. Благо собранная в студии за многие годы коллекция подлинников традиционного рукоделия довольно обширна и постоянно пополняется.

Лучшие ученики студии со временем вырастают в мастеров, остаются в коллективе или уходят в самостоятельное плавание, создавая в других городах уже свои «Русские начала». Те, кто идет со студией по жизни много лет, становятся одной большой семьей, где царит удивительно добрая и душевная атмосфера.

Костюмы
из коллекции
«Московский
женский костюм
XVII века»

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

К традиции все приходят по-разному. Например, Татьяну Валькову привела в студию... песня. Сначала она выступала в составе фольклорного коллектива студентов-филологов, затем – в фольклорной семейной студии «На Поварской слободе». С 80-х годов XX века начала ездить в экспедиции и вскоре поняла, что для нее важна не песня, не слово, а традиционный текстиль. Татьяна в шутку называет себя поющим и шьющим филологом.

К экспедиционным удачам коллектива Татьяна Валькова относит историю с селом Безводным Нижегородской области. Впервые они попали туда в 2002 году в канун Троицы, как впоследствии выяснилось, престольного праздника села, который отмечался до 30-х годов XX века. Участники студии смогли собрать большое количество

«Русские
начала»
собирают
коллекцию
подлинников
традиционных
костюмов

нужной информации, записать песни с мужским голосом, что само по себе редкий случай. Старожилы рассказали им историю про красивую традицию села – так называемую народную часть праздника Троицы. Село Безводное находится на самой высокой точке правого берега Волги, с которой открываются замечательные по красоте виды. И на этом берегу расположены плоские поляны, которые называют венцами. Вот на эти венцы выходили когда-то в старину люди водить троицкие круги, то есть хороводы, и исполнять троицкие песни.

«И мы за год сшили костюмы села Безводного, выучили вместе с местными жителями эти песни и в 2003 году собрались все вместе на праздник, – вспоминает Татьяна. – Это было невероятно здорово – вдруг село опять запело. Я помню это впечатление. Было ощущение, что

Длина рукава
старинных рубах
могла достигать
3 метров

ты с Божьей помощью сделал что-то необыкновенно хорошее. Старики со слезами на глазах вспоминали, как они в детстве хороводы водили. Наступили сумерки, а везде раздавались песни и слезы от счастья катились просто градом...».

А через несколько лет с помощью местного священника в воскресной школе удалось организовать музей села. Были найдены предметы старины, собрана экспозиция. К сожалению, коллектив недолго наслаждался правильной работой. В селе многое изменилось со временем. Более половины жителей – это уже не коренное население. Но как когда-то давно, участники студии и сейчас стараются на Троицу оказаться в селе Безводном. Чтобы напомнить людям о том, что они – безводненцы, что у них пели такие песни и носили такие наряды.

Песня, как правило, сопровождает выступления коллектива на различных фестивалях и конкурсах. Но одним из главных и значимых мероприятий мастера считают Всероссийский фестиваль «Русский костюм на рубеже эпох» в Ярославле. «Русские начала» – неоднократный лауреат и обладатель Гран-при этого фестиваля. Однако с 2019 года коллектив принял решение больше не участвовать в конкурсной программе, а ограничиться лишь внеконкурсным показом новых коллекций. «Русские начала» из Москвы и коллектив «Параскева» из Санкт-Петербурга слишком высоко подняли профессиональную планку в номинации «этнографический костюм», вследствие чего «распугали» других потенциальных участников.

Вышивка тамбуром, он же –
«мышинная тропка»

Забывшее
приспособление
для облегчения
шитья – швейка

НАДЕНЬ НАРОДНОЕ НА ДЕНЬ РОССИИ

«Русские начала» создают коллекции не только для того, чтобы продемонстрировать их на выставках и фестивалях. Главная задача, ради чего работают мастера, – вернуть традиционный костюм в жизнь, чтобы люди вспомнили и поняли, какая уникальная традиция была у русского народа. Самое интересное, что наши современники, видя воссозданный старинный костюм на живых людях, а не на музейных манекенах за стеклом, удивляются и поражаются, насколько он красив и удобен.

Несколько девушек из коллектива приняли решение выбрать традиционный костюм для важного события своей жизни – свадьбы. Работа над костюмами началась за год-два: выбирался сам наряд, затем ткани, затем девушки шили костюмы вруч-

ную. «И это красиво и очень правильно, когда традиционный костюм помогает начать семейную жизнь. Такое венчание запомнится на всю жизнь», – говорит Татьяна Валькова.

Участники коллектива не раз замечали, как даже самые заядлые скептики преображаются после облачения в традиционный костюм. Меняется не только внешний вид, но и «самочувствие» человека, будто просыпается какая-то глубинная память. Даже говорить люди начинают иначе. Современная женщина, надевая одежду, которую носили ее предки, становится намного интереснее и красивее. Такой наряд очень «собирает» человека – в нем уже не сделаешь каких-то лишних, грубых движений. «С другой стороны, в костюме я могу позволить себе то, чего в обычной жизни не делаю», – говорит Татьяна Валькова. – На-

пример, сделать человеку замечание: «Ой, Манька, чой-то у тебя там...» Когда надеваешь простой портяной сарафан, ты сам становишься проще».

В 2017 году в коллективе родилась идея выбрать один день в году, когда все люди, не стесняясь, наденут народные костюмы и выйдут на улицы родного города, поселка, деревни. Такая мысль появилась после посещения праздника в Валенсии, где традиции не прерывались и люди с удовольствием надевают национальный костюм на определенные праздники. «У нас же подобная традиция в рамках страны, за исключением отдельных сел и деревень, отсутствует. Хотя из-за обилия фольклорных коллективов может возникнуть обратное впечатление. Проблема в том, что в большинстве своем такие коллективы одеты в стилизованные национальные костюмы. То, что иронично можно назвать «рашен деревяшн». Мы же выступаем за чистую традицию и правильный костюм», – говорит Татьяна Валькова.

Лучшего дня для подобного мероприятия, чем 12 июня, трудно придумать. Так появилась акция, названием которой стал удачный каламбур – «Надень народное на День России». Объединившись с Военно-историческим обществом, студия «Русские начала» уже два года подряд удивляет и восхищает случайных зрителей живой красотой настоящего русского костюма. А еще – неформальной и душевной атмосферой мероприятия. Поддержал затею исполнением народных песен и фольклорный ансамбль Андрея Сергеевича Кабанова.

В 2018 году от московских властей поступило предложение организовать масштабное шествие по улице Тверской. Но студия отказалась. Набрать большое количество коллективов с правильными, аутентичными костюмами довольно сложно, и хорошая идея может превратиться в маскарад. В планах студии в 2019 году продолжить акцию. Здесь надеются, что когда-нибудь она станет поистине всенародной.

**ФАНТАЗИЯ В РАМКАХ
ТРАДИЦИИ**

Создание современных коллекций старинных одеяний начинается с большой исследовательской работы. Иногда от замысла до воплощения проходит несколько лет, потраченных на сбор материала. Если костюм относится к рубежу XIX–XX веков, то мастера стараются поехать в этнографическую экспедицию. Посмотреть места бытования людей, которые носили изучаемые одежды, возможно, зафиксировать какие-то воспоминания. А если повезет, то даже найти сохранившиеся экземпляры. Несмотря на то, что на дворе XXI век, в деревнях еще можно найти людей, которые расскажут, чем занимались и во что одевались их мамы в 20-е годы прошлого века, можно найти вещи, передаваемые из поколения в поколение и бережно хранящиеся в сундуках. Когда речь идет об истории более древнего костюма, то мастера обращаются к архивам, старинным книгам, многие из которых сейчас переиздаются. Например, могут помочь воспоминания путешественников XVIII века с описанием костюмов и даже гравюрами. Музейные фонды – это настоящие кладовые костюмных сокровищ. Давно работающий коллектив студии знаком с хранителями русских текстильных коллекций Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, многих северных музеев. В них проводится работа с письменными и художественными источниками, с этнографическими образцами: снятие кроя, отрисовка эскизов, освоение незнакомых техник вышивки. И только после тщательного изучения и осмысления материала наступает момент создания костюма.

«Мы никогда не стараемся делать копии. Копия в костюме невозможна, так как нет тех ниток, тех тканей, тех красителей», – рассказывает Татьяна Валькова. Первое, что создают мастера, – это реплики. То есть похожий наряд, но из современных ма-

териалов. «Для себя мы решили так: совсем не обязательно, если, к примеру, наша рубаха будет в точности повторять ту рубаху, с которой мы работали, – продолжает Татьяна. – От одной рубахи мы возьмем орнамент, от другой – ткань пестрядь, от третьей – вариант оформления. Мы настолько погружаемся в традицию, что начинаем мыслить как мастерицы прошлого. И получается живая картинка». Мастера такой прием работы называют «фантазия в рамках традиции». Реплики костюмов из коллекции «Московский женский костюм XVII века» напоминают ожившие гравюры Федора Солнцева (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2016 год, статья «Солнечный мастер». – Прим. ред.). Это самая красивая и самая дорогая коллекция «Русских начал». Дорогая не только по стоимости матери-

алов – а это шелковые и парчовые ткани, жемчуг, камни, золотная нить, – но и по количеству затраченного времени. В уникальной технике объемной вышивки «сажение по бели» выполнено большинство головных уборов этой коллекции. Бель – это скрученная белая веревка, которая по предварительной разметке пришивается на материал в два-три ряда. А в канавку между рядами уже вшивают («сажают») жемчуг, рубленный перламутр, бисер. В итоге получаются красивейшие объемные узоры роскошной вышивки, которой в старину помимо костюма, обуви и головных уборов украшали оклады икон, церковную утварь, обложки книг.

Второй вариант воспроизведения костюма – это создание реконструкции. Реконструирование может предполагать воссоздание

Руководитель
студии –
лауреат премии
«Душа России»
Татьяна
Валькова

Каждая мастерица
собственноручно создает
и демонстрирует костюм

целой вещи по сохранившемуся кусочку ткачества или вышивки. Другой уровень реконструкции – это соединение разрозненных вещей, хранящихся порой в разных музеях, но бытовавших в одно время и на одной территории, в один костюмный комплекс. Так было с коллекцией, посвященной костюму Олонецкой губернии. Ее создание – попытка мастеров представить крестьянские праздничные костюмы женщин, проживавших на этой земле двести-триста лет назад. «Мы работали с рубахой в одном музее, с намышниками (вышивка, расположенная сверху рукава рубахи – на мышце. – Прим. авт.) – в другом, с сарафаном – в третьем, с головным убором «сорока» – в четвертом, – говорит Татьяна. – Мы берем на себя огромную ответственность,

Вышитые
намышники
на рубахе

соединяя эти вещи в один комплекс, и говорим – это наша реконструкция. Иначе наши современники могли бы никогда не увидеть подобный костюм. Но за всем этим стоит колоссальная работа по изучению подлинников».

При изготовлении реплик и реконструкций мастера студии учитывают особенности создания вещи в тот или иной период времени. К примеру, если костюм бытовал во времена, когда в русской деревне еще не было швейной машинки, то он создается полностью вручную! Если же машинка уже была – а это примерно конец XIX – начало XX века, – то и вещь может быть сшита на ней.

Интересная особенность отдельных предметов, найденных в Каргопольском районе: они полностью шиты на руках, но пара декоративных машинных строчек присутствует. Как шутят в студии – мастерица пошла к соседке, у которой уже была машинка, и украсила свою вещь отстрочкой. Получается, что к швейной машинке сначала относились не как к утилитарной вещи, ускоряющей процесс шитья, а как к вещи, позволяющей сделать шитое вручную изделие более актуальным и даже модным.

«ВЫШИВАЛА ПАВ»

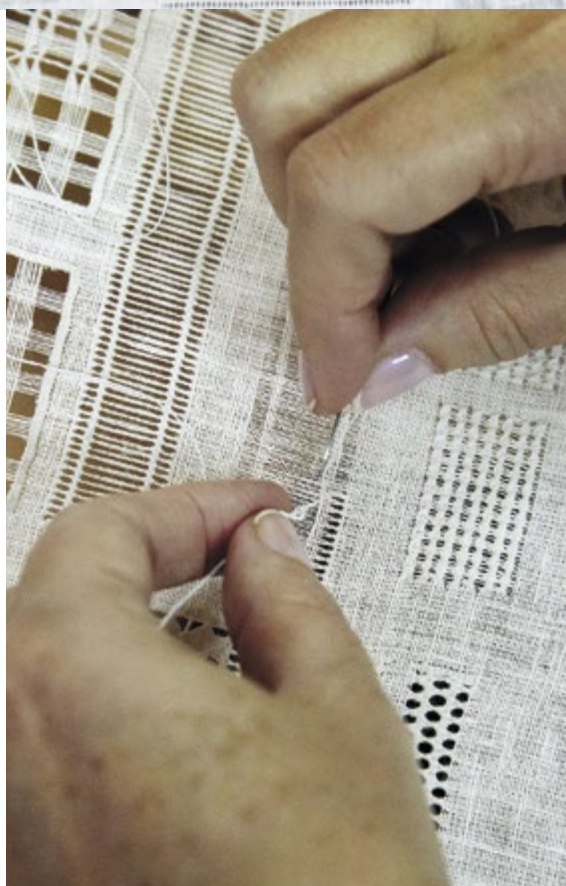
С вышивкой мастера студии работают очень осторожно. Если на подлинной вещи она располагалась в конце рукава женской рубахи, то ее никогда не перенесут, к примеру, на мужскую рубаху или на подол изделия. Непросто обстоит дело и с трактовкой старинных вышитых символов. Смысл многих из них давно утрачен. В старину навыки рукоделия передавались, что называется, «из рук в руки» – от матери к дочери или от бабушки к внучке, а значения символов вышивки – «из уст в уста». После драматических событий начала XX века традиция прервалась. По словам специалистов Российского этнографического музея, с трактовкой вышивки опоздали на 100–150 лет.

Преподаватель
по вышивке
Ольга Климова

Поэтому в наше время серьезные исследователи не говорят о конкретном значении того или иного вышитого знака.

Исключение составляют символы, понятные изначально и не нуждающиеся в трактовке. К примеру, известный многим народам знак, который сейчас называется свастикой. По словам мастеров студии, в старину на Пинеге (древнейший населенный пункт Архангельской области. – **Прим. авт.**) его называли просто «зайчиком». «Это символ бесконечности, солнца, благополучия. Поэтому его так много на одежде молодых женщин и свадебных рубахах на Руском Севере. Иногда он встречается в храмах на богородичных иконах. Пугаться этого не надо, но и ажиотажа вокруг него устраивать – тоже», – рассказывает Татьяна Валькова. Она замечает,

что «действительно, были времена, когда вышивка обозначала что-то конкретное. Но мы уже так давно православный народ, и кто нам сказал, что изображение женской фигуры с букетами и с воздетыми вверх руками – это Лада или Макошь, а не Параскева Пятница или Богородица? Это все очень условно».

Другой любимый символ мастериц прошлого и настоящего – птицы или, как их называли в старину, павы. В коллекции студии есть необычная женская свадебная рубаха. Как правило, низ рубахи – стан – это четыре полотнища с одинаковой вышивкой. Мастерице из прошлого, которая шила эту рубаху, было неинтересно вышивать одно и то же. Поэтому на каждом полотнище

Вышивка для начинающих –
мережка

Девичья повязка
с золотным
шитьем

разные сюжеты, но все они связаны с птицами. В более позднее время, когда мастерицы-вышивальщицы начали учиться писать, они стали подписываться – «вышивала пав».

Преподаватель по вышивке, заместитель руководителя студии «Русские начала» Ольга Климова рассказывает: «Вышивая, нельзя было отвлекаться. Неслучайно вышивали Великим постом. Удивительно то, что вышитые предметы, которыми мы восхищаемся спустя столетия, созданы, по сути, детьми. Ведь основное время для вышивки – до свадьбы. А запастись приданого надо было немало: несколько десятков рубах, сорок полотенец, постельное белье, верхнюю одежду».

В одной из самых распространенных техник вышивки, тамбур, вышита мастерами студии коллекция сарафанов-кумачни-

ков Ошевенской волости Каргопольского уезда. Название «тамбур» пришло в Россию в XIX веке из французского языка и означает «барабан». Видимо, из-за сходства с этим музыкальным инструментом хорошо натянутой на пальцах ткани, по которой затем вышивали специальной иглой-крючком. Однако на Руси такая вышивка была известна и ранее и имела свои названия: «в петлю», «косичкой», «в цепочку». Самое трогательное прозвище она получила у каргопольских мастериц: мелкие стежки-петельки, соединенные в причудливые узоры, напоминали им мышинные тропки.

«В одной из экспедиций в село Архангело Каргопольского района нам показали старинную, вышитую «мышинной тропкой» юбку, по верху которой были вышиты слова – «вышивала Ав-

дотья своей дочери Ирине носила счастливо не утерять», – рассказывает Ольга Климова. – А вечером мы были в гостях в семье, которая занимается своим генеалогическим древом. Да вот незадача – не могут одного имени узнать. Была в семье Авдотья, а как звали ее дочку – неизвестно. В разговоре выяснилось, что знакомая нам юбка – из этой семьи. А недостающее имя дочки, таким образом, – Ирине».

Вышивая, современные мастерицы иногда играют в игру под названием «Вышей свою мечту». Перед началом вышивки загадывают свое самое заветное желание. И нередко мечты сбываются. Самая заветная мечта коллектива «Русские начала» – создание школы русского костюма, которой, к сожалению, до сих пор нет в нашей стране. Сохранить созданные с невероятным мастерством и упорным трудом коллекции, сохранить саму идею по изучению и возрождению русской традиции, воспитать преемников и передать полученные знания. Для этого нужно не так много – здание, где могли бы разместиться учебные классы, мастерские, фонды, выставочный зал и небольшой магазинчик, в котором любой заинтересовавшийся традицией человек мог бы найти все: от иглолки до картуза. Мечта поменьше, но не менее важная – чтобы в России начал издаваться хотя бы один журнал, посвященный традиционному русскому костюму.

«Мы действительно открываем людям Русский мир, – говорит Татьяна Валькова. – Через погружение в традицию происходит понимание своих корней, появляется чувство собственного достоинства. Если мы забудем, кто мы такие, то просто перестанем существовать...». Услышанная когда-то давно фраза «не нами заведено, не на нас и закончится» стала девизом коллектива. Постичь праздник живой красоты традиционного костюма, сохранить и передать в будущее все, что оставили нам наши предки, – жизненно важное стремление мастеров «Русских начал».

ЩЕЛОКОВСКАЯ МАСЛЕНИЦА

АВТОР

**ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА**

ФОТО

**АЛЕКСАНДРА
БУРОГО**

РАЗ ВЕСНА ПРИШЛА – ЗНАЧИТ, ХОРОШО
ЕЕ ЗАЗЫВАЛИ!.. А МЫ ВАМ РАССКАЖЕМ,
КАК ПРОЩАЛИСЬ С ЗИМНИМИ ХОЛОДАМИ
В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ И ПОЧЕМУ
НИЖЕГОРОДЦАМ ПОВЕЗЛО, ЧТО У НИХ
ЕСТЬ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ
«ЩЕЛОКОВСКИЙ ХУТОР», ГДЕ МОЖНО
ОТПРАЗДНОВАТЬ МАСЛЕНИЦУ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЩЕДРО,
ВЕСЕЛО И ШИРОКО.

ЛЕСОПАРК ЩЕЛКОВСКИЙ хутор, а в народе попросту «Щелчок» – обширная зеленая зона, которая занимает часть сразу двух районов Нижнего Новгорода. С севера это бывшая Марьиная роща, с юга – лесные владения, принадлежавшие в конце XIX века бакалейщику Щелокову, наладившему в этих местах производство сахара. Название ближайшей остановки общественного транспорта, «Сахарный дол», как раз привет из тех времен. От нее до входа в архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор», что расположен на территории лесопарка, – полтора километра по узкой дороге.

10 марта на календаре: сугробы вместо тротуаров, любимая народная забава «найди место для парковки» – и вот даже автовладельцы оставляют свои машины где придется и тянутся друг за другом ко входу в музей. Сотни и сотни горожан – это притом, что официально Масленицу отмечают в Прощеное воскресенье еще на 24 публичных площадках города. С бесплатным, в отличие от музея, входом и со всеми общеизвестными увеселениями – концертом, ярмаркой, сжиганием чучела – можно, казалось бы, и не ездить далеко. Что же заставляет не только нижегородцев, но и туристов приехать в этот день именно на «Щелчок», добраться до которого – отдельное приключение? Почему от 2 до 5 тысяч человек собирается здесь ежегодно есть блины, водить хороводы и провожать зиму?

РУССКИЙ ДУХ

«Посторонись!» – звенит колокольчик под дугой, и мимо проезжают сани, запряженные лошадкой. Следом идет лоточник в ярком кафтани, выкрикивая: «Иван-чай с Городецкого района! Хлебушек на закваске! Сушки!» Дети тянут к нему родителей: этот почти сказочный на вид дед торгует пусть и не привычными конфетами, а хочется купить у него хотя бы что-то, выбрав сувенир с лотка на широкой ленте.

Масленица на Щелоковском хуторе отмечается в аутентичных декорациях музея под открытым небом. Это не просто городская площадь или полянка в парке – здесь собрано полтора десятка памятников сельской архитектуры конца позапрошлого века, которые по бревнышку перевезли из разных районов области. Церкви, избы, амбары и овины, колодец со ступальным колесом и водяная мельница... «Машина времени», которая переносит из обычных городских будней в день, когда прапрапрабабушка доставала из сундука сарафан понаряднее.

Баранки с лотка
вкуснее
магазинных

Но исконный дух праздника, ради которого люди приезжают именно сюда, создают не только старинные постройки и красивая природа.

Сценарий и праздничная программа местной Масленицы основаны на серьезных этно-

графических исследованиях. Это – реконструкция традиционных гуляний Нижегородской губернии конца XIX – начала XX века, дорогая сердцу тех, кто ценит традиционную русскую культуру. Такую публику общепринятые элементы

Колодец со ступальным колесом конца XIX века из Городца (справа) и Покровская церковь села Старые Ключищи (1731) – экспонаты музея

шесточках куклы из мочала, в одежде из ситцевых лоскутов, украшенные разноцветными лентами.

– Это традиционная обережная кукла, – рассказывает одна из мастериц-рукодельниц, по имени Гуля. – Зовут ее Морена, в честь славянской богини – воплощения зимы. У нее принято просить, чтоб забрала все худое, что накопилось за год. Для этого надо с куколкой ласково поговорить, рассказать ей про все свои беды-несчастья, а потом сжечь – можно в общем костре, когда пойдут большую Морену сжигать, а можно и отдельно.

Шум и гам доносятся с соседнего огромного сугроба – там дети соревнуются за сладкие призы, играя в «Царя горы». Ведущий в микрофон объявляет, что до подведения итогов очередного захода осталась минута, включает погромче веселые народные переливы (за музыкальное сопровождение праздника отвечает нижегородский композитор, этномузыколог, хударук ансамбля «Свети-Цвет» Андрей Харлов. – Прим. авт.), и с вершины летит вниз очередной несостоявшийся «царь» лет восьми, румяный и с азартным блеском в глазах.

– Смотри, смотри, какая упорная! – «болеют» взрослые зрители за девушку со связкой баранок поверх розового пуховичка. Та, несмотря на многочисленные падения, упрямо лезет вверх. – Да легкая она слишком против этих пацанов!..

современных народных праздников, скорее, раздражают – нет, вопреки обычному, особого ажиотажа около детского «аквагрима», молчаливо топчется у своего товара продавец шаров, наполненных гелием, а иные посетители морщат нос, когда дым мангалов, на которых готовится шашлык, перебивает запах блинов. Здесь особый успех у тех торговцев,

кто помнит, что «щи да каша – пища наша». – И что на обычных праздниках всё бургеры да сэндвичи предлагают, а гречку вот такую не продают? – рассуждает молодой мужчина, кормящий с ложки ребенка за одним из столов. – Ведь и недорого, и полезно, и намного вкуснее! Тут и там продаются воткнутые прямо в снег на деревянных

Традиционно на Масленицу делают обережную куклу – символ зимы

**«ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА,
МЫ ТОБОЮ ХВАЛИМСЯ...»**

– Коллектив у нас небольшой, в общей сложности на плечи 16 сотрудников ложится вся подготовка, – раскрывает закулисные праздники Елена Шабалина, методист архитектурно-этнографического музея-заповедника. – Нужно и территорию расчистить от снега, и обеспечить порядок – этим занимается хозяйственный отдел из четырех человек. Научно-просветительский отдел воплощает в жизнь сценарий праздника, координируя все площадки с работой фольклорных коллективов, артистов и других выступающих. А это не только музыкальные или танцевальные номера, но и разные художественно-обрядовые формы. И ряженный медведь у нас ходит, и вспоминаем мы чествование Козы в первую неделю Великого поста – знаменитую Козью масленицу. Главный режиссер и сценарист – заведующая научно-просветительским отделом музея Ольга Ляпаева, этнограф с тридцатилетним экспедиционным стажем.

На сцене действительно поют так, как пели, должно быть, наши прапрабабушки: многим ли повезло слышать эти песни в живом исполнении?.. Этномузыканты привезли их из поездок по деревням, бережно обработали и постарались как можно точнее воспроизвести звучание, сохранив мелодии и ритмы, манеру исполнения, сам дух этих песен. Многие нижегородцы специально приезжают на Щелоковский хутор, чтобы послушать «Свети-Цвет» – старейший самобытный фольклорный коллектив области, а еще их молодых воспитанников – детский ансамбль «Оладушки».

Не оскорбит сегодня ушей пришедших на праздник обычная хитовая «попса» – со сцены звучат старинные деревенские песни и заклички в исполнении фольклорных ансамблей «Синий лен» и «Макошь», ансамбля музея-заповедника

Организацией праздника, который ежегодно посещают тысячи горожан, занимаются 16 сотрудников музея

Какие проводы зимы без катания с горок?

«Град Китеж», села Владимирское «Покрова». Будут веселить народ детские фольклорные коллективы поселка Ильиногорск «Веретёнце» и «Чекуры» села Суворова.

А в перерывах между пением – ряженные номера «Указ Масленицы» и выступление с ученым «Медведем», разучивание с гостями традиционных танцев и даже конное шоу от казачьего клуба «Нижегородское ландо», где наездники лихо демонстрируют джигитовку и фланкировку шашками.

«ЛОВИ БЛИН!»

– Многие идеи, основанные на обрядовых действиях XIX – начала XX века, сейчас воплотить трудно. Прежде всего потому, что современной публике некоторые моменты могут быть непонятны и непривычны, даже показаться отталкивающими, так как корней этих ритуалов уже не знают – они ушли из городской культуры, – сетует Елена Шабалина.

Чтобы убедиться в справедливости ее слов, далеко ходить не нужно. Не первый год воспроизводят на Щелоковской Масленице традиционный обряд метания блинов – у подготовленных зрителей летящие со второго этажа горячие блины вызывают лишь добродушный хохот и даже некоторый ажиотаж. Ведь по народному разумению, поймавшего горячий блин ждет сытный и благополучный год!

Но в этот раз традиционный обряд наделал много шума: видео с разбрасыванием блинов появилось в нескольких популярных интернет-пабликах, а там, в свою очередь, оно вызвало, мягко говоря, неоднозначную оценку. Современные пользователи соцсетей по незнанию сочли традицию... оскорблением и пищи, и людей.

Научному сотруднику музея Максиму Олюнину пришлось публично оправдываться и просвещать не помнящих своих традиций россиян:

– Блины – это не просто продукт питания, это ритуальная пища, символ. Раньше их бросали из саней, с крыш, из окон. Забрасывали на ветви деревьев, что сродни забрасыванию обрядовой выпечки на Благовещение и другие весенние праздники. Прокомментировал «блинный скандал» и научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и госслужбы Дмитрий Доронин:

– С детства нас учили: «Не играй с едой! Не кидайся хлебом!» Но здесь – совсем другой случай. Кажущееся хулиганство имело глубокий обрядовый смысл: масленичные обжорства, еда, отдаваемая, швыряемая, словно из рога изобилия, направо и налево, всем вокруг – все это должно происходить в этот день, чтобы обеспечить достаток, плодородие, урожай грядущего года. Согласно нашим экспедициям, в некоторых деревнях на юго-западе Нижегородской области на деревенских праздниках блины летели не только в костер, что было ритуальным уничтожением скоромной пищи перед постом, но и в народ.

На сцене – только лучшие фольклорные коллективы Нижнего Новгорода и области

КУЛАЧНЫЙ БОЙ – СИЛА!

Что еще могло шокировать незнакомых с народными традициями горожан на Щелоковской Масленице, так это кулачные бои. От одних только обнаженных мужских торсов на морозе, на фоне белого снега захватывало дух. А уж когда brave молодцы по команде сходятся «стенка на стенку» и по-настоящему яростно молотят друг друга, слабонервным вообще лучше не смотреть!.. Но звучит свисток, и они расходятся, улыбаясь соперникам, а то и обнимаются руками в боксерских перчатках.

– Три-четыре года назад я начал заниматься боксом, – рассказывает участник выступлений Данил Антонов. – А в прошлом году предложил мне поучаствовать в боях на Масленицу. Техника и дух здесь, конечно, отличаются: если в боксе ты постоянно «закрыт», стараешься ударить соперника и не дать ударить себя, работаешь на результат и выигрыш, то в кулачном бою движения более открытые, размашистые. Ты как бы говоришь: «Я тебя побью, покажу свою силушку, но если и мне от тебя попадет – ничего страшного».

Даже мушкетеры празднуют Масленицу!

Бьем сильно и жестко, но без злобы, аккуратно – нет цели «вырубить» соперника. Нас зрители часто спрашивают: как вы понимаете, кто победил? А нет такой цели, главное – не победа. Помимо «стенки на стенку» в программе есть и бои один на один. По словам Данила, они хоть и не так зрелищны, зато для бойца – самое интересное: – Поединок длится от 15 до 30 секунд, за это время выложиться и показать что-то особенное, конечно, не успеваешь. Но успеваешь почувствовать противника, попробуешь себя с разными соперниками. Не ожидал – а тебе «надавали». Или наоборот!

Исторически на Масленицу мерились силой не просто так, а чтобы «родился сильный урожай». Такие бои были не местом для личных разборок. Наносить друг другу серьезные увечья, мстить, идти в бой с ножами и другим оружием запрещалось. Братский дух битвы замечен и сейчас, особенно когда перед боем соперники кричат хором вслед за заводилой:

«Кулачный бой – МЫ!
Кулачный бой – СИЛА!
Кулачный бой – НИ ШАГУ НА-
ЗАД!»

НА ШТУРМ!

– Раз есть нападающие, то должны быть и защитники, – громко объявляет ведущий, и на пятиметровую стену из снежных кирпичей смело взбираются желающие из собравшейся толпы.

Говорят, штурмовать снежные крепости впервые начали в Сибири, где это задумывалось чем-то вроде памяти о покорении дальних земель. Но потом традиция шутивого сражения

Хоть и жаль кукол, а все же по традиции их нужно сжечь – как и большое чучело зимы

Готовность гостей активно включиться в праздничное действо радует организаторов больше всего

прижилась и в других губерниях. Сейчас-то далеко не везде встретишь такую забаву в масленичной программе: прежде чем крепкую да высокую крепость взять штурмом, ее ж надо построить!..

Даже не сожжение нарядной грудастой Морены больше человеческого роста становится для меня главным эмоциональным моментом Щелоковской Масленицы. А вот эта минута, когда ватага мужиков и парней в народных костюмах с криком и гиканьем бросается на крепость, попадая под яростный обстрел снежками. Они становятся живой лестницей, взбираются по плечам товарищей и, несмотря на сопротивление «защитников», переваливаются за стену – может, не так изящно, как богатыри в исторических фильмах, зато с неподдельными эмоциями, с громким победным «Вперед!..».

Сама крепость на удивление хорошо стоит под этим напором силушки молодецкой и еще долго, пожалуй, будет радовать потом детей – до той самой поры, пока не «возьмут» ее, растопив до основания, теплые весенние лучи. ❀

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru